

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Лаборатория политики культурного наследия
Комиссия по изучению культурного наследия
Пермского края

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

**Проблемы региональной идентичности
и периодическая печать XIX – начала XX века**

Допущено методическим советом Пермского государственного национального
исследовательского университета в качестве учебного пособия для студентов,
обучающихся по специальности «Журналистика»
и по направлению подготовки бакалавров «Журналистика»

Пермь 2013

УДК 070(091) “18/1917”(075)
ББК 76.01+76.02
И 907

Составители – **Е. Г. Власова, З. С. Антипина**

И 907

История отечественной журналистики: проблемы региональной идентичности и периодическая печать XIX – начала XX века [Электронный ресурс]: учеб. пособие / сост. Е. Г. Власова, З. С. Антипина; Перм. гос. нац. исслед. ун-т; Лаб. политики культурного наследия Перм. гос. нац. исслед. ун-та. – Электрон. дан. – Пермь, 2013. – 340 с. – Систем. требования: процессор Intel Pentium, 1,3 ГГц; 40 Мб HDD; 256 Мб RAM; операц. система Windows 98 и выше; рекомендуемое разрешение 1024x576, CD-ROM или DVD-ROM; ПО для чтения документов в формате *pdf. – Загл. с этикетки диска.

ISBN 978-5-7944-2245-0

В пособие вошли научные статьи, посвящённые особенностям формирования региональной идентичности на страницах пермской периодической печати XIX – начала XX вв. Издание дополнено хрестоматией, в которую включены рецензии столичной печати на повременное издание «Пермский сборник» и обзорные статьи о пермской печати, а также журналистские публикации пермских авторов XIX – начала XX вв.

УДК 070(091) “18/1917”(075)
ББК 76.01+76.02

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского национального исследовательского университета

Рецензенты: д-р филол. наук проф. зав. каф. истории и теории журналистики Северо-Кавказ. федерал. ун-та **О. И. Лепилкина**; д-р филол. наук проф. каф. рус. лит. Урал. Федерал. ун-та **Е. К. Созина**, канд. филол. наук доц. каф. соц.-культур. деятельности Перм. гос. акад. искусства и культуры **Г. В. Куличкина**.

Издание подготовлено при поддержке грантов РГНФ 11-14-59001 «Отражение процесса формирования региональной идентичности в периодической печати Пермской губернии (1840–1890-е гг.)» и 13-14-59010 «Формирование уральского дискурса в российской печати XIX – начала XX вв.»

© Е. Г. Власова, З. С. Антипина, составление, 2013
© Пермский государственный национальный
исследовательский университет, 2013
© Лаборатория политики культурного наследия, 2013

ISBN 978-5-7944-2245-0

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<u>I. ИСТОРИЯ ПЕРМСКОЙ ПЕЧАТИ XIX В.</u>	<u>7</u>
Власова Е. Г. Из истории изучения пермской периодической печати	7
Кустов В. А. Газета «Пермские губернские ведомости» как источник по истории края	14
Ганина М. А. Русская журналистика 40–60-х гг. XIX в. и пермская общественность	17
Корчагин П. А. Летопись города Перми: инструмент формирования исторической идентичности	34
Власова Е. Г. Урал в путевых очерках П. И. Мельникова-Печерского и Д. Н. Мамина-Сибиряка: взгляд извне и изнутри	43
Антипина З.С. История Пермского края Д. Д. Смышляева на страницах «Пермских губернских ведомостей»	57
Антипина З. С. Границы Пермского края в пермской публицистике XIX в.	63
Антипина З. С. «Пермский сборник» в истории формирования уральского дискурса	69
Чурилов Э. В. В поисках пермской чуди: научные концепции и народные представления о прошлом Пермского края в работах С. И. Сергеева и Ф. А. Теплоухова	75
Власова Е. Г. Коми-пермяки в изображении дореволюционной периодики Перми	87
Печищев И. М. Пермяки в газете «Пермские губернские ведомости»	101
Власова Е. Г. Пермь в местной фельетонистике конца XIX – начала XX в.	112
<u>II. ВИДЫ И ЖАНРЫ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ПЕРМИ XIX – НАЧАЛА XX В.</u>	<u>127</u>
Власова Е. Г. «Газетная» литература конца XIX – начала XX вв.	127
Власова Е. Г. Стихотворный фельетон в истории уральской периодики рубежа XIX и XX вв.	135
Власова Е.Г. «Дорожная литература» Перми начала XX в.: место и стратегии повествования	152

Власова Е. Г. «Московские письма» М. А. Осоргина: в начале «мечтаемой с детства дороги»	163
Антипина З. С. «Екатеринбургские письма» в газете «Пермские губернские ведомости»	175
Абашев В. В. Апология провинции в литературной критике 1910-х годов (пермский журналист Чубин-Черномор).....	178
ХРЕСТОМАТИЯ	186
Добролюбов Н. А. Пермский сборник	186
Пыпин А. Н. Пермский сборник	207
Михайлов М. Л. Пермский сборник	214
Шелгунов Н. А. [О «Пермском сборнике»]	223
С-н. Пермский сборник	228
Верхоланцев В. С. Литература. Периодическая печать.....	243
Камасинский Я. Эволюция печати г. Перми	251
ЖУРНАЛИСТСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.	263
Кашин А. Г. Открытие г. Перми и Пермской губернии (Из рассказа очевидца)	263
Смышляев Д. Д.	272
Краткий обзор истории Пермского края.....	272
Осоргин М. А. Московские письма: Пасха.....	289
По Перми ходят белые медведи... ..	291
К-ъ Р. Д. Екатеринбургские письма.....	294
Ильин С. А.	299
Владимир Галактионович Короленко (15 июня 1853 – 15 июня 1903 гг.).....	299
Mein liebchen Пермь	302
Кричевский В. Я. Екатеринбург — что пермяк	304
Геммельман С. С. Письмо в Москву.....	305
Скугарев А. Н. Мотовилихинская статистика	308
Мейер Ф. По Вишере (Из путевых набросков).....	309
С. А. Н. По Чердынскому уезду (Наброски по личным впечатлениям)	319
Чубин. Два слова о современном человеке	332
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	336
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	339

ПРЕДИСЛОВИЕ

Адекватное понимание истоков, а также структуры и содержания региональных идентичностей является одной из насущных задач современного российского общества и отечественных гуманитарных наук. Поиск основ и формул территориальной и культурной идентичности заставляет местное сообщество обращаться к опыту прошлого, к истокам процессов формирования регионального самосознания. Ценный опыт становления региональной идентичности представляет история Пермского края, административно выделенного первоначально в составе Пермской губернии в конце XVIII в. Губернские границы Прикамья оставались неизменными с 1781 по 1919 г. Устойчивость границ на протяжении длительного периода, а также рубежное положение региона способствовали интенсификации процессов территориального самоопределения. Местная периодическая печать стала одной из основных площадок становления региональной идентичности.

Актуальность главной темы представленного учебного пособия обусловлена двумя обстоятельствами. Прежде всего проблема региональной идентичности изучается, как правило, в социологическом плане. При этом недооценивается тот факт, что становление идентичности всегда опосредовано культурно-языковыми процессами: нет идентичности вне ее риторики — плана словесно-образного выражения. Иными словами, невозможно изучать идентичность без изучения текстового, литературного материала. Для провинциальных территорий, особенно на первых этапах становления идентичности, такой материал представлен почти исключительно публикациями местной периодической печати.

В связи с этими обстоятельствами изучение истории пермской периодической печати в свете проблем региональной идентичности представляется продуктивным вдвойне: во-первых, для изучения пермского опыта формирования локальной идентичности, во-вторых, для углубленного рассмотрения истории пермской периодической печати.

Основная роль пермской периодики в процессе становления региональной идентичности заключалась в организационно-просветительской миссии: она стала площадкой для изучения и популяризации материалов по истории, экономике и культуре прикамского Урала. Все основные пермские издания: «Пермские губернские ведомости» (1838–1919), «Пермские епархиальные ведомости» (1867–1919), «Пермский сборник» (1859–1860), «Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии» (1892–1915), «Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии» (1863–1917), «Сборник Пермского земства» (1872–1906) и др. — регулярно размещали краеведческие публикации на своих страницах.

Кроме того, предметом рассмотрения данного пособия послужили литературные и художественно-публицистические материалы пермской периодики. Это рассказы, фельетоны, очерки, а также литературно-критические публикации, связанные с разными аспектами социального, культурного и эстетического самоопределения. Представить все эти публикации в качестве одной из важнейших сфер региональной самоидентификации — это и есть задача данного учебного пособия.

Пособие состоит из двух разделов. Первый представляет собой подборку исследований по истории пермской периодики XIX — начала XX в. Он содержит два подраздела, посвященных соответственно проблемно-тематическому и стилевому анализу публицистических и художественных материалов ведущих пермских изданий. Второй раздел пособия — это хрестоматия, в которой собраны публикации ведущих пермских публицистов. В них нашли отражение наиболее заметные черты пермской идентичности.

Пособие адресовано студентам, изучающим историю отечественной журналистики; специалистам — ученым и политикам, занимающимся проблемами регионалистики; преподавателям вузов и средних школ, которые ведут дисциплины регионального компонента.

I. ИСТОРИЯ ПЕРМСКОЙ ПЕЧАТИ XIX В.

Е. Г. Власова

Из истории изучения пермской периодической печати

Традиции изучения региональной литературы и журналистики были заложены в 20–30-х гг. XX в. благодаря исследовательской деятельности Н. К. Пиксанова, И. М. Гревса, П. Н. Сакулина, Н. П. Анциферова. На Урале ярким представителем нового научного направления стал профессор Пермского университета, заведующий кафедрой русской литературы П. С. Богословский. Деятельность П. С. Богословского и созданного им «Кружка по изучению северного края» впервые обозначила самостоятельность краеведческих исследований в контексте местных научных интересов, определила круг проблем и заложила основы систематической собирательной работы. До сих пор эти материалы являются одним из основных источников изучения дореволюционной истории уральской литературы и журналистики¹.

В начале 30-х гг. региональные исследования начинают вступать в противоречие с процессами жесткой централизации советской жизни. На долгое время литературно-краеведческая работа уходит из сферы актуальных интересов советской науки.

Проблемы истории уральской периодики получают должное внимание в 1960-х гг. в рамках работы факультета журналистики Уральского государственного университета. Во многом эта работа была вдохновлена лич-

¹ Богословский П. С. Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае // Пермский краеведческий сборник. Вып. 2. Пермь, 1926. С.16–29; он же. Пермский край в историко-литературном отношении // Экономика. 1925. № 3. С. 54–59.

ным энтузиазмом преподавателя кафедры истории печати и крупнейшего знатока истории уральской периодики В. А. Павлова. Его «Очерки по истории уральской журналистики»¹ до сих пор остаются единственным, по сути, хронологически последовательным руководством в данной области. К сожалению, «Очерки» охватывают только часть истории дореволюционной журналистики Урала: последняя книга, посвященная периоду рубежа XIX и XX вв., не была издана.

Материалы этого тома частично представлены в учебном пособии «История Урала»², в подготовке которого В. А. Павлов принимал живейшее участие. Остается только сожалеть, что справочный формат издания не позволил подробнее остановиться на специальном анализе этого периода, ограничив повествование перечнем основных имен и дат. Однако нужно отметить, что значительная часть фактического материала нашла отражение в многочисленных статьях В. А. Павлова, библиография которых была подготовлена кафедрой журналистики УрГУ и выпущена отдельным изданием в 2000 г.

В условиях жесткого социального заказа большая часть исследований по дореволюционной истории местной журналистики была связана с изучением большевистской печати³. Работы В. А. Павлова советских лет также были сфокусированы на проблеме участия уральской прессы в революционном движении. Среди немногих специальных работ, посвященных периоду рубежа XIX и XX вв., нужно указать на работу Л. П. Макашиной «Легальная печать и публицистика Урала 1907–1917 гг.»⁴, которая содержит статистически

¹ Павлов В. А. Очерки истории журналистики Урала. Т. 1. Свердловск, 1992. Т. 2, кн. 1. Свердловск, 1995.

² История Урала: в 2 т. / под ред. И. С. Капцговича. Т. 1. Пермь, 1976.

³ Курасов А. И. Становление и развитие революционной печати на Урале в начале XX в.: учеб. пособие. Свердловск, 1981.

⁴ Макашина Л. П. Легальная печать и публицистика Урала в 1907–1917 гг.: Тест лекций. Свердловск, 1988.

тщательный обзор уральской периодики тех лет и ее общую характеристику, при очевидном приоритете интереса к большевистской печати. Так, 2-я и 3-я лекция (из трех) посвящены публицистике большевиков — соответственно в небольшевистских и большевистских изданиях. Лекции носят исключительно обзорный статистико-тематический характер, публицистические жанры предметом специального анализа в этой работе не являются.

История пермской журналистики XIX в. на сегодняшний день представлена в статьях М. А. Ганиной, которая занималась историей пермской журналистики 40–60-х гг. XIX в., В. А. Кустова, изучавшего историю «Пермских губернских ведомостей» (ПГВ).

Среди других источников по истории уральской периодики назовем исследования краеведов — Д. А. Красноперова¹, Е. Д. Петряева², С. Черных³, А. А. Шмакова⁴, Ю. М. Курочкина⁵. Их работы позволяют, в частности, уточнить и расширить список псевдонимов и некоторые подробности биографии уральских журналистов.

Немало ценных фактических данных по истории дореволюционной периодической печати Перми содержится в краеведческих изданиях Пермской государственной краевой универсальной библиотеки

¹ Красноперов Д. А. С. А. Ильин — старший брат М. Осоргина // Михаил Осоргин. Страницы жизни и творчества. Пермь, 1994. С. 90–95.

² Петряев Е. Д. Псевдонимы уральцев // Тезисы докладов и сообщений вторых уральских Бирюковских чтений. Челябинск, 1974. С. 82–85.

³ Черных С. Загзета и др. // В мире книг. 1976. № 8. С. 70–79.

⁴ Шмаков А. А. Урал литературный: Краткий библиографический справочник. Челябинск, 1988.

⁵ Курочкин Ю. М. Уральская псевдонимика // Тезисы докладов и сообщений Вторых уральских Бирюковских чтений. Челябинск, 1974. С. 64–69.

им. А. М. Горького¹ и Центральной городской библиотеки им. А. С. Пушкина².

До сих пор не утратили своего значения для изучения истории пермской журналистики XIX и начала XX в. дореволюционные исследования, летописи и архивы. Важнейшими первоисточниками для фактографического изучения истории пермской периодики остаются «Летопись города Перми» и книга «Вся Пермь, ее прошлое и настоящее» В. С. Верхованцева³, «Эволюция печати города Перми»⁴ Я. Шестакова, а также «Список псевдонимов, употребляемых сотрудниками уральской прессы в 1890–1908 гг.» В. А. Весновского⁵, послуживший основой для уральских материалов словаря И. Ф. Масанова⁶, материалы личных фондов А. К. Шарца⁷, Е. Н. Косвинцева⁸, И. Г. Остроумова⁹, В. П. Бирюкова¹⁰ и В. А. Весновского¹¹, которые хранятся в Государственных архивах Пермского края и Свердловской области. В работе с дореволюционными источ-

¹ Вестник Смышляевских чтений. Вып. 1–5. Пермь, 1994–2008; Периодическая печать Пермской области: история и современность: материалы научно-практической конференции, посвященные 300-летию российской печати. 26 марта 2003 г. Пермь, 2003; Литературное краеведение Прикамья: материалы научно-практической конференции 25 апр. 2006 г. Пермь, 2006.

² Смышляевский сборник. Пермь, 2010, 2011, 2012. Пермский дом в истории и культуре края: материалы научно-практической конференции. Вып. 1–5. Пермь, 2008–2012.

³ Верхованцев В. С. Город Пермь, ее прошлое и настоящее. Пермь, 1913.

⁴ Камасинский Я. Эволюция печати в городе Перми // Камасинский Я. Указ. соч. С. 5–16.

⁵ Весновский В. А. Список псевдонимов, употребляемых сотрудниками уральской прессы в 1890–1908 гг. // Родной край и школа. Челябинск, 1973. С. 199–206.

⁶ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов: в 4 т. Т. 1. М., 1956; Т. 2. М., 1957; Т. 3. М., 1958; Т. 4. М., 1960.

⁷ ГАПК. Р-790. Личный фонд А. К. Шарца.

⁸ ГАПК. Р-837. Личный фонд Е. Н. Косвинцева.

⁹ ГАПК. Р-72. Личный фонд И. Г. Остроумова.

¹⁰ ГАСО. Р-2266. Личный фонд В. П. Бирюкова.

¹¹ ГАПК. Р-1251. Личный фонд В. А. Весновского.

никами репрезентативным изданием по данному вопросу является библиографический указатель «Периодика Урала»¹.

Традиция рассмотрения периодики в качестве самостоятельного источника для историко-литературных исследований была актуализирована в деятельности лаборатории литературного краеведения, созданной в 1992 г. при кафедре русской литературы Пермского государственного университета В. В. Абашевым. Одним из направлений деятельности лаборатории стало изучение литературной жизни Перми рубежа XIX и XX вв. При этом установка на обращение к периодике как богатейшему и совершенно не изученному источнику материалов о литературной жизни послужила общим методологическим обоснованием работы. Важнейшим результатом собирательной деятельности в рамках этого направления стал созданный в ходе фронтального просмотра каталог «Культурная жизнь Перми рубежа XIX и XX вв. по материалам местной периодики», который представляет более 10 тысяч единиц хранения. На базе этого каталога в 2000 г. коллективом лаборатории был подготовлен аннотированный указатель «Литературная жизнь России конца XIX – начала XX вв. на страницах пермской периодической печати (1890–1917 гг.)»². Кроме того, по материалам собранной коллекции были защищены две диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук Е. Г. Власовой «Уральская стихотворная фельетонистика конца XIX – начала XX в.» (Екатеринбург, 2001) и Т. Н. Масальцевой «Литературная критика газеты “Пермские губернские ведомости”: 1890–1917 гг.» (Пермь, 2006).

¹ Периодика Урала: Библиографический указатель. Вып. 1 (Дореволюционные издания). Свердловск, 1976.

² Абашев В. В., Кустов В. А., Масальцева Т. Н. Литературная жизнь России конца XIX – начала XX вв. на страницах пермской периодической печати (1890–1917 гг.): Аннотированный библиографический указатель. Пермь, 2007.

Одним из важнейших результатов деятельности лаборатории стало книжное издание материалов пермской периодики XIX — начала XX в. В частности, были подготовлены книги «Пермяки: антология пермской фельетоники конца XIX — начала XX в.» (сост. Е. Г. Власова, 1996), «Прогулки по старой Перми: страницы городского фельетона конца XIX — начала XX в.» (сост. Е. Г. Власова, 1998), «Священная седмица святых просветителей Пермской страны (XVI—XVII вв.)» Афанасия Какорина (ред. В. В. Абашев, 1996), «Московские письма: 1897—1903» Михаила Осоргина (сост. Е. Г. Власова, 2003).

С 2008 г. на базе лаборатории при поддержке Российского гуманитарного научного фонда под руководством Е. Г. Власовой было реализовано несколько исследовательских проектов, направленных на создание архива художественных и публицистических текстов региональной периодической печати и корпуса уральской публицистики в центральной прессе: «Литературная жизнь провинциального города конца XIX — начала XX в.» (2008—2009 гг.), «Отражение процесса формирования региональной идентичности в периодической печати Пермской губернии (1840—1890-е гг.)» (2011—2012 гг.), «Формирование уральского дискурса в российской печати XIX — начала XX в.» (2013—2014 гг.). В создании архива и научном описании материалов принимали участие студенты направлений «Филология» и «Журналистика» филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета Наталья Степашкина, Анна Патрушева, Анастасия Котельникова, Анастасия Ефимова, Екатерина Половникова, Полина Лобанцева, Полина Бабинцева, Мария Расторгуева, Мария Гранова, Ольга Никитина.

В 2010 г. начата работа по переводу архивных копий в текстовый формат и размещению ключевых журналистских материалов дореволюционной периодики Перми на общедоступных городских Интернет-ресурсах:

на сайте dompasternaka.ru (коллекция «Пермский архив», 1 часть) и на сайте kulturaperm.ru (проект «Пермская библиотека», коллекция «Пермский архив», 2 часть). Расшифровка множества публикаций проводилась студентами очного и заочного отделений в рамках исследовательской работы семинаров Е. Г. Власовой и З. С. Антипиной.

В. А. Кустов

Газета «Пермские губернские ведомости» как источник по истории края¹

Дореволюционные провинциальные периодические издания являются источником информации по истории края. Разнообразные сведения из истории среднего Урала — его экономики, культуры, этнографии и фольклора — содержатся в неофициальной части «Пермских губернских ведомостей» за 1841–1917 гг.

Периодическая печать зародилась на среднем Урале через 46 лет после возникновения в Перми типографии. Первый номер «Пермских губернских ведомостей» вышел 8(20) января 1838 г. С 1 января 1841 г. в газете была открыта неофициальная часть, которой суждено было стать важным средством публикации и пропаганды материалов, затрагивающих вопросы местного характера.

Наиболее яркий период в истории неофициальной части газеты — конец 50-х — начало 60-х гг., то есть время, совпавшее с периодом активизации просветительской деятельности местной прогрессивной интеллигенции под влиянием общерусского освободительного движения. За этот срок «Пермские губернские ведомости» опубликовали около 600 статей и заметок об истории края, местном хозяйстве, народном образовании и состоянии медицинского обслуживания в губернии. Значительное место среди них заняли сообщения о жизни горнозаводских рабочих и среднеуральских крестьян.

В эти же годы в газете появился новый отдел — учено-литературный, в котором помещали материалы, тоже знакомившие читателей с историей края. Авторами их были П. и И. Володины, А. Дмитриев, А. Зырянов, Е. Красноперов, Н. Рогов, Д. Смышляев, Н. Чупин, В. Шишонко и другие местные краеведы-энтузиасты,

¹ Впервые опубликовано: 250 лет Перми. Материалы научной конференции «Прошлое, настоящее и будущее Перми». Пермь, 1973. С. 70–71.

внесшие неоценимый вклад в изучение истории края. В 70–80-е гг. в «Пермских губернских ведомостях» было опубликовано свыше 350 статей и заметок, авторы которых поднимали вопросы о необходимости изучения края, его народного быта и старины. В 132 статьях фольклорно-этнографического содержания отразились размах массового собирательского движения в Пермской губернии и его связи с демократическим народознанием. Авторы сообщений — учителя, врачи, агрономы и мелкие служащие уездных и волостных учреждений — по роду своей деятельности стояли близко к крестьянской массе.

Типичным примером может служить деятельность постоянных нештатных корреспондентов газеты И. В. Змеева из Красноуфимска и В. А. Попова, учителя из села Сергинского Пермского уезда, присылавших в течение двух десятилетий разнообразный материал, который отражал жизнь уездов. В конце 1870-х гг. в неофициальной части газеты было опубликовано 12 социально-этнографических статей и заметок В. А. Попова, посвященных различным вопросам: хозяйственному положению односельчан, состоянию медицинского обслуживания в волости, постановке народного образования в уезде и т. п. Внимание корреспондента к народному быту сочеталось с критической оценкой суеверий и предрассудков. Причину их бытования собиратель видел в экономическом положении крестьян. Об этом убедительно свидетельствует одна из последних статей, в которой автор нарисовал яркую картину развивающегося капитализма на Урале¹. В смысле привлечения сведений о народном быте социально-этнографические очерки

¹ См.: Именной указатель. В кн.: Дмитриев Д. Д. Указатель статей, касающихся Пермской губернии и помещенных в неофициальной части «Пермских губернских ведомостей» в период с 1841 по 1884 г. Пермь, 1885. С. 25–27.

В. А. Попова вполне отвечали требованиям демократического народознания¹.

В 1894 г. произошла коренная реформа «Пермских губернских ведомостей». С 5 июля (№ 95) неофициальную часть стали издавать отдельно от официальной. Этот порядок сохранялся вплоть до закрытия издания. Здесь стали появляться редакционные статьи на общественно-политические, экономические и литературные темы. Видное место заняли материалы экономико-статистического характера о сельском хозяйстве и горнозаводской промышленности, дававшие картину развития капитализма на среднем Урале. В этот период активно работали журналисты либерального и либерально-народнического направлений — В. Кандауров, В. Скугарев, В. Кричевский; в газете сотрудничали А. Воеводин, С. Ильин, Н. Вилесов, Е. Косьвинцев и некоторые другие местные литераторы.

С появлением частной прессы «Пермские ведомости» стали терять свою общественную значимость: в них сократилось количество статей на местные темы, их заменили информационные материалы отдела хроники. В этом отделе были, например, сообщения о всеобщей политической стачке на Урале 1905 г., о волнениях рабочих Мотовилихи, заметки с театра военных действий и небольшие очерки о пермяках — участниках русско-японской и первой мировой империалистической войн.

События 1917 г. нашли отражение в многочисленных статьях «Пермских ведомостей», но их авторы в большинстве не могли дать оценку происходящему, объективно показать развитие революционных событий. Газета прекратила существование 10 марта 1917 г. на 55-м номере.

¹ Русская периодическая печать (1702 — октябрь 1917 г.) / под ред. А. Г. Дмитриева [и др.]. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957. С. 255–271.

М. А. Ганина

Русская журналистика 40–60-х гг. XIX в. и пермская общественность¹

Одной из закономерностей общественно-политической и культурной жизни России является ведущая роль прогрессивной демократической журналистики в пропаганде передовых идей времени.

Связи пермской общественности с демократическими и революционно-демократическими журналами 40–60-х гг. — «Отечественными записками», «Современником», «Русским словом», «Веком» — характеризуют уровень общественно-политической и культурной жизни города и края.

Сороковые годы XIX в. — время активизации общественной мысли и литературы, время появления в общественном движении разночинцев. Серьезные изменения произошли и в журналистике. На страницах журналов отражалась острая идейная борьба, велось обсуждение волнующих проблем, вырастал «новый читатель»: из чиновничества, купечества, духовенства, крестьян². Следствием таких изменений было и появление корреспондентов нового типа — разночинцев, которые присылали материалы из разных районов страны.

Самым значительным и популярным журналом 40-х гг. были «Отечественные записки». Во главе критико-библиографического отдела журнала с октября 1839 г. встал В. Г. Белинский, который «старался превратить и превратил журнал в трибуну идей народного освобождения и прогресса России... хотел, чтобы «Отечественные записки» сделались подлинным выразителем на-

¹ Впервые опубликовано: 250 лет Перми. Материалы научной конференции «Прошлое, настоящее и будущее Перми». Пермь, 1973. С. 142–151.

² История русской журналистики XVIII–XIX вв. М., 1966. С. 251.

родных чаяний и обращались бы... ко всем передовым читателям»¹.

«Отечественные записки» при Белинском сыграли важную роль в становлении общественного сознания разночинной интеллигенции на местах. Именно в эти годы началось сотрудничество представителей пермской общественности с этим журналом. В «Отечественные записки» присылал свои «Дорожные записки» П. И. Мельников (А. Печерский), бывший в 1837–1838 гг. учителем Пермской гимназии. Среди различных сведений о Пермской губернии и городе Перми представляет, например, интерес критическое замечание автора о том, что «город обстроен очень незавидно... каменных домов только 40... На самом видном и лучшем месте города построены дома, принадлежащие гр. Строганову, гр. Строгановой, Лазаревым, Яковлеву, Демидову, кн. Голицыным и проч. ... присутственные места и гимназия помещаются в домах посредственных...»².

Не все стороны общественной жизни города попали в поле зрения писателя. Так, он ни словом не обмолвился о поэте Феонове, чьи сатиры были направлены против губернатора, властей, деятельность и драматическая судьба которого опровергала слова автора «Записок» о том, что «Пермь тиха, безмятежна»³.

В «Дорожных записках» содержались местные предания об остатках вала у деревни Усть-Чусовой, о Чудском городище, происхождении Орла-городка, волжском удалце донском казаке Ермаке Тимофеевиче, нашествии татар на Соликамск, песни и предания коми-пермяков. Записанные П. И. Мельниковым и пересказанные им как выражение «русского духа в неподдельной простоте», эти материалы были опубликованы в

¹ История русской журналистики XVIII–XIX вв. М., 1966. С. 256.

² Мельников П. И. (А. Печерский). Полн. собр. соч. Т. 7. СПб., 1909. С. 569.

³ Там же. С. 572.

журнале, сыгравшем огромную роль в становлении массового собирательского движения.

В «Отечественные записки» в феврале 1844 г. прислал «Плачи, или заунывные песни, которые поют невесты в девишник и в день свадьбы» Н. Карнаухов, смотритель уездного училища г. Чердыни. В письме к редактору он назвал журнал «превосходным изданием» и свою дальнейшую корреспондентскую и собирательскую работу связывал с «Отечественными записками» («угодно ли Вам иметь и другие любопытные сведения о здешнем крае?»¹). Подтверждением сотрудничества пермского корреспондента служит публикация в 57-м томе «Отечественных записок» за 1848 г. его статьи «Этнографические черты г. Чердыни».

То, что П. И. Мельников (А. Печерский) и Н. Карнаухов присылали свои материалы в журнал В. Г. Белинского, свидетельствует о знакомстве представителей пермской общественности с передовой журналистикой и их близости демократической направленности «Отечественных записок».

Журнал Белинского сыграл огромную роль в возникновении собирательского движения на местах². Это движение начало развиваться и на среднем Урале. Первые его шаги были сделаны под воздействием «Отечественных записок» 40-х гг. Под влиянием демократического журнала расширялся круг интересов собирателей, их деятельность выходила за рамки программы Русского географического общества, в записях стали появляться

¹ Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (РГБ). Ф. 125. Ед. хр. 54. Л. 2267–2268.

² Богомолов Б. И. Борьба Белинского за научное собирание и издание фольклора // Советская этнография. 1949. № 1; Василенко В. А. Очерк истории собирания и изучения народной песни Сибири // Сибирский фольклор. Вып. 1. Томск, 1965. С. 18–19; Кошелев Я. Р. Сибирь и русская фольклористика. Томск, 1962. С. 22–23; Тонков В. А. Из истории собирания и изучения воронежского фольклора // Фольклор Воронежской области. Воронеж, 1949. С. 13–20.

произведения фабрично-заводского фольклора, сатирические сказки и т. д.¹

Важнейшим периодом в истории страны были 60-е гг. Они знаменательны и для Пермской губернии как время активизации передовых сил в связи с общим подъемом революционного движения в России². «...Ведущую роль играют журналы демократического направления. «Современник», «Русское слово», «Искра» задают тон, определяют лицо русской периодики, оказывают решающее воздействие на читателя»³.

Убедительным доказательством связей пермской общественности с демократической журналистикой является оценка «Пермского сборника» на страницах «Современника» и «Русского слова». По мнению Н. А. Добролюбова, «Пермский сборник» «может служить прекрасным доказательством того, как много может у нас в провинции оказаться дельных и образованных людей, если только представится им случай... обнаружить свою деятельность»⁴. «Пермский сборник» дал основание Н. А. Добролюбову утверждать, что «в провинциях-то и живут люди рассуждающие, серьезно интересующиеся наукой, с любовью следящие за современным направлением мысли»⁵.

М. Л. Михайлов в «Русском слове» писал, что «Пермский сборник» «есть свидетельство в пользу нравственного развития Пермского края сравнительно с другими нашими провинциями... Нам неизвестно, кому принадлежит первая мысль этого предприятия... но все заставляет предполагать в них людей истинно просве-

¹ Ганина М. А. У истоков уральской фольклористики. (Собирание и публикация фольклора Пермской губернии в 1840–1850-е гг.) // Ученые записки ПГУ. № 193. Литературоведение. Пермь, 1968. С. 278–305.

² История Урала. Т. 1. Пермь, 1963. С. 267.

³ Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 2. Л., 1965. С. 18.

⁴ Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 5. М.-Л., 1962. С. 406.

⁵ Там же. С. 403.

щенных, понимающих великую пользу, какую могут приносить для изучения России подобные... сборники»¹.

Мысль об издании сборника появилась у представителей передовой пермской общественности. Программа «Пермского сборника», содержание выпусков, состав авторов, оценка сборника критикой – все свидетельствовало о том, что в нем нашли отражение идеи демократической журналистики. Именно поэтому «Пермский сборник» оказался, с точки зрения «Современника» и «Русского слова», своевременным изданием. По словам Н. А. Добролюбова, «Пермский сборник» – «издание очень дельное», программа его такова, что «он мог бы сделаться журналом, если бы обстоятельства благоприятствовали этому»².

Характеризуя материалы «Пермского сборника», рецензенты «Современника» и «Русского слова» прежде всего выделяли статьи о Пугачевском движении и народных волнениях. Н. А. Добролюбов писал: «...в нем есть несколько статей, имеющих интерес не только для пермяка... таковы две статьи, относящиеся ко времени пугачевского бунта... обе статьи «Пермского сборника» имеют важное значение для каждого, кто интересуется новою русскою историей...»³. М. Л. Михайлов о статье «Пугачевский бунт в Шадринском уезде» писал, что она посвящена «эпохе, крайне интересной для нашей новейшей истории, и до сих пор совсем почти не разъясненной»⁴. В отзыве на вторую книгу «Пермского сборника» он выделил «материалы для истории Пугачевщины»⁵. Рецензент «Современника» о статье «Шадринский уезд в апреле 1842 г.» писал: «...в ней мы найдем много

¹ Русское слово. 1859. № 10. Отд. 2. С. 37–38.

² Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 5. М.-Л., 1962. С. 407.

³ Собр. соч. Т. 5. М.-Л., 1962. С. 408.

⁴ Русское слово. 1859. № 10. Отд. 2. С. 39.

⁵ Там же. 1860. № 5. Отд. 2. С. 41.

фактов для объяснения народного характера, как он представляется нам в настоящую минуту»¹.

Н. А. Добролюбов считал «особенно любопытной» статью «Открытие народных училищ в Пермской губернии», написанную учителем Пермской гимназии Н. А. Фирсовым — бывшим соучеником Добролюбова, человеком близких ему убеждений и взглядов, предыдущая статья которого «Очерк воспитания девиц в Пермской губернии» вызвала протест местных властей. В связи с этим Н. А. Добролюбов, видимо, и упоминает о ней в рецензии². О близости убеждений Н. А. Фирсова Н. А. Добролюбову свидетельствует запись последнего в дневнике по поводу письма Фирсова из Перми. Автор письма рассказал о трагической судьбе молодого крестьянина, которого до смерти засекли кнутами на барском дворе. Весь этот рассказ записан Добролюбовым³.

В «Современнике» и «Русском слове» заинтересовались фольклорно-этнографическими материалами «Пермского сборника», которые соответствовали требованиям демократического народознания. Н. А. Добролюбов обратил внимание на сказку «Крестьянин и незнакомый человек», герой которой, мужик, сетует, что «третья полтина — так уходит... третью полтину даром бросаю... даю писа-ришкам, да господам». Смелость сатирических оценок и социальная направленность сказки привлекла критика «Современника», который назвал ее «любопытной»⁴. Между тем, в двух выпусках «Пермского сборника» сатирических сказок было несколько: антиклерикальные «Аксенко» и «Мизгирь», записанные А. Н. Зыряновым, «Повесть о петухе красном и лисице прекрасной», записанная доктором Питерским от мотовилихинского мастерового (это одна из первых записей сказок от рабочих).

¹ Современник. 1860. № 5. С. 64.

² Добролюбов Н. А. Собр. соч. Т. 5. М.-Л., 1962. С. 411.

³ Там же. Т. 8. 1964. С. 495–496.

⁴ Современник. 1859. № 10. С. 372.

М. Л. Михайлов, в связи со статьями о пугачевском движении, опубликованными «Пермским сборником», писал о важности использования «устных преданий», «рассказов стариков об этой замечательной эпохе»¹. В отзыве на статью «Свадебные обряды г. Чердыни» он поставил с позиций демократического народознания вопрос о значении свадебной поэзии для изучения народного быта и настроений крестьянства: «всюду в них слышно глубокое и живое чувство, протестовавшее против семейного насилия и рабства»². В «Материалах для описания быта пермяков» Н. Рогова рецензент выделил песни проголосные, среди них рекрутские и солдатские³, которые отличались разнообразием тем и мотивов, ярко выраженной социальной направленностью. В песне «Попила-то моя буйная головушка», которую цитировал М. Л. Михайлов, воспроизведены основные моменты рекрутского набора («Белы рученьки связали, резвы ноженьки сковали... Повели меня, добра молодца, в Пермь город... становили меня... под солдатскую меру...»⁴. Были песни о том, как солдатчина разлучает мать с сыном («Не по питерской дорожке»), мужа с женой, девицу с любимым («На синем море погодушка»). Песня «Мы споем-ко песню хватско»⁵ по своей социальной направленности, жизненности и конкретности описаний солдатчины, драматизму настроений, горькой иронии, с которой рисуется житье-бытье солдатское, принадлежит к замечательным песням русского народа. Близка ей по драматизму содержания и мотивам вынужденной разлуки другая — «Горе ли ты, горе»⁶, вариант которой есть в записях Ф. М. Решетникова⁷. Пи-

¹ Русское слово. 1859. № 10. Отд. 2. С. 39.

² Там же. 1860. № 5. Отд. 2. С. 46.

³ Там же. С. 45.

⁴ Пермский сборник. Кн. 2. Отд. 2. С. 33–34.

⁵ Там же. С. 48–49.

⁶ Там же. С. 35.

⁷ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (РНБ). Ф. 638. Ед. хр. 23.

сатель использовал песню в романе «Горнорабочие». Другие фольклорно-этнографические материалы «Пермского сборника» тоже отвечали требованиям демократического народознания, которые отстаивали «Современник»¹ и «Русское слово».

В целом «Пермский сборник», задуманный как «повременное издание» с программой, отражающей волнующие вопросы времени, по своей направленности, содержанию большинства статей, составу авторов был ближе демократической журналистике, а не традиционному типу местных сборников, составители которых, по словам «Современника», ограничивались «довольно узкой археологической задачей» или помещали только материалы для истории и статистического описания губернии². Именно поэтому «Пермский сборник» получил положительные отзывы в демократических журналах и стал для «Современника» своеобразным эталоном в оценке провинциальных изданий: «Пермский сборник» хорошо зарекомендовал перед публикой провинциальные сборники. Ободренные и соблазненные благосклонным приемом, который был сделан ему петербургскими журналами, провинциальные сборники с его легкой руки стали появляться и в других местах»³.

Успех «Пермского сборника» не был случаен. Годы его подготовки и выхода (1858–1860) — время активизации пермской общественности, «период, главным образом, просветительской деятельности, подготовивший консолидацию прогрессивных сил интеллигенции вокруг библиотеки А. И. Иконникова и создание кружка революционных демократов в Перми»⁴. Формами просветительства были организация воскресных школ, биб-

¹ Как понимать этнографию? // Современник. 1865. № 2. С. 181.

² Современник. 1857. № 10. С. 75.

³ Современник. 1861. № 12. С. 191.

⁴ Горовой Ф. С. Революционно-демократическое движение в Пермской губернии. Пермь, 1952. С. 97; История Урала. Т. 1. Пермь, 1963. С. 267.

лиотек для широкого читателя и журнально-издательская деятельность (свидетельство тому — «Пермский сборник»).

Стремление откликаться на «современное направление мысли» (Добролюбов) нашло выражение в программе газеты «Пермяк» (декабрь 1861 г.). В ней говорилось: «Подоспело другое время... вопросы за вопросами выступают на суд общественного мнения... поток обновленной жизни бурлит и не дает ни на минуту прилечь проснувшемуся человеку, требуя от него настоятельно ответов, выводов и применения их к делу»¹. Пермь мечтала о еженедельном издании, «которое успевало бы захватить в себе все местные современные интересы». Желание обсуждать «крестьянское дело, серьезно осложнившееся здесь (в Пермском крае. — М. Г.) освобождением в одно время с крепостными земледельцами горнозаводских казенных и частных мастеровых», помещать «статьи, касающиеся интересов крестьянского дела», отражающие действия мировых посредников и «введение уставных грамот»² в условиях 1861 г. было смелым. Не случайно газета не была разрешена. В одной из резолюций цензурного комитета предписывалось: «...убрать все лишнее... политику...», а в отзыве главного цензурного управления написано: «...усматривая из представленной г. Смышляевым программы, что газета будет входить в обсуждение всех местных современных интересов, изъяснять нужды края и извещать о важнейших событиях, судя по выражениям в программе... политическим, не признало возможным дозволить издание газеты в Перми по такой программе»³.

Нельзя не обратить внимания на близость программы газеты «Пермяк» к «Современнику», популярность которого среди передовой разночинной интеллигенции Перми и края бесспорна. В одной из газетных заметок указывалось, что целью библиотеки Иконнико-

¹ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. № 4612. Л. 15.

² Там же.

³ Там же. Л. 19.

ва является «возможность читать лучшие из... журналов». В числе их названы «Современник», «Русское слово», «Искра»¹. Писательница А. А. Кирпищикова, жившая в конце 50-х гг. в Чермозе, в автобиографической записке сообщала: «Брат выписал «Современник», некоторые из его знакомых... другие журналы...»². Л. Воеводин вспоминал, что в Кыновском заводе выписывали «Современник» и «Русское слово»³.

О влиянии демократических журналов, особенно «Современника», на пермскую общественность свидетельствуют и другие факты: выход «Пермского сборника», литературное сотрудничество Ф. М. Решетникова и А. А. Кирпищевой в «Современнике», близость некоторых материалов неофициального отдела «Пермских губернских ведомостей» очеркам и статьям этого журнала, участие А. И. Европеуса и А. Воскресенского в журнале «Век»⁴. Сосланный в 1859 г. в Пермь А. И. Европеус стал здесь активным участником революционно-демократической кружка⁵, вошел в новый состав редакции «Века». Постоянным корреспондентом журнала был А. Воскресенский, один из руководителей пермского кружка. Его статьи свидетельствовали о близости автора к «Современнику». А. Воскресенский с негодованием писал о помещиках, наживавшихся за счет крестьян⁶, сообщал о школе и библиотеке в с. Иванищевском, основанных крестьянами, лечебнице для лиц «недостаточного состояния»⁷, библиотеке Иконникова, которого обвиняли в распространении «вольного духа»⁸.

¹ Пермские губернские ведомости. 1860. № 1.

² Кирпищикова А. А. Повести, рассказы, очерки. Пермь, 1956. С. 279.

³ Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 11. Пермь, 1914. С. 168.

⁴ Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. С. 68–98.

⁵ Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 11. Пг., 1919. С. 410.

⁶ Век. 1861. № 45.

⁷ Век. 1861. № 12.

⁸ Там же. № 25.

Следует, однако, оговориться, что вопрос о связях пермской общественности с журналом «Современник» исследован еще недостаточно. Не найдены, например, статьи А. Н. Моригеровского, о котором А. П. Разумова писала, что он был знаком с издателями «Современника» и помещал в журнале под неизвестным псевдонимом свои статьи.

О непосредственных связях пермского кружка с общерусским освободительным движением и революционно-демократической публицистикой свидетельствуют прокламации «Послание старца Кондратия», «Воля», «Пора!»¹. Из документов по делу «О распространении «Послания старца Кондратия» очевидно, что прокламация распространялась «свободолюбивыми людьми», читавшими сочинения Герцена и журнал «Современник», которые были в курсе передовых идей своего времени². Так, вопрос о расколе, его судьбах, социально-исторических предпосылках, связях с общественно-политической жизнью страны глубоко волновал передовую общественность и демократическую журналистику 50–60-х гг. В Лондоне, в Вольной русской типографии, изданы 6 сборников, посвященных расколу³. К серьезным проблемам, которые возбуждали споры, «Современник» относил вопрос «о смысле раскольников учений и отношении их к нынешним условиям жизни»⁴. Расколом интересовались участники студенческого движения⁵. В курсе острых споров были и члены пермского революционно-демократического кружка, тем более что интерес к этому движению был обусловлен активной ролью раскольников Пермской губернии в противодей-

¹ Горовой Ф. С. Важные документы революционно-демократического движения на Урале // Ученые записки ПГУ. Т. 10. Вып. 3. Пермь, 1957.

² Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 11. Пг., 1919. С. 407–429.

³ История русской критики и журналистики. XVIII–XIX вв. М., 1963. С. 286.

⁴ Современник. 1864. № 10. С. 192.

⁵ Разумова А. П. Из истории русской фольклористики: П. Н. Рыбников. П. С. Ефименко. М.-Л., 1954. С. 34.

ствии властям. В. Д. Бонч-Бруевич писал о широком распространении раскола на Урале, о «недовольных народно-демократических элементах» внутри него, «о резко отрицательном отношении к церкви, к правительству, к помещикам, к чиновникам, к самому царю»¹. Любопытные данные содержатся в «Пермских епархиальных ведомостях». В одной из статей шла речь об «эхе войны против картофеля» в Мотовилихе и о раскольнике, который «укорял священников... протестовал против действий служащих в заводском управлении... резко высказывался против других... на его взгляд, неправильных порядков и злоупотреблений... Его заподозрили в сектантстве и как человека беспокойного, возмущающего мастеровых против начальства, выслали в другой отдаленный завод...»². Раскольник Григорий Исаков «резко выражался о религии и о властях гражданских и духовных»³. А. И. Герцен, оценивая Бездненское восстание, обратился к раскольникам как носителям протеста против властей церковных и гражданских⁴. Его статья «Вновь о событиях в Бездне» отражала роль демократических элементов среди раскольников в крестьянских волнениях Казанской и Пермской губерний.

Правительство опасалось сближения разночинной интеллигенции с раскольниками. Пермский губернатор Лошкарев в письме к министру внутренних дел Валуеву по поводу наказания виновных в распространении «Послания старца Кондратия» писал: «...власти и надзор не должны быть ослабляемы, особенно при напряженном состоянии рабочих в заводах (лишающихся уставными грамотами поголовного хлеба) и раскольников»⁵.

Все сказанное подтверждает актуальность и целесообразность обращения пермского кружка с их крити-

кой церкви, правительства и реформы к раскольникам. Это был один из возможных и ответственных путей революционной пропаганды.

Пропагандистскую деятельность пермского кружка с общерусской революционной пропагандой непосредственно связывает Ф. Я. Прийма. К. Бикбулатова по поводу его доклада «Общественно-литературная позиция Некрасова в 1860—1870-х гг.» пишет: «Особенный интерес... вызвало сообщение Ф. Я. Приймы о «Послании старца Кондратия», «раскольничьей рукописи» А. Н. Моригеровского — политического ссыльного, — в судьбе которого принимал участие Некрасов. Исследователь считает это послание четвертой революционной прокламацией «Земли и воли» 60-х гг. В начале 1861 г. петербургским революционным центром была предпринята первая попытка перехода к формам нелегальной пропаганды. Был разработан план обращения к четырем группам населения: крестьянам, раскольникам, солдатам и молодежи. Три прокламации были известны и напечатаны. Теперь, благодаря разысканиям Ф. Я. Приймы, можно считать известной и четвертую прокламацию, адресованную раскольникам»¹.

Анализ содержания и стиля прокламаций пермского кружка свидетельствует о их близости революционно-демократической публицистике и прежде всего прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон»².

Интерес к народу, его истории, быту, образованию, поэзии, характерный для прогрессивной журналистики 60-х гг., нашел отражение в «Пермских губернских ведомостях». Возможности проявления этого интереса в газете были, несомненно, ограничены цензурой.

¹ Бонч-Бруевич В. Избр. соч. Т. 1. М., 1959. С. 155, 156 и 265.

² Пермские епархиальные ведомости. 1869. № 42. С. 476, 477 и 480.

³ Там же. 1867. № 23. С. 374.

⁴ Колокол. 1861. № 101. С. 849.

⁵ Цит. по кн.: Герцен А. И. Полн. собр. соч. Т. 11. Пг., 1919. С. 412.

¹ Бикбулатова К. XII Всесоюзная некрасовская конференция // Русская литература. 1962. № 2. С. 262.

² Ганина М. А. Фольклор Пермской губернии в журналистике и публицистике 60-х годов XIX в. // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. 1966. Вып. 1, № 2. Л., 1966. С. 103—105.

В фонде цензурного комитета хранятся папки дел о запрещении публикации материалов, касающихся быта и поэзии народа: «Дело о принятии мер к усилению цензуры периодической печати» и дела по наблюдению за губернскими ведомостями¹. Среди документов, подтверждающих цензурные запрещения и ограничения, есть запрос в главное управление цензуры «О предназначенном к помещению в неофициальной части «Пермских губернских ведомостей» описании Далматовского монастыря». В запросе указывалось, что «на основании конфиденциального предложения г. Министра народного просвещения... исторические материалы, исследования, народные песни и прочие, относящиеся к смутным явлениям... истории, как-то: ко времени Пугачева, Разина и т. п. должно быть подвергаемо строжайшему рассмотрению и допусканию в печать не иначе, как с величайшей осмотрительностью, избегая печатания таких статей в периодических изданиях...»². Вопреки предписаниям статья о Далматовском монастыре, в которой речь шла о событиях дубинщины и пугачевщины, увидела свет³. В «Пермских губернских ведомостях» были напечатаны статьи, очерки и заметки, отражавшие социально-экономические и фольклорно-этнографические сведения о народе⁴, то есть материалы, важные с точки зрения «Современника». Среди опубликованных были и «Материалы из истории Пугачевского бунта». Автор их опирался на устные рассказы крестьян и мастеровых, которые присоединились к Пугачеву, пришли «с прежних тяжких работ заводских...»⁵. В очерке «Несколько

¹ РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 2213, 3052, 3057, 3355, 3388, 3419 и 4207; Ф. 1282. Оп. 2. Ед. хр. 1939 и 1940; Ф. 774. Оп. 1. Ед. хр. 17 и 19.

² Там же. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 4207. Л. 1.

³ ПГВ. 1858. № 4.

⁴ См.: Вологдин П. А. Материалы для этнографии Закамья // ПГВ. 1863. № 32–44, 50–51; Змеев И. Вечерки в городе Красноуфимске // Там же. 1864. № 1, 2, 50–52; он же. Нижнесергинский завод // Там же. 1866. № 8, 11 и 30; Удинцев И. Ирбитский завод // Там же. 1862. № 30.

⁵ ПГВ. 1865. № 28. С. 109.

слов об Александровском заводе» речь шла о злоупотреблениях властью со стороны заводчиков и управляющих («лихих распорядителей»). Автор ссылаясь на «предания» и «сказания», в которых отразилось мнение мастеровых о «диких и страшных причудах», «широких размерах своеволия»¹ управителей. О бесправии рабочих и беззастенчивом грабеже их управляющими и купцами рассказано в статье И. Змеева «Положение нижнесергинцев»². Требованиями демократического народознания, отразившимися в ряде статей и заметок «Пермских губернских ведомостей», руководствовался и М. Кирпищиков. В «Очерке быта мастеровых Чермозского завода» он писал: «Не подлежит сомнению, что при изучении быта жителей той или другой местности следует прежде всего обратить внимание на материальное их благосостояние, которым обусловливается и уровень их потребностей и отчасти умственное и нравственное развитие, семейный и общественный быт»³.

Приведенные факты дают возможность сделать вывод о безусловно прогрессивной и смелой для того времени инициативе пермской газеты в публикации материалов, важных с точки зрения демократического народознания. Тем более что в целом провинциальная периодика в 60-е гг. не удовлетворяла требованиям, которые предъявляла ей общественная жизнь. «Современник» высказал по этому поводу серьезное беспокойство⁴.

Процесс сближения провинциальных газет с демократической журналистикой шел медленно. Поэтому публикация в «Пермских губернских ведомостях» заметок и очерков, отражавших интерес передовой общественности к народу — свидетельство появления корреспондента и читателя нового типа, — заслуживает внимания как выражение прогрессивных тенденций времени.

¹ ПГВ. 1864. № 38.

² ПГВ. 1867. № 90.

³ ПГВ. 1864. № 34. С. 238.

⁴ Слепцов В.А. Губернская пресса // Современник. 1865. № 9.

О связях с демократической журналистикой и ведущей роли ее в воспитании писателей-демократов свидетельствует деятельность Ф. М. Решетникова и А. А. Кирпищиковой, жизнь и творчество которых теснейшими узами связаны с Пермью и Пермской губернией. Ф. М. Решетников еще в очерке «Святки в Перми» стремился объяснить характер интересов и развлечений городского мещанства и мелкого чиновничества обстоятельствами социального быта и уровнем всей общественной жизни¹. Первое свое значительное произведение Ф. М. Решетников послал в «Современник». Он писал: «Материала у нас очень много. Наш край обилён характерами... А сколько тайн из жизни бурлаков не известно миру? Отчего это до сих пор никто не описал их? Отчего наш край молчит?»². В «Современнике» были напечатаны «Подлиповцы», «Ставленник», «Макся», «Горнорабочие»³; в «Искре» — «Внучкин»⁴; в «Отечественных записках» — «Где лучше?»⁵. «Подлиповцы» получили высокую оценку в «Отечественных записках». М. Е. Салтыков-Щедрин писал, что «Подлиповцы» обратили на себя внимание «новостью обстановки, своеобразностью языка и оригинальностью идей»⁶. Г. Успенский подчеркивал, что повесть Решетникова «открывала... много новых сторон в народной жизни и народной душе»⁷. Демократизм убеждений, жизненная достоверность и художественная убедительность произведений Ф. М. Решетникова и обусловили высокую их оценку демократическими журналами.

Становление мировоззрения и литературных интересов пермской писательницы А. А. Кирпищиковой шло

¹ ПГВ. 1862. № 3 и 4.

² Решетников Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 6. Свердловск. 1936. С. 269.

³ Современник. 1864. № 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10; 1865. № 1, 2.

⁴ Искра. 1856. № 11, 12, 13, 16.

⁵ Отечественные записки. 1868. № 6, 7, 8, 9, 10.

⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. «Где лучше?» Ф. М. Решетникова // Отечественные записки. 1869. № 4. С. 271.

⁷ Там же. 1871. № 4. С. 419.

под воздействием демократической журналистики. Первые ее произведения «Антон Григорьич Мережин» и «Порченная» были опубликованы в «Современнике»¹, а последующие «Как жили в Куморе», «Прошрое», «Недавнее», «Петрушка Рудометов» — в «Отечественных записках»². А. А. Кирпищикова отразила в своих произведениях многие стороны социально-экономического быта крестьян и мастеровых, особенности их психологии с позиций демократической литературы. «Все мои симпатии находятся на стороне народа»³, — писала она в письме к Н. А. Некрасову, и уже первыми очерками и рассказами вошла в число писателей, которые пишут «правду без всяких прикрас».

Ф. М. Решетников и А. А. Кирпищикова участвовали в решении актуальных для литературы 60-х гг. задач — художественного изображения народа, становления демократической литературы о народе. Знание жизни заводского Урала, его богатейших народнопоэтических традиций, связи с фольклорно-этнографическим движением и периодикой Пермской губернии, отразившими воздействие передовых идей времени (основным средством распространения этих идей была демократическая журналистика!), — важнейшие предпосылки успешного решения этой задачи Ф. М. Решетниковым и А. А. Кирпищиковой.

Все сказанное дает возможность сделать вывод о том, что существенные особенности общественно-политической и культурной жизни Перми и края в 40–60-х гг. XIX в. были обусловлены взаимосвязями пермской общественности и демократических журналов. Без учета этого невозможна всесторонняя характеристика истории общественной жизни Урала.

¹ Современник. 1865. № 1, 11 и 12.

² Отечественные записки. 1867. № 5, 6; 1876. № 12; 1877. № 8; 1868. № 12.

³ Кирпищикова А. А. Автобиографическая записка // Пермский краеведческий сборник. Вып. 2. Пермь, 1926. С. 79.

П. А. Корчагин

Летопись города Перми: инструмент формирования исторической идентичности

Одним из любимых историками примеров, демонстрирующих историческое происхождение индивидуальности, являются города, ибо в перспективе, силуете и направлении улиц старых городов соседствуют градостроительные реликты различных исторических эпох.

Герман Люббе

Только в Перми в конце XVIII–XX вв. существовал уникальный историко-краеведческий феномен — «Летопись города Перми», представляющая собой продолжающееся издание текстов разных авторов в простой, действительно летописной форме. Всё началось в 1788 г., когда иерей Петропавловского собора Гавриил Филиппович Сапожников начал создавать храмовую летопись, которая, однако, вышла далеко за пределы, рекомендованные церковными властями. «Пермский летописец» Г. Сапожникова начинался с основания Егосихинского медеплавильного завода, содержал информацию не только по истории храма, но и города Перми. Записи в одной из обнаруженных рукописей доводились до 1796 г., в другой — до 1802 г. При жизни автора «Летописец» не был опубликован, а после издавался трижды: в 1862, в 1880 и в 1915 гг.¹

¹ Пенн С. С. Материалы для первоначальной истории города Перми // Памятная книжка Пермской губернии на 1863 год. Пермь, 1862. С.15–24; Сапожников Г. Летописец Пермского Петропавловского собора // Пермские епархиальные ведомости. 1880. № 42, 45, 46, 47; Пермский летописец священника Гавриила Сапожникова; с предис-

Продолжил летописание города Перми старший учитель российской словесности в Пермской гимназии Фёдор Афанасьевич Прядильщиков. Его «Летопись губернского города Перми» охватывала 1781–1844 гг. Начиналась летопись с «1781 г. 29 января. Преобразование Ягошихинского завода в губернский город Пермь», а заканчивалась «1844 г. Проезд через Пермь министра государств. имуществ Киселева». Дело в том, что в 1844 г. Ф. А. Прядильщиков был переведён инспектором гимназии в Томск и вынужден был прекратить работу над летописью. И снова автор не увидел своей «Летописи...» в печатном виде, она была опубликована в 1874 и 1884 гг.¹

Александр Алексеевич Дмитриев, говоря о трудах Сапожникова и Прядильщикова, отмечал, что они «представляют собой первые удачные попытки изложить вкратце факты истории города Перми в хронологическом порядке». В 1889 г. А. А. Дмитриев опубликовал «Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 года с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 года»², и «Летопись города Перми...» в отличие от предшествующих была уже неотъемлемой частью научного труда.

А. А. Дмитриев предваряя свою «Летопись...» писал: «Я намерен продолжить летопись в той же форме, в какой вел ее Ф. А. Прядильщиков, избегая подробностей в изложении и тем не делая из летописи целого ис-

словием В.С. Верхованцева // Известия Пермского Епархиального церковно-археологического общества. Пермь: Типо-литография губернского правления, 1915. Вып. 1. С. 41–53.

¹ Прядильщиков Ф. А. Летопись губернского города Перми с примечаниями Д. Д. Смышляева // Пермские губернские ведомости. 1874. № 78–85; Прядильщиков Ф. А. Летопись губернского города Перми с примечаниями Д. Д. Смышляева // Календарь Пермской губернии на 1884 год. Пермь, 1883. С. 3–34 (приложение).

² Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. с приложением летописи г. Перми с 1845 по 1890 г. Пермь: типография П. Ф. Каменского. 1889.

торического повествования. Мне хотелось бы создать прочную канву для будущей подробной истории города. Неполнота известий о некоторых годах, главным образом, зависела от того, что в важнейшем источнике — «Пермских губернских ведомостях» — не всеми редакторами велась исправно хроника текущей жизни города... Настоящее издание летописи есть уже второе. В первоначальном, менее полном, виде она была помещена мною в «Пермских губернских ведомостях» за 1889 год...»¹. В этих строках главная губернская газета характеризуется, с одной стороны, как печатный орган для публикации научно-исторической работы, а с другой как исторический источник той же самой работы.

Новым продолжателем традиции стал Владимир Степанович Верховланцев, выпустивший в 1913 г. «Летопись города Перми с 1890 по 1912 г.»², в издании 1926 г. она была существенно дополнена³. Его летопись представляла собой компиляцию текстов предшественников, которую автор называл «хронологическим перечнем» и «сводкой», дополненную погодной информацией, почерпнутой в основном из «Пермских губернских ведомостей». В. С. Верховланцев умер в 1947 г., пережив «разгром краеведения», когда в 1937 г. решением Совнаркома СССР все краеведческие организации были упразднены, но именно по этой причине и не продолжил своей летописи.

¹ Дмитриев А. А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. с приложением летописи г. Перми с 1845 по 1890 г. Пермь: типография П. Ф. Каменского. 1889. С. 241–242.

² Верховланцев В. С. Летопись города Перми с 1890 по 1912 г. с приложением, вместо введения, хронологического перечня событий г. Перми с основания города по 1889 год // Труды Пермской губернской учёной архивной комиссии. Вып. 10. Пермь, 1913. С. 77–175.

³ Верховланцев В. С. Краткая летопись г. Перми: (По сводкам до 1889 г. и по личным записям автора по 1925 г.) // Город Пермь: Сборник очерков по истории, культуре и экономике города. Пермь: Издание Пермского общества краеведения. 1926. С. 50–68.

Параллельно с В. С. Верховланцевым над городской летописью работал и Владимир Николаевич Трапезников. Но его подход был в буквальном смысле шире: трапезниковская «Летопись города Перми»¹ имеет раздел «Древнейшее время до учреждения города», начинавшийся с 1463 г., непрерывное изложение событий заканчивается 1920 г., хотя есть отдельные факты за 1926 и 1936 гг. Продолжить или хотя бы просто отредактировать текст летописи В. Н. Трапезникову помешали арест и смерть. Его работа была издана только в 1998 г. «Летопись...» Трапезникова включает в себя материалы предшественников, она была написана с использованием тех же источников, но революционное движение в Перми автор описывал как непосредственный участник.

К 275-летию юбилею Перми была выпущена книга, являющаяся, по сути, продолжением пермских «Летописей...»². Содержащаяся в ней «Историческая хронология» охватывала период 1917–1973 гг. Правда, эта книга изначально позиционировалась как учебное пособие, чем существенно отличалась от предыдущих изданий. В год 290-летия Перми появилось юбилейное издание альбомного формата «Пермь. Летопись города. 1723–2013», в аннотации к которому указано: «Издание представляет собой хронику событий с 1723 по 2013 год, составленную на основе летописей города Перми Г. Ф. Сапожникова, Ф. А. Прядильщикова, А. А. Дмитриева, В. С. Верховланцева, В. Н. Трапезникова и продолженную до наших дней»³. Традиция «пермского летописания» не прерывается уже третье столетие. За два столетия «сводная» летопись города Перми преврати-

¹ Трапезников В. Н. Летопись города Перми. Пермь, 1998.

² Пермь социалистическая: Краткий очерк истории города с 1917 по 1973 г. с приложением «Исторической хронологии»: пособие для учителей истории и обществоведения, лекторов, пропагандистов и агитаторов / под общ. ред. И. С. Капцуговича. Пермь, 1973.

³ Пермь. Летопись города. 1723–2013 / Сост. О. Данилова. Пермь, 2013.

лась из рукописи на десяти листах в текст объёмом до 7 авторских листов. Она не имеет аналогов в отечественной историко-краеведческой литературе и поистине уникальна, хотя это и нуждается в доказательствах.

В самом деле, жанр городской летописи был достаточно распространён. И первой (за 3 года до публикации сапожниковского «Летописца» и за 15 лет до «Летописи...» Прядыльщикова) была опубликована «Летопись...» Ярославля, представлявшая собой краткий перечень событий городской истории, помещённый в «Путеводителе по Ярославской губернии»¹ наряду со сведениями об административно-территориальном делении, достопримечательностях, памятниках древности, учреждениях и предприятиях города. В 1878 г. была опубликована достаточно развёрнутая «Летопись калужская...»². Летопись событий содержалась в «Путеводителе по г. Харькову»³, в котором основное место занимала справочная информация, вплоть до публикации списка врачей.

В 1889 г. одновременно с «Летописью...» А. А. Дмитриева в справочнике «Самарский спутник на 1890 г.»⁴ была помещена «Летопись событий г. Самары с 1353 по 1888 г.», а в «Историко-статистическом указателе города Пскова»⁵ издана «Летопись событий и происшествий с 862 по 1888 г.». В 1897 г. появилась солидная «Астраханская летопись...»⁶, охватывающая период «с 1554 г. по 1896 г. включительно».

¹ Никольский Ф. Я. Путеводитель по Ярославской губернии. Ярославль, 1859.

² Ханьков В. В. Летопись калужская от отдаленных времен до 1841 года. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1878.

³ Устинов И. А. Путеводитель по г. Харькову. Описание г. Харькова с приложением подробного плана города с сетью водопроводов и планов театров: оперного и драматического. Харьков, 1881.

⁴ Самарский спутник на 1890 г. Самара, 1889.

⁵ Василев И. И. Историко-статистический указатель города Пскова. Псков, 1889.

⁶ Штылько А. Н. Астраханская летопись. Исторические известия, события, постановления правительства и других учреждений и фак-

В двадцатом веке, кроме пермских публикаций, известны летопись Екатеринбурга за 1722–1902 гг., помещённая наряду с адресным указателем учреждений с перечнем должностных лиц в справочнике-ежегоднике «Весь Екатеринбург» В. А. Весновского¹, и «Летопись города Вологды (1147–1962)»².

Ни одна из провинциальных городских летописей не может сравниться с Летописью Перми длительностью составления: среди них просто нет продолжающихся, у них всегда единственный автор. Также летопись Перми на порядок объёмнее других, несмотря на то, что история уральского города много короче истории Самары, Астрахани и Пскова. Чем же вызвано такое положение?

Во-первых, очевидно, тем, что летопись Перми, трансформированная из храмовой летописи, стала в сочинениях Г. Ф. Сапожникова и Ф. А. Прядыльщикова своеобразным памятником позднего городского летописания. Этим авторам была важна сама форма летописи, ведь короткая история столицы Пермской губернии началась, когда уже шла научная публикация русских летописей, позднее вошедших в состав Полного собрания русских летописей. Так, в 1767–1792 гг. в Санкт-Петербурге А.-Л. Шлёцером и С. Башиловым была издана Никоновская летопись. Даже А. А. Дмитриев, хотя и начинал свои исследования с истории Египта, всё же считал, что история Перми начиналась с 1781 г. Того же мнения придерживался и В. С. Верхоланцев, которое он в 1931 г. озвучил в газетной статье³.

Во-вторых, форма летописи оказалась удобной и в целях научного исследования. События, расставленные

ты из общественной жизни г. Астрахани с 1554 г. по 1896 г. включительно. Астрахань, 1897.

¹ Весновский В. А. Весь Екатеринбург. Справочник-ежегодник. Екатеринбург, 1903.

² Летопись города Вологды (1147–1962). Вологда, 1963.

³ Верхоланцев В. С. К 150-летию Перми // Звезда. 1931. 31 окт.

в хронологическом порядке, идеально организованы для применения историко-генетического метода исследования, дающего возможность выявить причинно-следственные связи и закономерности развития объекта исследования. Именно поэтому профессиональный историк А. А. Дмитриев не стал отказываться от этой, казалось бы, устаревшей формы, а продолжил летопись, придав ей характер вторичного источника, в то время как летописи других городов были лишь краткими справочниками.

И, в-третьих, в отличие от других провинциальных городских летописей, части летописи города Перми публиковались не только в специализированных изданиях, но и в газете. Летопись Перми, начиная с 1862 г. оказывается в центре внимания не только научной общественности, но и шире, всего городского общества. «Пермские губернские ведомости», издававшиеся с 1838 г., сначала еженедельно, с 1894 г. три раза в неделю, отличались от других губернских газет особым интересом к местной истории. Это отмечал даже словарь Брокгауза и Ефрона: «Указатели статей П. Губ. Ведомостей о Пермской губернии за 1838–58 гг. см. в приложении к «Пермскому сборнику» т. II; затем Д. Смышляевым составлены указатели за 1842–1881 (Пермь, 1882) и 1882–1884 гг. (Пермь, 1885). В «Ведомостях» довольно много исторических, этнографических, археологических статей о Пермском крае»¹.

Мы уже имели повод писать, что «Летопись Перми...» — «не столько особый жанр исторического исследования, сколько собрание известий о событиях и явлениях, взволновавших или заинтересовавших пермское общество. Сам факт существования феномена «летописей» на всем протяжении истории города доказывает неизменный интерес мыслящей, образованной части пермского общества к собственной истории как посылу для

¹ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 23. СПб., 1898. С. 339.

строительства будущего на лучших и справедливых основаниях. Среди пермских летописцев мы находим людей самого разного социального происхождения, различных профессий и политических убеждений, что естественно отражалось на подборе фактов, заносимых в городские анналы. В то же время, поскольку «летописи» издавались пермскими типографиями в расчёте на местную публику, мы имеем право считать, что их содержание соответствовало интересам (по крайней мере, не вступало в противоречие с воззрениями) подавляющей части местного общества, и в этом качестве «летописи» являют собой достаточно объективное отражение общественных запросов и уровня развития пермского социума»¹.

Необходимо обратить внимание на то, что все известные нам городские летописи (и в форме вторичного источника, и в форме справочника) публиковались во второй половине XIX в., когда в условиях становления капитализма, разворачивающейся промышленной революции, либерализации, модернизации (выбрать нужное) в обществе сформировался запрос на понимание собственной истории. Тогда в России и в Перми имел место процесс, описываемый Германом Люббе: «субъект обретает свою неповторимую идентичность среди [себе] подобных через истории и что, соответственно, доступ к идентичности открывается через истории»². Летопись города Перми в 1862, 1874, 1889 и 1913 гг. отмечала этапы формирования этой новой идентичности, фиксировала способы деятельности, эффективные либо неприемлемые в новых условиях. Этакое *gnothi seauton* для всего города...

И, очевидно, не случайно «в Перми по результатам выборов 13–15 ноября в Учредительное собрание за большевиков отдали свои голоса чуть больше четверти из-

¹ Корчагин П. А. Пермское общество: губернская эпоха. Пермь, 2009. С. 10–11.

² Люббе Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 109.

бирателей. Советы в Пермской губернии победили только 16 декабря 1917 г. в результате хитроумных политических манёвров большевиков. После того как красные на время оставили Пермь, в феврале 1919 г., накануне приезда А. В. Колчака, Городская дума двумя третями голосов приняла решение встречать его не как Верховного правителя России, а как просто адмирала, изложив ему «взгляды городского самоуправления на современное положение страны». Пермь ни в том, ни в другом случае не смогла изменить общего хода событий, происходящих в масштабах всей страны, но это не меняет самого факта: они проявили гражданскую зрелость и мужество, не приняв диктатуры — ни красной, ни белой»¹.

Естественно, нельзя всё сводить к краеведению и считать «Летопись города Перми...» универсальной, всё объясняющей *causa causarum*. Но почему все публикации «Летописи...» укладываются в хронологический промежуток 1862–1926 гг.?

Почему публикации не могли появиться раньше 1869 г., хорошо показал М. Е. Салтыков-Щедрин в «Истории одного города». Как известно, «Глуповский летописец» вёлся «преемственно четырьмя городскими архивариусами и обнимает период времени с 1731 по 1825 год. В этом году, по-видимому, даже для архивариусов литературная деятельность перестала быть доступной». И оставалась таковой до смерти Николая I. А о верхней хронологической границе уже было сказано выше. 10 июня 1937 г. было принято постановление СНК РСФСР «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах»², по которому было ликвидировано Центральное бюро краеведения, а 1938 г. письмом Наркомпроса РСФСР № 70/0901 от 28 ап-

¹ Корчагин П. А. Пермское общество: губернская эпоха. Пермь, 2009. С. 121.

² Постановление СНК РСФСР от 10 июня 1937 г. «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах» // Собрание узаконений РСФСР. 1937, № 7. Ст. 51.

реля 1938 г. «О постановке и организации краеведческой работы» были закрыты все краеведческие организации.

Любая власть — царская или большевистская — негативно относилась к самой возможности общества писать и обсуждать собственную историю, пусть даже на местном уровне, прекрасно понимая, что подобные люди уже не будут воздерживаться от участия в делах государства, никто из них уже не согласится на звание *idiotes* — частного человека в понятиях древнегреческой демократии.

Е. Г. Власова

Урал в путевых очерках П. И. Мельникова-Печерского и Д. Н. Мамина-Сибиряка: взгляд извне и изнутри

Интерпретация ландшафта в травелоге происходит на основе мировоззренческих, социокультурных и личностных установок путешественника. «Путешественник — не сканер, не место проекции и коллекции образов. Путешественник активно интерпретирует среду на основе взаимодействия с ней», — утверждает исследователь феномена путешествия В. Каганский¹. Д. Замятин, разворачивая характеристику образа пространства в путешествии, отмечает: «Путевой образ территории может быть насыщен социокультурными реалиями эпохи; в то же время он может включать память об образах территорий, где родился, жил путешественник, зачастую далеких от района путешествия»². Следовательно, формирование образа территории в травелогах связано с отталкиванием от знакомо-

¹ Каганский В. Путешествие. URL: <http://www.biosemiotica.ru> (дата обращения: 01.10.2011).

² Замятин Д. Н. Образы путешествий: социальное освоение пространства // Социологические исследования. 2002. № 2. С. 15.

го, общекультурного и личностного опыта путешественника, т.е. как выстраивание идентичностей — своей и Другого.

Делая обзор материалов сборника «Романтические местности: Европа пишет место» (Лондон, 2010) и говоря об актуальности проблематики, связанной с формированием идентичностей, А. Сорочан отмечает: «Местность — не просто фон для развития событий (домашний и уютный или экзотический и неведомый), она связана с внедрением в литературный текст элементов идентичности или идентичностей; она впечатляет читателей контрастом между «домом» и «чужим местом»; она позволяет авторам моделировать чувство субъективности, которое опирается на определение известного и в то же время расширяет пределы известного»¹.

Ситуация внутренней колонизации, сложившаяся на Урале, а также географическая обособленность региона предопределили особую напряженность процесса идентификации Другого. Перед путешественниками XIX в. стояла непростая геополитическая задача: описать Урал как мало известное русское пространство — регион со своим собственным укладом жизни. Современные исследования национальной идентичности жителей Среднего Урала XIX в. подтверждают существование территориального изоляционизма: «Уральцы, безусловно, осознавали, что они живут в России, однако так же называли территорию европейской части страны. Свою же землю они величали Уралом, несколько противопоставляя себя в данном случае русским центральным губерниям. Таким образом, следует констатировать присутствие наряду с этнонимом „русские“ террито-

¹ Сорочан А. Туда и обратно: Новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки // НЛЮ. 2011. № 112. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/112/> / (дата обращения: 01.10.2011).

ального имени населения края — „уральцы“»¹. Очевидно, что приезжающие на Урал путешественники также осознавали специфичность местной жизни. Конечно, в первую очередь, эта специфика была связана с деятельностью горных заводов. В итоге, несмотря на колониальный характер освоения региона, главным объектом наблюдения в уральском травелоге XIX в. стали не «туземцы», а русское население Урала.

Процесс формирования образа «русского» Урала в литературе путешествий XIX в. зафиксировал контрастный переход от внешнего восприятия к внутреннему пониманию уральской специфики. Пространственный статус путешественника задавал характер оценки, определял содержание идентификации, а следовательно, образа пространства. Благодаря высокой степени интертекстуальности травелога, эти идентичности пересекались, наслаивались и взаимоотталкивались. Своего рода авантекстом уральского травелога XIX в. послужили «Дорожные заметки (Из Тамбовской губернии в Сибирь)» П. И. Мельникова-Печерского («Отечественные записки», 1839—1842): здесь были заданы основные темы уральского пространства, так или иначе повторившиеся в путевых «отчетах» других авторов. Путевые очерки Д. Н. Мамина-Сибиряка «От Урала до Москвы» («Русские ведомости», 1881—1882) открыли новый этап уральского травелога — этап самоидентификации и самопрезентации, и стали в свою очередь статусным текстом для последующих путешественников. Сопоставительный анализ путевых очерков Мельникова-Печерского и Мамина-Сибиряка, представляющих противоположные векторы идентификации, позволит вы-

¹ Теленков А. В. Национальное самосознание русских во второй половине XIX — начале XX века: По материалам Среднего Урала: дисс. ... канд. истор. наук. Пермь, 2003. 247 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/natsionalnoe-samosoznanie-russkikh-vo-vtoroi-polovine-xix-nachale-xx-veka-po-materialam-sred> (дата обращения: 01.10.2011).

явить особенности перехода от внешнего образа пространства, построенного на столкновении идентичности путешественника и пространства, к образу внутреннему — позитивному по изначальной установке.

При анализе образа уральского пространства с точки зрения внеположенности или включенности идентичности путешественника продуктивным будет обращение к методологии, предложенной в книге Сьюзен П. Кастилло «Колониальные взаимодействия в текстах о Новом Свете. 1500–1786»¹. Автор исследования называет четыре ключевых аспекта путевого текста: бэкграунд исторический и философский, образ Другого и синтез. Для нашего исследования особое значение приобретает бэкграунд, связанный с геокультурной идентичностью путешественника, т.е. с характером исходного пространства путешествия. В качестве примера определяющего влияния бэкграунда на восприятие ландшафта сошлемся на описанную В. В. Абашевым предысторию формирования образа Урала в творчестве Бориса Пастернака².

Описание бэкграунда позволяет выявить точку отсчета — исходную идентичность путешественника, которая вступает во взаимодействие с ландшафтом. На фоне геокультурного бэкграунда, или того, что находится позади, чаще всего в сравнении с Домом, определяется характер Другого. В этом отношении «Дорожные заметки» Мельникова-Печерского представляют собой наглядный пример восприятия пространства путешествия в сопоставлении с привычным опытом — в данном случае с волжским укладом жизни, который идентифицируется писателем с общерусским. Горный пейзаж Урала описывается Мельниковым-Печерским в сопоставлении с более привычным равнинным пейзажем, горнозавод-

ской уклад жизни — с крестьянским, уровень экономики и культуры исчисляется мерками приволжской деловой активности.

Так, самый эмоциональный отклик Мельникова-Печерского об уральском пейзаже связан с долиной реки Обвы, напоминающей путешественнику родные места: «Низменными, зеленым ковром зелени покрытыми берегами Обвы ехали мы в это прелестное июльское утро. Как живописны берега этой Обвы! Какие пленительные ландшафты представлялись со всех сторон глазам нашим! Смотри на них, любуйся ими, я не видал более пред собой суровой Пермии; мне казалось, что я там, далеко — на юге. <...> Леса нет, горизонт широко раскинулся. Обва тихо, неприметно катит струи свои. Это не уральская река: она не шумит тулунами, не мутится серым песком, не перекачивает на дне своем цветных галек; тихо, безмятежно извивается она по зеленым полям и медленно несет свои светлые струи в широкую, быструю, угрюмую Каму»¹.

Приподнятое настроение Мельникова-Печерского во время путешествия вдоль Обвы поддерживается также встречей с привычным укладом жизни: «По берегам Обвы жители занимаются и хлебопашеством довольно успешно, и потому здесь редко покупается сарапульский хлеб, которым снабжается северная часть Пермской губернии...»². При этом писатель подчеркивает отличие местной жизни от специфически уральской: «Горных работ здесь нет, и потому-то здешние страны имеют свою особенную физиономию; здесь народ богаче, здоровее, воздух чище, самая природа смотрит как-то веселее. Так и должно быть...»³.

¹ Castillo Susan P. Colonial Encounters in New World Writing, 1500–1786: Performing America. L.: Routledge, 2006. X, 276 p.

² Абашев В. В. Урал как предчувствие. Заметки о геопоэтике Бориса Пастернака // Вопросы литературы. 2008. № 4. С. 125–144.

¹ Мельников-Печерский П. И. Дорожные записки (На пути из Тамбовской губернии в Сибирь) // П. И. Мельников (Андрей Печерский). Полн. собр. соч. Т. VII. СПб., 1909. С. 564.

² Там же. С. 566.

³ Там же.

Таким образом, «домашний» опыт писателя определяет направленность взгляда. Мельников-Печерский внимательно описывает жизнь уральских крестьян и весьма сдержанно, сухим языком экономического обзора, состояние уральских заводов, подчеркивая при этом их тяжелое положение, упадок производства или неконкурентоспособность продукции. Так, рассказывая об одном из самых благополучных в Прикамье заводов — Пожевском, Мельников-Печерский успевает заметить: «Кроме разных поделок и машин, здесь делаются прекрасные ножи, ножницы, которые, однако, далеко уступают завьяловским...»¹.

Образ главной уральской реки также дается в неблагоприятном сравнении: «Кроме этих лодочек, ничего нет на Каме: река совершенно пуста; это не то, что на Волге, где круглое лето одно судно перегоняет другое и дощаники беспрестанно ходят то вверх, то вниз. Судоходство по Каме бывает по временам. <....> В другое время вы не увидите жизни на Каме, она вам представляется совершенно пустынною рекою»².

Негативное восприятие Урала усиливается консерватизмом общественных и религиозных установок путешественника. В частности, его рассказ об уральских кержаках выполнен в риторике резкой религиозной нетерпимости: «Но когда некоторые закоренелые изуверы не только что не слушали увещаний Питирима, но еще старались увеличить как можно более число своих единомышленников, тогда Петр Великий принужден был сослать некоторых керженских раскольников в Сибирь и Пермскую губернию. Но в числе этих сосланных был лжеучитель их Власов. Он и клеветы его рассеяли гибельные семена раскола по Сибири и по Пермской губернии. Петр Великий в бытность свою в Астрахани

¹ Мельников-Печерский П. И. Дорожные записки (На пути из Тамбовской губернии в Сибирь) // П. И. Мельников (Андрей Печерский). Полн. собр. соч. Т. VII. СПб., 1909. С. 557.

² Там же. С. 534.

отменил приказание это, узнав о следствиях, и повелел раскольников керженских впредь ссылать в Рогервик. Но зло, занесенное в Сибирь, развилось и только в нынешнее время почти кончилось»¹.

В результате образ Другого у Мельникова-Печерского — это не столько местные инородцы, пермяки и вогулы, описание которых не лишено романтического ореола («дикий сын дикой пустыни»), сколько специфическое уральское население, связанное с жизнью горных заводов. Симпатию вызывают только местные крестьяне и старинные предания, обращенные к героическому прошлому: «Надобно тому пожить в Сибири или в Пермской губернии, кто хочет узнать русский дух в неподдельной простоте. Здесь все — и образ жизни, и предания, и обряды — носит на себе отпечаток глубокой старины»².

Так появляется образ дикой пустыни, медвежьего угла, где промышленность, быт и нравы законсервированы на раннем этапе русской колонизации. Не понимая и не принимая современную жизнь Прикамья, Мельников-Печерский с увлечением пишет о пермских древностях, кодифицируя в образе уральского пространства диссонанс между богатой историей и безрадостным, вымороченным настоящим. Главное достояние Урала — его древность и верность старинному укладу жизни. Сочетание архаичности, пермяцкой экзотики, сохранившейся в местной топонимике, древности истории рождает образ русского Китая: «Пермь настоящий русский Китай... И какое китайство в ней — удивительно! Скоро ли она выйдет из своего безжизненного оцепенения? Давай, Господи, поскорее. Что ни говорите, а

¹ Мельников-Печерский П. И. Дорожные записки (На пути из Тамбовской губернии в Сибирь) // П. И. Мельников (Андрей Печерский). Полн. собр. соч. Т. VII. СПб., 1909. С. 566–567.

² Там же. С. 533.

ведь Пермь на матушке Святой Руси; ведь не последняя же она спица в колеснице»¹.

В последующих путевых описаниях Урала сохраняются заданные Мельниковым-Печерским темы, а также основные особенности их интерпретации. Большинство путешественников изобразили Урал глубокой провинцией, единственным отличием которой являлась угасающая горнозаводская экономика.

Принципиально ситуация меняется только в начале 80-х годов, когда выходят путевые очерки Д. Н. Мамина-Сибиряка («От Урала до Москвы» и др.) и В. И. Немировича-Данченко (очерк «Река лесных пустынь», «Исторический вестник», 1882, № 11–12). Эти травелоги, появившиеся практически одновременно, построены на утверждении образа самодостаточного и самобытного российского региона. Однако реинтерпретация Урала в очерках Мамина-Сибиряка имела более целостный характер, что во многом было предопределено уральским бэкграундом писателя.

Начало путевых очерков Мамина-Сибиряка «От Урала до Москвы», как представляется, целенаправленно задает противоположный принятому, утвердившемуся в путевой литературе XIX в. ракурс описания Урала: «Мне случилось в последний раз безвыездно прожить в Екатеринбурге около четырех лет, в течение которых я настолько привык к этому городу и сроднился с ним, что минута расставания была более чем тяжела»². Писатель намеренно подчеркивает свою уральскую прописку и особую связь с Екатеринбургом. Как будто отвечая на вопрос Мельникова-Печерского из финала «Дорожных заметок»: «Скоро ли Пермь выйдет из своего безжиз-

¹ Мельников-Печерский П. И. Дорожные записки (На пути из Тамбовской губернии в Сибирь) // П. И. Мельников (Андрей Печерский). Полн. собр. соч. Т. VII. СПб., 1909. С. 573.

² Мамин-Сибиряк Д. Н. От Урала до Москвы: Путевые заметки // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М.: Художественная литература, 1955. С. 249.

ненного оцепенения?», Мамин-Сибиряк переносит внимание читателя на главный, по его мнению, город Урала. Именно здесь сосредоточены самые важные приметы уральской жизни: «...что-то полное деятельности, энергии и предприимчивости чувствовалось в этой картине города, с тридцатитысячным населением, заброшенного на рубеж между Европой и Азией»¹.

Можно сказать, что путешествие Мамина-Сибиряка — это геокультурная ревизия сложившегося образа Урала и представление подлинного Урала, суть которого являют горные заводы и работные люди: мастеровые, сплавщики, старатели. Миссия «ребрендинга», как представляется, была вполне отрефлексирована писателем. Так, в его характеристике уральских пейзажей Верещагина видится критика всего, что было написано об Урале прежде: «Мне случилось видеть в Петербурге на выставке его виды Урала, но что это было: были рамы, было намалеванное полотно, на полотне красовалось имя профессора Верещагина, и только Урала не было...»².

Говоря о еще не открытой красоте уральского пейзажа, Мамин-Сибиряк направляет художников «в лучшее место реки Чусовой» — «где она течет среди величественных скал и утесов, именно между Межевой Уткой и Кыновским заводом»³. Называя самые яркие приметы окрестного пространства, Мамин-Сибиряк рисует типичный для Урала горный пейзаж: «...кто раз видал, тот никогда не забудет чудные уральские ночи с глубоким голубым небом...; живописные лесные ландшафты где-нибудь на дне глубокого лога или на шихане, горные озера и реки»⁴.

¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. От Урала до Москвы: Путевые заметки // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М.: Художественная литература, 1955. С. 249.

² Там же. С. 267.

³ Там же. С. 268.

⁴ Там же.

Образ Урала создается Маминым-Сибиряком, в отличие от Мельникова-Печерского, посредством утверждения. Бэкграунд Мамина-Сибиряка как путешественника — это глубокое и живое (не книжное) знание рабочей жизни Урала, а также продуманное уважение к горнозаводскому делу. Основным источником сведений об Урале служит собственный опыт. Поэтому в тексте путешествия появляются вставные очерки о знакомых старателях-малороссах и бабушке из староверов; детальный анализ съезда горнозаводчиков; разбор экономических обстоятельств, разоривших уральских кустарей и т.д. Мамин-Сибиряк дает подробные характеристики местных профессий, которые демонстрируют его прекрасную осведомленность о специальных навыках и умениях уральских рабочих. Так, например, он пишет о чувовских сплавщиках: «Сплавщик, помимо знания реки, должен отлично знать свою барку, должен примениться в каждом данном случае к известному уровню воды в реке, быстроте течения, законам движения барки по речной струе. И все-таки, зная все это, часто сплавщик оказывается негодным, потому что у него недостает двух главных качеств: смелости и умения хорошо поставить себя между бурлаками. Последние качества безусловно необходимы»¹.

Создавая галерею уральских типов, Мамин-Сибиряк реинтерпретирует введенные предыдущими путешественниками характеристики. Отдельный очерк в путешествии посвящается уральским раскольникам, которые, по мнению писателя, воплощают лучшие качества уральского характера — нравственную целостность, верность традиции, волю и смелость. Писатель ставит вопрос об историческом значении раскола в судьбах российского государства и, в частности, о его важнейшей роли в освоении Урала: «В истории Урала

¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. От Урала до Москвы: Путевые заметки // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М.: Художественная литература, 1955. С. 367.

раскол составляет выдающееся явление, получившее под влиянием исторических и местных условий совершенно особенную, может быть, слишком интенсивную окраску»¹. Мамин-Сибиряк противопоставляет свое мнение о расколе как живом явлении русской действительности книжным представлениям тех, кто «в тиши ученых кабинетов» не видит «живых людей и живых лиц»². Мамин-Сибиряк не вступает в религиозные споры и не оценивает раскол с точки зрения праведности веры. Для него значение имеет то обстоятельство, что «за формальными проявлениями» раскола стоит «целое народное мирозерцание», купленное «потом и кровью тысяч страдальцев»³. Давая альтернативную официальной позиции характеристику раскола, писатель демонстрирует важную для уральского сообщества социокультурную установку, связанную с многоконфессиональным укладом местной жизни: «Даже эти формальности, смешные и нелепые сами по себе, заслуживают внимания и уважения по одному тому, что они служат известным лозунгом для тысяч людей, которым, как цементом, связаны все части этого живого здания»⁴. Образы уральских раскольников под пером Мамина-Сибиряка становятся воплощением физической и нравственной красоты. «Эта массивная, атлетически сложенная фигура с грубым, но красивым лицом и глядевшим насквозь ласковым мягким взглядом небольших темнокарих глаз служила живым олицетворением нравственной силы, уверенности в себе и сознания какого-то превосходства; это сознание просвечивало в каждом движении, в тоне голоса, в медленном взгляде, в каждой складке платья», — так эмоционально

¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. От Урала до Москвы: Путевые заметки // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М.: Художественная литература, 1955. С. 314.

² Там же. С. 315.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 315–316.

писатель рисует портрет раскольничьей начетчицы Василисы Авдеевны¹.

Наступательное утверждение уральского уклада жизни как самодостаточной ценности приводит к кардинальному пересмотру принятых в российской действительности геополитических координат, предписывающих считать российские окраины глубочайшей провинцией. Центром для писателя становится родной Екатеринбург. На подъезде к Москве путешественник уносится «мыслью назад»: «...и кажется, что вот уже скоро неделя, как все едешь куда-то под гору, в яму»². Географический спуск становится аксиологическим движением от центра на периферию. Главные отсечки на этой нисходящей оси — изменяющийся типаж мастеровых. Зауральские мастеровые, как образец физической силы и великой преданности своему делу, противостоят «расейским» фабричным. Отрицательные характеристики последних даны на контрастном фоне негативного сопоставления: «...это не тагильский мастеровой, не старатель, не сплавщик, это что-то такое пришибленное, глядящее болезненно напряженным взглядом, какое-то уныние сказывается в этих вялых движениях, в этом общем упадке физических сил»³.

Однако в заданном векторе негативной идентификации есть более раздражающая ипостась Другого — Пермь с ее административной пустотой, чахлыми мастеровыми, вырождающимися коми-пермяками. Характеристики Перми поражают своей резкой нетерпимостью: «...Тут уж нельзя было встретить ни уральского мастерового, ни старателя, ни пахаря по преимуществу: на сцену выступал мещанский элемент и «золотая рота»,

¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. От Урала до Москвы: Путевые заметки // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М.: Художественная литература, 1955. С. 316.

² Там же. С. 400.

³ Там же. С. 401.

т. е. крюшники, которые грузили баржи»¹; «Попадались по дороге черномазые фабричные — что-то среднее между мастеровым и машинистом; это был уже другой тип сравнительно с уральскими мастеровыми. Народ там выглядел могучее, сильнее. Тип мельчал»²; «От Перми до своего впадения в Волгу Кама не имеет никакой истории, — ее историческая часть выше Перми <...>»³.

Образ Перми тенденциозен, потому что создан в полемике со сложившимся представлением об Урале. Формируя новый образ региона, Мамин-Сибиряк намеренно исключает из него Пермь, которая в силу своего столичного статуса (административная столица Пермской губернии, в состав которой входил уездный город Екатеринбург) и геокультурного положения (въездные ворота на Урал — крупнейший речной порт и железнодорожный узел) воспринималась главной территорией Урала.

Маркирующим качеством Другого для Мамина-Сибиряка является несоответствие образу горнозаводского Урала. В связи с этим коренное население также выпадает из поля зрения писателя. Беглого упоминания местные «инородцы» заслуживают только в рассказе о начале горнозаводской колонизации края, в котором Мамин-Сибиряк, увлекшись риторикой «огневой работы», откажет «аборигенам» в способности к тяжелому труду: «Аборигены не могли служить здесь материалом; на севере — вогулы, на юге — башкиры, они были слишком слабы физически, чтобы вынести все тяготы рудникового труда и огневой работы»⁴. Другой у Мамина-Сибиряка — это тот, кто не соответствует образу уральского рабочего. Поэтому, несмотря на общий по-

¹ Мамин-Сибиряк Д. Н. От Урала до Москвы: Путевые заметки // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 8. М.: Художественная литература, 1955. С. 284.

² Там же. С. 285.

³ Там же. С. 293.

⁴ Там же. С. 272.

зитивный характер идентификации уральского пространства, в путевой публицистике Мамина-Сибиряка происходит отрицание важнейших его составляющих: прикамского Урала и уральского коренного населения, не совпавших с образом горнозаводского края.

Пермский вектор уральской идентичности не нашел в XIX в. местного интерпретатора, конгениального Мамину-Сибиряку. Многочисленные путевые отчеты, появлявшиеся в пермской периодике на рубеже XIX и XX в., осторожно обходили критику Мамина-Сибиряка, стараясь осваивать легитимизированные писателем темы – древней истории северного Прикамья, красоты Камы и т.д. Одна из самых заметных попыток реабилитации Перми принадлежала пермскому публицисту и писателю А. А. Городкову, опубликовавшему в московском журнале «Свечеч и дневник писателя» за 1913 год цикл путевых очерков «Кама»¹. Правда, полемизировал Городков не с Маминым-Сибиряком, а с Немировичем-Данченко, упрекая последнего в необъективности оценок. Умные, колоритные по деталям, интонационно выдержанные, очерки Городкова все же не смогли предложить столь же яркий и убедительный, как у Мамина-Сибиряка, образ уральского пространства: они распались на описания отдельных достопримечательностей.

Образ Урала, созданный Маминым-Сибиряком в путевых очерках, обладал необходимыми воздействующими характеристиками: была найдена главная тема идентичности, четко и убедительно назван ее субъект, и даже придуман динамичный сюжет, основанный на соперничестве территорий. В силу сложившихся историко-литературных и творческих обстоятельств, этот проект был лишь частично претворен в художественной прозе писателя. В. В. Абашев, размышляя о художественной интуиции Мамина-Сибиряка, справедливо отметил, что скованный литературной конвенцией времени

¹ Макк А. А. (Городков А. А.) Кама // Свечеч и дневник писателя. 1913. № 3–9; он же. По Каме // Там же. 1913. № 11–12.

писатель не смог в полной мере реализовать свое неординарное геопозитическое мышление. Однако «в менее контролируемых элементах повествовательной периферии» – «в сравнениях, в подборе деталей для описания» – проявилось его глубинное видение уральской онтологий¹. В художественной прозе Мамина-Сибиряка формировались элементы уральской геопозитики, которые получают дальнейшее развитие в литературе XX в.² Рассматривая творчество Мамина-Сибиряка в геопозитическом отношении, следует отметить, что анализ его ранней публицистики становится подтверждением концептуальной целостности образа уральского пространства в структуре художественного мышления писателя.

Представленные векторы интерпретации уральского пространства дали толчок к формированию двух разных традиций описания Урала. Пермь чаще всего воспринимается наследницей легендарной Биармии и древнего Пермского моря, Екатеринбург – промышленным центром, сохранившим славу экономической столицы Урала. Противоборство этих идентичностей по-прежнему составляет один из главных текстопорождающих сюжетов уральского ландшафта.

3.С. Антипина

История Пермского края Д. Д. Смышляева на страницах «Пермских губернских ведомостей»

Первая половина 1880-х гг. в деятельности Д. Д. Смышляева была отмечена активным сотрудничеством с «Пермскими губернскими ведомостями» и даже редактированием в 1882 г. неофициальной части газеты.

¹ Абашев В. В. Мамин-Сибиряк: у истоков геопозитики Урала // Уральский исторический вестник. 2009. № 1 (22). С. 59.

² Абашев В. В. Абашева М. П. Поэзия пространства в прозе Алексея Иванова // Сибирский филологический журнал. 2010. № 2. С. 81–89.

Публикаторскую работу Смышляева этого периода можно хорошо представить по им же составленному «Указателю статей, касающихся Пермской губернии и напечатанных в неофициальном отделе Пермских губернских ведомостей в течение 1881–1884 гг.» (Пермь, 1885). Среди прочих публикаций краеведческого характера, в 1883 г. на страницах ПГВ был опубликован «Краткий обзор истории Пермского края», переизданный автором в 1891 г. в составе «Сборника статей о Пермской губернии»¹. В отличие от ряда других обзорных исторических материалов, которые часто являлись статьями научного характера довольно большого объема и изобиловали деталями (именами исторических персонажей, названиями различных мест, датами и статистическими сведениями), «краткий обзор» Смышляева был напечатан в трех номерах ПГВ и представлял собой связанное повествование о Прикамье со времен заселения его человеком и до основания Пермской губернии. В общем публикация представляла собой сведенный воедино пересказ известных исторических теорий и разысканий, касающихся истории Пермской земли.

Статья Смышляева описывает историю Прикамья в виде своеобразного словаря, с помощью ряда ключевых образов пермской истории. Перечень заглавных понятий «словаря» неоднороден — это названия стран и народов, имена и события, города и исторические процессы. Всего автором было выделено 23 раздела: «Остатки древнейшей жизни»; «Биармия. Скандинавские предания»; «Русские летописи»; «Биармийцы»; «Чердын»; «Происхождение Биармийцев и других народов, населявших северо-восток России»; «Заселение и завоевание страны новгородцами»; «Св. Стефан»; «Калиниковы»; «Соликамск»; «Строгановы»; «Камкор»; «Орел-городок»; «Чусовские городки»; «Очерский острог»; «Набеги сибирских князей»; «Призвание Ермака»; «За-

¹ Смышляев Д. Д. Краткий обзор истории Пермского края // Смышляев Д. Д. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 1–16.

воевание Сибири»; «Бабиновская дорога»; «Верхотурье»; «Монастыри, села и города»; «Горное дело»; «Административные деления России». Различен и объем каждого понятия — от одного предложения («Соликамск») до почти полутора страниц («Биармия»). Многие темы и сюжеты из обзора Д. Д. Смышляева прочно закрепились в сознании пермяков и сегодня являются ключевыми в представлении местных жителей об истории своей земли. Другие остались лишь в сфере интересов специалистов. Статус этих образов пермской истории в местной культурной памяти со временем менялся в меньшую или большую сторону.

Предания о древней стране Биармии и населявшей Прикамье чуди, имена Стефана Великопермского и Ермака прочно вошли в структуру пермского текста, приобрели символическую функцию в представлении местных жителей о прошлом пермской земли¹. Освоению человеком северо-восточных земель России и образу Перми в скандинавских преданиях и русских летописях Смышляев посвящает значительную часть своего обзора. Мифической стране, упоминаемой в скандинавских сагах, отведены сразу три главки: «Биармия», «Биармийцы», «Происхождение биармийцев и других народов, населявших северо-восток России». Очевидно, что для автора особенно важны сказания, свидетельствующие не только о «весьма древнем существовании человека в пределах нынешней Пермской губернии», но и древности пермской истории. Он неоднократно убеждает читателя в давности и богатстве прошлого Прикамья: «...остатки древнейшей жизни <...> несомненно свидетельствуют о весьма древнем существовании человека в пределах нынешней Пермской губернии»², «мы можем извлечь для истории тот

¹ Подробно о биармийско-чудском мифе в истории пермского текста см.: Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь, 2000. С. 76–85.

² Смышляев Д. Д. Краткий обзор истории Пермского края // Смышляев Д. Д. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 1.

верный факт, что задолго до IX столетия, Биармия или Пермь была известна уже как страна торговая и богатая»¹, «находки вполне подтверждают предания скандинавов о давнем населении Биармии», «Сам Шлёцер, называвший саги «глупыми бреднями сказочников», согласен с ними относительно древности и процветания Биармии: «Пермь, — говорит он, — некогда самобытный, великий и не совсем непросвещенный народ», «Слава Перми достигла впоследствии Константинополя: византийский историк Халхакандила упоминает о Пермях (Permii), как о весьма древнем народе»².

Не утратили своего значения в пермской исторической памяти города Чердынь («Чердынь») и Соликамск («Соликамск»). Сегодня благодаря репутации древнейших городов Прикамья они являются объектами массового туризма и символами давней истории Пермского края. Примечательно однако, что Смышляев, уделяя значительное внимание Чердыни в связи с историей Великопермского княжества, фактически лишь называет предположительное время возникновения Соликамска (из которого происходила его семья), не говоря о роли города в истории края.

Фамилия Строгановых, выделенная Смышляевым в качестве одного из заглавных понятий, неразрывно связана в сознании современного пермского сообщества с социально-экономическим и промышленным развитием региона. Деятельности этой династии Смышляев посвящает значительную часть своего обзора, включая восемь разделов, следующих после главки «Строгановы». Повествование о новых прикамских городах («большая часть северо-западного пространства нынешней Пермской губернии перешла во владение фамилии Строгановых и была заселена их стараниями»³), христианизации

края (первый здесь монастырь основан Аникой Строгановым), развитии горного дела — все это обуславливается деятельностью Строгановых.

Часть населенных пунктов, имен и событий, выделяемых Д. Д. Смышляевым в качестве ключевых для пермской истории, не закрепились в памяти местного сообщества. Так, незначительное место в представлении пермяков о своем прошлом занимают Орел-городок, городок Камкор (Камгорт), Очер (Очерский острог), равно как Верхотурье, отошедшее в XX в. к Свердловской области. Были забыты посадские люди Калинниковы, основатели соляных промыслов на месте будущего Соликамска. Также не актуальным оказалось для локальной исторической памяти заселение пермской земли новгородцами.

Любопытно, что в статье Д. Д. Смышляева отсутствует упоминание о нынешнем носителе имени Пермь — городе Перми. Обзор истории региона завершается созданием в конце XVII в. Пермской губернии, в которой, однако же, не оказывается губернского центра, столицы края. Основание Екатеринбурга автор упоминает в связи с развитием горного дела¹, тогда как учреждение административного центра, города, по-видимому, не представляется ему событием, важным для развития Прикамья конца XVIII столетия. На месте нынешней Перми в обзоре Смышляева мы находим лишь в числе прочих заводов Егосихинский: «Де-Генин открыл также несколько новых заводов, в том числе в 1723 г. Ягосихинский медеплавильный завод»². Завершается история края созданием в конце XVIII в. Пермской губернии в том ее виде, в котором она просуществовала до 1917 г.

Статья Смышляева, насыщенная, как и многие исторические сочинения, историческими фактами с

¹ Смышляев Д. Д. Краткий обзор истории Пермского края // Смышляев Д. Д. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 2.

² Там же. С. 3.

³ Там же. С. 10.

¹ Смышляев Д. Д. Краткий обзор истории Пермского края // Смышляев Д. Д. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 14.

² Там же.

именами, датами и топонимами, не лишена читательской привлекательности. Во-первых, автор не довольствуется перечислением фактов, его повествованию свойственны элементы внутренней диалогичности: «мы невольно должны задаться вопросом», «само собой разумеется, что...». Сюда же нужно отнести обращения к современности — преданиям современных автору жителей Пермского края и нынешнему (для 1880-х гг.) состоянию тех или иных исторических поселений («нынешние жители приписывают...», «на этом месте теперь», «остатки его существуют и сейчас», «где ныне живут...»). Кроме того, автор обращается к поэтическим легендам, например, в обстоятельном рассказе о биармийском прошлом Прикамья: «конунги норвежские и датские женятся на пермских царевнах, а из-за отказа руки их происходят битвы и единоборства. Для описания мифического пермского святилища используются сказочные метафоры: храм был «обложен золотом и алмазами, которые лучами своими освещали всю окрестность. На истукане внутри храма блистало золотое ожерелье в несколько фунтов; венец на голове был осыпан драгоценными камнями, а на коленях стояла золотая чаша такой величины, что четыре богатыря могли утолить из нее жажду; наконец, облачение истукана превышало своей ценностью груз трех кораблей, плававших по Греческому морю»¹.

«Краткий обзор истории Пермского края» Д. Д. Смышляева может показаться скромным в сравнении с многотомными научными трудами его современников и последователей — «Географическо-статистическим словарем Пермской губернии» Н. К. Чупина, «Пермской летописью» В. Н. Шишонко или «Пермской стариной» А. А. Дмитриева. Однако ценность этой статьи видится в том, что она вобрала в себя все основные этапы, темы и сюжеты истории

¹ Смышляев Д. Д. Краткий обзор истории Пермского края // Смышляев Д. Д. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 1–2.

формирования цивилизации в Пермском крае и представила их в повествовательной форме на страницах самого распространенного на то время печатного источника. Опубликованная на страницах местной газеты, статья Д. Д. Смышляева в образах давней истории представила молодому, в сущности, местному культурному сообществу целостный рассказ о прошлом Пермской земли. Несмотря на то, что со временем в историческом самоопределении пермяков возникали новые темы, а часть из выделенных Смышляевым сюжетов не закрепились в культурной памяти, эта статья обозначила основные географические, исторические и культурные доминанты формирующегося пермского регионального самосознания.

3. С. Антипина

Границы Пермского края в пермской публицистике XIX в.

Ментальные границы территории, воображение о пространстве может по-разному соотноситься с географическими и, особенно, административными границами. Пермская губерния была образована в конце XVIII в. (в ходе административных реформ 1781 и 1796 гг.) и представляла собой обширную территорию, в которую входили земли по обе стороны Уральских гор в средней их части. Кроме территории нынешнего Пермского края (в административном понимании), это зауральские уезды: на северо-востоке — огромный Верхотурский уезд, на востоке — Екатеринбургский, Ирбитский, на юго-востоке — Камышловский, Шадринский (сегодня относящийся к Курганской области), на юге — Красноуфимский.

Историческая изменчивость границ территории, которая называлась Пермским краем, и собственно ис-

торико-культурное наполнение этой территории волновали пермских исследователей и публицистов с начала образования Пермской губернии и до конца XIX в. Автор обзорного «Очерка истории Пермского края» в 1841 г. писал: «Административная история Пермского края очень запутана. Это происходит оттого, что губерния, образованная здесь, состоит из многих частей, недавно лишь соединенных в одно целое»¹. Позднее известный в крае летописец А. А. Дмитриев посвятил историческим границам Пермской земли отдельный очерк². Уже на рубеже XIX и XX столетий авторитетный Брокгауз констатировал, что «в первоисточниках весьма трудно определить пределы Пермской области в тот или другой период»³.

Новизна образованной губернии и ее центра — города Перми, многократные на протяжении предыдущего времени перемены в административном подчинении территории во многом побуждали к тому, чтобы найти этому административному образованию целостное историко-культурное наполнение. Одновременно большую роль в поиске «пермской истории» и описании территории Пермской губернии как единого целого сыграла высшая административная воля. В частности, деятельность Российской академии наук — организованные ею экспедиции по изучению уральского региона и непосредственно деятельность губернского статистического комитета. По всей России именно на губернские статистические комитеты возлагался сбор сведений о землепользовании, народонаселении и промышленности края. Из всех естественнонаучных и историко-культурных описаний городов

¹ Очерк истории Пермского края // ПГВ. 1841. № 7. С. 2.

² Дмитриев А. А. О границах Древней Перми Великой // Труды Пермской губернской учёной архивной комиссии. Вып. 1. 1892. С. 63–74.

³ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890–1907. Т. XXIII (45). 1898. С. 334.

и отдельных мест Пермской губернии, обзорных статей по истории края, которые публиковались в 1860-е гг. в официальной газете «Пермские губернские ведомости», многие поступали именно из губернского статистического комитета.

Поскольку разнообразные описания городов и сел, имений, монастырей и урочищ были инициированы государством, то они естественным образом опирались на установленное административное деление территории. Например, в 1860 г. в «Учено-литературном отделе» «Пермских губернских ведомостей» один за другим были опубликованы разнохарактерные очерки о Камышловe, Иньвенской даче, Соликамске, Чердыни, Верхотурье, Далматове, Ирбити, Екатеринбурге, Кунгуре, Осе и т.д. Значительный объем этих публикаций занимали исторические материалы: тексты грамот, хроники, исторические обзоры. Публиковались и собранные статистическим комитетом фольклорно-этнографические записи (из Чердыни и Шадринского уезда).

В отдельных статьях и обзорных очерках главных исследователей Пермского края (Ф. А. и В. А. Волеговых, И. В. Володина, Д. Д. Смышляева, А. А. Дмитриева) Пермский край также предстает в границах, определенных административно, и включает в себя дополнительно Пермь как место обитания народа «пермяки» (или пермячи, или перемь) на территории нынешней республики Коми и как княжество со столицей в Чердыни. Здесь Пермский край — это более обширное место — и древняя Великая Пермь, и Прикамье, и земли башкир (Кунгур и южнее — Очер, Оханск, Оса), и Зауралье¹.

¹ Например, в «Пермском сборнике»: «между горными богатствами Пермского края... отыскано было и золото. В 1745 г. в окрестностях Екатеринбурга открыты были золотые руды» (Крупенин А. Краткий очерк заселения и цивилизации Пермского края // Пермский сборник. М. 1859. Ч. 1. С. 27).

Мы попробовали проследить, как в местной публицистике новая Пермь, созданная Екатериной II в конце XVIII столетия, на протяжении XIX в. обзаводилась своей историей и осознавала себя в рамках большой истории Российского государства.

Первые поиски «пермской истории» были связаны с именем города и края. Идея Перми — наследницы мифической Биармии возникла в научных трудах XVIII в. и распространилась в художественной публицистике века XIX. Подробно история биармийско-чудского мифа в пермском тексте изложена В.В. Абашевым¹. Мы лишь скажем, что эта поэтическая легенда отодвинула пермскую историю назад, до X–XI вв. и в территориальном отношении включила в нее территорию от Карелии до земли коми. События, которые происходили либо могли происходить на северо-западе России, в пермской публицистике XIX в. связывались с историей Пермской губернии. Кроме того, с помощью биармийско-чудского мифа Пермский край и его обыватели приобрели красивую легенду и лестное для себя мнение о древнем величии своей земли.

С территорией коми (землями по рекам Вычеге и Выми) был связан еще один сюжет пермского прошлого — деятельность епископа Стефана Пермского. В том же 1841 г. в обзорной статье автор пишет: «Гораздо виднейшая эпоха пермской истории есть проповедание Евангелия Св. Стефаном около 1370 года». И далее: «но и Св. Стефан не видал, кажется, собственно пермяков», «вообще нигде не видим указаний, что Св. муж приходил в нынешнюю Пермскую губернию». С пермской историей были гораздо более тесно связаны святитель Иона, который активно проповедовал Евангелие между пермяками, и Трифон Вятский, живший возле Чусовских городков. Однако миссия Стефана — т.е. события XIV в. и северных по отноше-

нию к Пермской губернии земель — была присвоена пермской историей. Способствовало этому присвоению не только значение для христианской церкви религиозного подвижничества Стефана, но и само имя. Во второй половине XIX в. «Пермские губернские ведомости» пишут о Стефане как «просветителе пермского края светом христианского учения»¹. В конце столетия, обсуждая памятник Стефану в городе Перми, журналист «Пермских епархиальных ведомостей» пишет: «Нынешняя Пермь совсем не на том месте, которое было освящено стопами святителя Стефана, <...> однако она, в качестве губернского города, имеет в своем округе и тот древнейший город, который существовал во дни святителя Стефана и принадлежал к стране пермской <...> это — Чердынь. Однако ж теперь нет на всей Руси названий «Пермь» и «пермский», которые бы напоминали о св. Стефане Пермском — нет, кроме нашей Перми»². Пермь, таким образом, выступает наследницей древней Перми и, по мнению автора очерка, должна хранить память о святителе Стефане. Во второй половине XIX столетия Стефан Пермский действительно занял особое место в истории становлений гражданственности в Пермском крае и воспринимался местными жителями своим, пермским святым. В 1885 г. «Пермские епархиальные ведомости» в проповедническом тексте справедливо пишут о «пермяках, с особенной любовью чтущих св. Стефана как своего покровителя»³.

Отметим, что к 60–70-м гг. XIX в., по наблюдениям наших коллег, слово «пермяк» в местной публицистике уже приобретает значение «житель Пермской гу-

¹ Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь, 2000.

¹ ПГВ. 1868. 7 февр. С. 3–4.

² ПЕВ. 1881. 10 июня. С. 257–258.

³ Святитель Стефан Великопермский // ПЕВ. 1885. 23 окт.

бернии» или «житель Перми», тогда как ранее пермяком называли лишь представителя народа коми¹.

Третий исторический сюжет, усвоенный Пермским краем, был связан с уже недавними историческими событиями — случившимся накануне создания Пермской губернии и Перми восстанием Емельяна Пугачева. Подробные материалы о пугачевщине были опубликованы в нескольких широко доступных источниках: «Пермском сборнике» (1859, 1860) и «Пермских губернских ведомостях» (1860, 1864). Публикации эти касались преимущественно южных уездов (Шадринского, Красноуфимского, Ирбитского, Очерского), по территории которых прошла крестьянская война под предводительством Пугачева. А. Н. Зырянов, начиная статью «Пугачевский бунт в Шадринском уезде», оговаривает отношение этого события к Перми: «...покажем частности событий пугачевского бунта в шадринской области, составляющей ныне уезд Пермской губернии, но в эпоху пугачевщины примыкавшей к пределам Оренбургской губернии»². В том же номере «Пермского сборника» Д. Планер описывает «пламя возмущения произведенного Пугачевым» в «соседственных с пермскими заводами местах»³. Хитров в 1864 г. объясняет внимание к бунту той неизгладимой памятью, которую он оставил в народном сознании: «То было после Ермака, а это после Пугача»⁴.

Существенную роль в освещении событий, связанных с восстанием Пугачева, сыграл биографический фак-

¹ Печищев И. М. Пермяки: столкновение идентичностей (на материале газеты «Пермские губернские ведомости» с 1849 по 1879 гг.) // Мультимедийная журналистика Евразии — 2011: традиции и инновации Востока и Запада. Казань, 2011. С. 196–202.

² Зырянов А. Н. Пугачевский бунт в Шадринском уезде // Пермский сборник. Ч. 1. М., 1859. С. 46–47.

³ Там же. С. 88.

⁴ Хитров А. Предания о пугачевском бунте, сохраняющиеся между жителями Ирбитского уезда // ПГВ. 1864. 17 апр. С. 99–100.

тор. Ряд ведущих пермских краеведов (Волеговы, Вологдин, Прядильщиковы) происходили из строгановских служащих, которые имели непосредственное отношение к тем событиям и доступ к заводским документам, которые зафиксировали реакцию местной администрации и населения на «народное замешательство».

Таким образом, в пермской публицистике и краеведческой литературе XIX в. ментальные, воображаемые границы Пермского края в пространственном и временном отношении обширнее административных границ и включают в себя и древнюю Биармию, и подвиг св. Стефана, и Пугачевский бунт; зауральские города Верхотурье, Екатеринбург, Ирбит, Далматов или Шадринск — мыслятся неотъемлемыми составляющими пермской земли.

Особенным же вниманием пермских публицистов-краеведов пользуются события и процессы, которые напрямую связаны с российской государственностью: колонизация Урала русскими, христианизация края, крестьянская война конца XVIII в. Местная печать активно обращалась к описанию ключевых для русской государственности событий по отношению к Пермской губернии и формировала представление о Пермском крае и его месте в большой русской истории.

3. С. Антипина

«Пермский сборник» в истории формирования уральского дискурса

Начальный этап формирования образа Урала в российской публицистике был тесно связан с развитием краеведения в российских провинциях в середине XIX в. В российских губерниях к этому времени были накоплены систематические описания истории края, из местной интеллигенции начал формироваться круг исследовате-

лей, на страницах «Губернских ведомостей» стали регулярно публиковаться исторические документы, статистические и этнографические обзоры, статьи о культурной жизни региона¹. В 1859–1860-х гг. в России стали издаваться сразу несколько «толстых» провинциальных журналов — «Южный сборник» (1859), «Воронежский литературный сборник» (1861), «Архангельский сборник» (1863), «Новгородский сборник» (1865), «Нижегородский сборник» (1867). В ряду предреформенных провинциальных изданий ярким явлением стал «Пермский сборник» (далее — ПС), всего два номера которого вышли в 1859 и 1860 гг. Это было первое серьезное издание, которое представило Пермский край широкой российской общест-венности. Оба выпуска получили развернутые рецензии столичной печати². Издание было признано едва ли не образцовым для провинциального журнала. «Отечественные записки» прямо указывали: «Пермский сборник» принадлежит к числу самых почтенных изданий, которые только появлялись в последнее время³. «Современник» начинал рецензию на «Воронежский литературный сборник» ссылкой на «Пермский сборник», который «хорошо

¹ Лепилкина О. И., Клец Ю. А. «Ставропольские губернские ведомости» (1850–1917 гг.) в разные периоды развития: изменения типологических характеристик // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. Вып. 58 (5). С. 53–60; Михайлова М. Е. «Астраханские губернские ведомости» в контексте общественно-культурной жизни Астраханской губернии: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Волгоград, 2006; Шурупова Е. Е. «Губернские ведомости» и формирование интереса к местной истории в дореволюционной российской провинции (на материалах Архангельской губернии): автореф. дис. ... канд. истор. наук. Архангельск, 2005.

² Добролюбов Н. А. Пермский сборник. Повременное издание. Книжка I. 1859 [Рецензия] // Современник. 1859. № 10. С. 357–372; Он же. Пермский сборник. Повременное издание. Книжка II. 1860 [Рецензия] // Современник. 1860. № 5. С. 62–66; Михайлов М. Л. Пермский сборник. Повременное издание. Книжка первая [Рецензия] // Русское слово. 1859. № 10. С. 37–48; Шелгунов Н. А. [О «Пермском сборнике»] // Русское слово. 1859. № 10. С. 48–49.

³ Б. Различные направления в изучении русской народности // Отечественные записки. 1860. № 3. С. 36.

зарекомендовал перед публикой провинциальные сборники»¹. Структура и тематика пермского журнала не были оригинальны, издатель и редактор Д. Д. Смышляев избрал актуальные тематические направления, характерные для подобных изданий в большинстве губернских центров европейской территории России в это время: история, этнография, естественные науки, статистика². Но злободневность ряда материалов, в частности, неизвестных ранее документов о Пугачевском восстании и статьи о низком уровне народного образования, обеспечили изданию пристальное внимание и похвалы демократической критики.

«Пермский сборник», хоть и собирался и предполагался к печатанию в Перми, волею обстоятельств стал столичным изданием — книжки «Сборника» из-за несовершенства местной типографии печатались в Москве и в них были включены статьи известных российских ученых — профессоров С. Ешевского и М. Киттары. Важность этого обстоятельства отмечал Н. А. Добролюбов в рецензии на «Сборник»: «напечатанное в «Калужских» или «Новгородских ведомостях» не пойдет далее Калуги или Новгорода, а из Петербурга или Москвы сведение разойдется по всей необъятной России»³. Думается, что Смышляев осознанно обращался не только к пермской, но и к российской аудитории и рассчитывал на широкий резонанс. На это косвенно указывает опубликованное редактором в «Пермских губернских ведомостях» объявление. Смышляев писал: «лыщу себя надеждой, что «Сборник» найдёт как в самой Пермской губернии, так и в других местностях России сотрудников»⁴.

¹ Чернышевский Н. Г. «Воронежский литературный сборник» [Рецензия] // Современник. 1861. № 12. С. 189.

² Бердинских В. А. Уездные историки: русская провинциальная историография. М.: НЛЮ, 2003. С. 275.

³ Добролюбов Н. А. Пермский сборник. Повременное издание. Книжка I. 1859 [Рецензия] // Современник. 1859. № 10. С. 361.

⁴ Смышляев Д. Д. Объявление о предпринимаемом издании «Пермский сборник» // ПГВ. 1858. 1 авг. С. 2.

Анализ материалов «Сборника» позволяет говорить о системном подходе Смышляева к описанию Урала и Пермской губернии как наибольшей его части. Во всех статьях издания прослеживается последовательность в представлении и толковании истории Пермского края. Можно говорить о ряде сюжетов, которые создали общий взгляд на Урал и Пермский край, стали основными для пермского и уральского текстов русской культуры. Самым популярным стал «биармийско-чудской миф», формирование которого было описано В. В. Абашевым¹. В «Сборнике» биармийско-чудскому прошлому пермского Прикамья посвящены статьи профессора С. Ешевского «Заметка о пермских древностях»² и «Пермские древности в Лазаревском институте восточных языков»³. Второй сюжет — это негативное описание жизни коренного населения Прикамья в статье Н. Рогова «Материалы для описания быта пермяков»⁴. Впервые описание жизни пермских аборигенов было опубликовано Роговым в «Журнале МВД» в 1855 г.⁵, в 1860 г. оно появилось в «Пермском сборнике», а опубликованный в 1864 г. в Петербурге очерк Ф. М. Решетникова «Подлиповцы» уже в беллетристическом повествовании закрепил в сознании российского читателя предьявленный Роговым образ коми-пермяков как невежественного и грубого народа. Помимо публикации Рогова, «Краткий исторический очерк заселения и цивилизации» А. Крупенина также представляет собой образец колонизаторского взгляда на местное население. Автор пишет о прошлом чуди — финского племени, населяющего Пермский край: «суровость и бедность окружающей природы имела на эти племена подавляю-

¹ Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь, 2008.

² Пермский сборник. Кн. I. Москва, 1859. Отд. I. С. 132–142.

³ Пермский сборник. Кн. II. Москва, 1860. Отд. I. С. 35–40.

⁴ Там же. Отд. II. С. 1–127.

⁵ Рогов Н. А. Иньвенская дача и хозяйственный быт населяющих ее // Журнал Министерства внутренних дел. 1855. Кн. 2. С. 28–42.

щее влияние. Удаленный от общества народов цивилизованных, <...> одинокий среди дремучих лесов своих, <...> финн, естественно, должен был не развиваться, а тупеть и прозябать. Духовная природа его спала непробудным сном. Характер его был уныл и печален, как окружающая его природа»¹. Подробно формирование и структура «коми-пермяцкого дискурса» было изучено Е. Г. Власовой².

Следующая традиция восприятия истории Урала, представленная в сборнике, связана с взглядом на Чердынский край и Соликамск как места, где сохранилась давняя русскость со своими традициями³. Автор, представляя описание свадебных обрядов г. Чердыни, особо отмечает «те черты, которые зашли в нее от древнейших времен русской жизни»⁴. Другие фольклорные записи, сделанные в русских же городах, Кунгуре и Шадринске, лишены подобных комментариев⁵. «Русское происхождение» и древность Чердыни отмечалась и во всех других известных обзорах истории Пермского края⁶. Почти дословно в них повторяется реплика «Мы не знаем точного времени основания двух древнейших городов нынешней Пермской губернии — Чердыни и Соликамска, но <...> можем безошибочно заключить, что оба города происхождением своим обязаны выходцам новгород-

¹ Пермский сборник. Кн. I. Москва, 1859. Отд. I. С. 4–5.

² Власова Е. Г. Пермяки о пермяках: коми-пермяки в изображении русской периодики Перми XIX — начала XX в. // Литература Урала: история и современность. Вып. 5. Екатеринбург, 2010. С. 81–90.

³ Пермский сборник. Кн. I. Москва, 1859. Отд. II. С. 106, 118.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Пермский сборник. Кн. II. Москва, 1860. Отд. II. С. 128, 162.

⁶ Очерк истории Пермского края // Пермские губернские ведомости. 1841. 11 янв.; Крупенин А. Краткий исторический очерк заселения и цивилизации Пермского края // Пермский сборник. Книжка I. Пермь, 1959. Отд. I. С. 1–49; Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. I: Древности бывшей Перми Великой. Пермь, 1889; Смышляев Д. Д. Краткий обзор истории Пермского края // Пермские губернские ведомости. 1883. 5 янв.

ским, вологодским и другим»¹. Таким образом, современная репутация Чердыни и Соликамска как городов древних и русских сформировалась не позднее середины XIX столетия.

Горнозаводская тема также является одной из основных в «Пермском сборнике» и связана с именами Строгановых и Демидовых. Первые, во многом благодаря статье А. Ф. Теплоухова об устройстве лесного дела в их имениях², предстают перед читателем и рецензентом (например, в названном отзыве Добролюбова) оплотом просвещенности и «дельности». Облик вторых характеризуют цитаты, отмеченные тем же Добролюбовым следующим образом: «Оно любопытно по манере выражения: через каждые две строчки бранное слово, а иногда и такая тирада: “Проснись, отчаянный, двуголовый архибестия, торгаш и промышленник озерный и явный клятвопреступник и ослушник! Ребра в тебе, ей-же-ей, божусь, не оставлю за такие паршивые малые выходы!..” и пр.»³. Со схожей трактовкой образов уральских заводчиков Демидовых мы встречаемся в романах Д. Н. Мамина-Сибиряка и — чуть позднее — сказах П. П. Бажова. Насколько укоренился представленный в «Сборнике» способ описания двух династий, можно судить по очерку нашего современника Алексея Иванова «Рядом и порознь. Строгановы и Демидовы: противостояние традиций»⁴. Автор развивает оценки, представленные в статьях «Пермского сборника» и размышляет о «двух парадигмах» — просветительстве Строгановых и «диком счастье» Демидовых.

Важными для современников стали публикации в «Пермском сборнике» материалов о Пугачевском бунте

¹ Пермский сборник. Кн. I. Москва, 1859. Отд. I. С. 10–11.

² Там же. Отд. III. 35–70.

³ Добролюбов Н. А. Пермский сборник. Повременное издание. Книжка I. 1859 [Рецензия] // Современник. 1859. № 10. С. 372.

⁴ Иванов А. Рядом и порознь. Строгановы и Демидовы: противостояние традиций // Урал. 2007. № 7. С. 181–191.

на Урале, которые были оценены как наиболее важные для понимания одного из самых неразъясненных явлений новой русской истории. Но впоследствии, в XX веке, эта тема ушла из представлений о собственно пермской истории (она теперь рассматривается в частном аспекте — применительно к истории города Осы). Случилось это во многом вследствие административных реформ — территории, где находился центр волнений, уже почти столетие относятся к другим административным областям.

Со временем оказались отделены от пермской истории и другие имена и города. Как, к примеру, история заводчиков Демидовых, нижнетагильских и невьянских заводов, екатеринбургских золотопромышленников теперь более актуальны для восточного Урала.

Э. В. Чурилов

В поисках пермской чуди: научные концепции и народные представления о прошлом Пермского края в работах С. И. Сергеева и Ф. А. Теплоухова

Представители исторических дисциплин прекрасно знают, что историческим источником в той или иной степени является любая письменная авторская (а иногда и не только авторская) работа. При грамотно проведенной внешней и внутренней критике из источника можно извлечь сведения не только о предмете, которому посвящено содержание текста, но и о самом авторе, его окружении, теоретических установках, мировоззрении и т.д. Это касается и делопроизводственных бумаг, и записок путешественников и многого другого. Не являются исключением и научные публикации.

Нас в настоящей работе будут интересовать прежде всего труды конца XIX в., посвященные археологии пермского Прикамья. А именно, публикации Ф. А. Теплоухова

и С. И. Сергеева. Выбор этих исследователей не случаен. Во-первых, в их работах можно почерпнуть интересные сведения о «краеведческой» деятельности местного крестьянства, которая носила весьма специфический характер. Во-вторых, как нам представляется, оба исследователя являются яркими представителями двух взглядов на археологию, которые развивались с середины XIX в. и развитие которых не прекратилось и в наше время. Стоит отметить, что в XIX столетии никто из археологов не вел разговоров на теоретические темы, а выражал свои взгляды на место археологии в системе наук, если так можно выразиться, не словом, а делом.

Первый подход к археологическому исследованию, представителем которого был Ф. А. Теплоухов, в советское время был сформулирован А. В. Арциховским: «Археология — история, вооруженная лопатой»¹. Такой подход предполагает отношение к археологическим материалам как к иллюстрациям древней истории и некоему обрамлению представлений исследователя о ней. Зачастую при таком подходе критика источников сведена к минимуму, но возрастает степень того, что шведский археолог Мальмер справедливо называл «археологическим импрессионизмом», когда впечатления от археологических предметов затмевают их содержание как источников. Такой подход допускает самое широкое привлечение аналогий из области как археологии, так и этнографии, зачастую без достаточной критики привлекаемых источников (анalogии отбираются «по впечатлениям» автора исследования). Именно в работах подобного рода наиболее ярко отражены исторические концепции, имеющее хождение в научном (и не только) сообществе в то или иное время.

Кардинально отличаются от поклонников «истории, вооруженной лопатой» представители второго течения, выразителем взглядов которого был С. И. Серге-

ев. Не занимаясь написанием широких исторических полотен, они учились исследовать археологические памятники и, на наш взгляд, наиболее соответствовали периоду первоначального накопления источников о прошлом края. Именно эти исследователи искали методы наиболее качественного изучения памятника в полевых условиях. Исходя из своей, скорее всего подсознательной, установки — идти от памятника к выводам, пригодным для исторических обобщений, они не обнаруживали своего взгляда на историю, публикуя работы, имеющие характер научного отчета о полевых исследованиях. Стараясь по возможности более полно исследовать памятник археологии, представители данного направления не только изучали (разумеется, в соответствии с методами своего времени) почвенные и культурные отложения, но и старались собрать сведения о памятнике, опрашивая местное население, знакомое с ним. Публикации исследователей данного направления обычно содержат интересные сведения, характеризующие представления местных жителей о древности, о содержании того или иного памятника. Нередко материалы, полученные в ходе раскопок, исследователи-полевые доверяли описывать «археологическим импрессионистам», и в ходе последующей работы опирались на исторические концепции последних.

Для своей статьи мы не случайно выбрали работы Ф. А. Теплоухова и С. И. Сергеева. Во-первых, как уже отмечалось выше, это яркие представители двух противоположных направлений в уральской археологии второй половины XIX в. Во-вторых, они часто писали совместно, иногда их работы выходили даже под одной обложкой. С. И. Сергеев публиковал отчеты о полевых изысканиях, а Ф. А. Теплоухов описывал предметы, полученные в ходе этих исследований, и делал исторические выводы, формируя концепцию истории пермской чуды. Именно их работы насыщены собранными ими (преимущественно С. И. Сергеевым) бесценными све-

¹ Арциховский А. В. Введение в археологию. М., 1940. С. 3.

дениями об исторических взглядах простых жителей пермского Прикамья.

«Мой проводник рассказал мне...»

Фраза, вынесенная в подзаголовок, часто встречается на страницах работ Сергея Ивановича Сергеева. Как истинный полевой археолог, он исходил многие труднодоступные места Пермской губернии, производя разведочные и раскопочные работы в самых сложных условиях. Им, например, были осмотрены и частично исследованы пещеры и пещерные памятники на р. Колве и р. Яйве. Оставшийся во многом недооцененным, человек больших талантов, он легко сходил с простыми крестьянами, лесниками и смотрителями угодий, в разговорах с ними черпая массу сведений о «чудских местах» в их интерпретации. За новые, уникальные материалы он мог отдать нашедшему их крестьянину пиджак от костюма, сняв его прямо на месте¹. Осматривая или раскапывая тот или иной объект, например пещеру, С. И. Сергеев непременно на месте проводил геологические, ботанические и даже астрономические наблюдения, помогающие прояснить тот или иной археологический аспект². Опрашивая информаторов и выслушивая их рассказы об археологическом памятнике, он тут же подвергал его критическому разбору, при котором учитывал такие обстоятельства, как возраст информатора, рассказ от первого лица, или через посредника и даже психическую вменяемость рассказчика³.

В рассказах простонародья Пермской губернии, которые приводит в своих публикациях С. И. Сергеев, памятники археологии края связываются либо с «чу-

дью», либо, реже, с русскими разбойниками. Так, например, пещеры в Шатровом логу, давшие при раскопках преимущественно зоологический материал, местные жители называли местом, где разбойники, которые «хаживали грабить Усолье», жили, но «были изловлены, не успев хорошенько спрятать награбленное, которое сложили в пещере на «Усть-Тихой» (реке)»¹. При этом источником веры в «разбойничий клад», якобы спрятанный в тех местах, является рассказ о некоем старике Тихоне, бывшем разбойнике. По этому поводу С. И. Сергеев иронично замечает, что «к сожалению, старик Тихон не рассказал подробно, где это на «Усть-Тихой»? На «Усть-Тихой» приходится пещеры в Шатровом логу, и «Соколья» тоже будет на «Усть-Тихой», а также всякая ниша, плита, или яма, в Тихом камне близ устья... а потому кладоискателям задача предстоит и в настоящее время очень трудная...»².

Но наиболее частая трактовка из имевших хождение среди простых жителей губернии и записанных Сергеевым связывает памятники археологии с народом «чудь». Во многих местах исследователь встречается с уверениями местного населения в том, что у них есть места, где либо выкапывали «чудские пуговицы», либо находились «чудские могилки» или даже «чудская кузница», «чудская деревня». Или просто «селище ихнее»³. Объяснение подобных названий местные жители дают очень простое: «Такое уж исстари название»⁴. Иногда название «чудь» применялось русскими крестьянами Пермской губернии и к своим соплеменникам. С. И. Сергеев приводит такой пример: «Крестьянин Сильверст Пименов Овчинников сообщил, что в д. Зуятах (Зуевой) одно семейство называют *исстари* (кур-

¹ Подробнее об этом эпизоде см.: Спицын А. А. Турбинские находки // Пермский краеведческий сборник. Вып. II. Пермь. 1925. С. 3.

² Сергеев С. И. О пещерах на реке Яйве и ее притоках. Соликамского уезда, Пермской губернии // Пермский край. Т. 3. Пермь, 1895. С. 22–23, 26–28.

³ Там же. С. 24.

¹ Сергеев С. И. О пещерах на реке Яйве и ее притоках. Соликамского уезда, Пермской губернии // Пермский край. Т. 3. Пермь, 1895. С. 18.

² Там же.

³ Сергеев С. И. Раскопки на р. Колве // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XXII. Екатеринбург, 1900. С. 2, 5, 7.

⁴ Там же. С. 8.

сив мой — Э. Ч.) „чудским коленом“, которые „ни обличьем“, ни „образом жизни“, словом, ничем не отличаются от остального крестьянства»¹.

Кроме своей древности, «чудь», а точнее — связываемые с нею вещи, по убеждениям русских крестьян, обладали магической силой. Правда, необходимо уточнить, что «чудью» называлось местным населением любое языческое население, обитавшее на этих землях до включения их в состав Русского государства. Поэтому «чудью» назывались и финские, и угорские, и даже тюркские народы². Как мы увидим ниже, такое обобщение в термине «чудь» разных народов было характерно в конце XIX в. не только для простонародья, но и для представителей науки.

Как уже было отмечено выше, предметы археологии, связываемые крестьянским населением с «чудью», наделялись магическими свойствами. Так, например, вещи из пещерных памятников по рассказам, записанным С. И. Сергеевым, имели свойство исчезать. Например, деревянный идол из Чанвинской пещеры, якобы найденный дедом Григория Кашина, проводника С. И. Сергеева, был «брошен на чердак, но впоследствии, когда его хватились, то нигде не могли найти...»³. Не менее показателен и такой приводимый исследователем эпизод: «...сторож Ф. Лиханов хотел меня познакомиться с одним жителем с. В.-Яйвенского, очень удивлявшимся, как я мог из пещеры увезти черепки и стрелы; с ним неоднократно бывали случаи, когда он уносил черепки, завязав их в платке, но дорогой, останавливаясь, например, для разведения костра, никак не мог найти своего узелка, из чего он выводил заключение,

¹ Сергеев С. И. Раскопки на р. Колве // Записки Уральского общества любителей естествознания. Т. XXII. Екатеринбург, 1900. С. 8.

² Подробный разбор этого вопроса см.: Кругляшова В. П. Жанры несказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974. URL: http://www.urbibl.ru/Knigi/kruglyashova/zhanri_3.htm (дата обращения: 10.12.2012).

³ Сергеев С. И. О пещерах на реке Яйве... С. 24.

что эти вещи „заговорены“»¹. Представление о чудесных свойствах древних вещей (а для крестьянина Пермской губернии XIX в. это однозначно вещи «чудские»), бытующее среди местного населения (коми и русского) описано также в публикациях Федора Александровича Теплоухова. В частности, в его работах приводится пермский вариант общеевропейского представления о каменных орудиях, находимых крестьянами на полях: «Кремневые наконечники стрел и пластинки хорошо известны, под названием *громовых стрелок*, и местному населению, которое приписывает им ... различные благодетельные для человека свойства. Так крестьяне-пермяки ... убеждены, что громовая стрелка ... защищает от удара молнии ... В других же местах ... старухи-знахарки употребляют их при лечении болезней, оказывая помощь при родах и т.д. Поэтому крестьяне весьма дорожат находками этого рода и расстаются с ними очень неохотно»². Веру в «чудесные» свойства каменных орудий, но более подробно и на более обширном материале Европы средних веков и нового времени, в 1881 г. описал в своей работе, посвященной каменному веку России, граф С. А. Уваров³. Вполне вероятно, что Ф. А. Теплоухов обратил внимание на данный аспект применительно к Пермской губернии именно под влиянием этой работы. Во всяком случае, структура его статьи «Вещественные памятники каменного и бронзового периодов в западной части Пермской губернии» очень напоминает структуру книги С. А. Уварова, которую он читал и на которую не раз ссылался.

¹ Сергеев С. И. О пещерах на реке Яйве и ее притоках. Соликамского уезда, Пермской губернии // Пермский край. Т. 3. Пермь, 1895. С. 25.

² Теплоухов Ф. А. Вещественные памятники каменного и бронзового периодов в западной части Пермской губернии // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Пермь, 1892. С. 29–30.

³ Уваров С. А. Археология России. Каменный период. Т. I. М., 1881. С. 1–19.

Из всего сказанного выше легко заметить, что в предметах древности крестьянское население Пермской губернии интересовала только их утилитарная сторона. Во-первых, возможность обогатиться, добыв мифический клад. Во-вторых, их применимость в быту, а именно — в «бытовой магии». Подобное отношение к археологическому материалу часто становилось препятствием для исследователей, так как затрудняло поиск новых памятников. В работах Ф. А. Теплоухова, например, часто можно встретить такие слова: «Посетив эту местность, гг. Глушков и Сергеев приобрели от жителей д. Турбино некоторые бронзовые предметы, найденные ими при обработке полей, причем однако же *крестьяне, по своему обыкновению, отказались указать точно место* (курсив наш — Э. Ч.), где эти предметы были найдены»¹. Так как исследователи, подобные С. И. Сергееву, уделяли особое внимание методам и тщательности исследования памятников, то их раскопы были невелики и давали незначительное количество материала. Крестьяне воспринимали предметы старины с точки зрения их практического использования. Вероятно, по этим причинам организовать массовый сбор предметов археологии, позволивший Теплоуховым собрать их обширную коллекцию, удалось только организовав *скупку* древностей. Это обстоятельство имело один существенный минус — коллекция составила в основном из предметов, не связанных с конкретным памятником и археологическим слоем.

«Коллекция чудских древностей»

Не менее интересно вопрос о древней истории края освещается в научных работах пермских археологов XIX в. Главным образом, конечно, в работах Ф. А. Теплоухова.

¹ Теплоухов Ф. А. Вещественные памятники каменного и бронзового периодов в западной части Пермской губернии // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Пермь, 1892. С. 45–46.

Древняя история пермского Прикамья, которую реконструирует в своих трудах Ф. А. Теплоухов, прочно связана с пермской чудью. Но этот термин у него не однозначен. С одной стороны, автор признает, что это понятие условное, нарицательное и включает в себя чудь, которая «...жила не только в западной части Пермской губернии, но и на восточном склоне Урала, в Сибири и т.д.»¹. С другой стороны, характер источников, имеющих в распоряжении Ф. А. Теплоухова, их оторванность от памятников и контекста культурного слоя, создают видимость однородной, лишенной культурных и хронологических различий исторической картины. Но работая с местными находками, Ф. А. Теплоухов не мог не заметить их отличия от материалов памятников северо-западных и западных территорий, на которых также обитают финские народы и которые со времен «Повести временных лет» также именуется «чудью». Специфический материал потребовал определения, и появился термин «культура пермской чуди». С позиции современного знания, этот термин объединил четыре археологические культуры (ананьинскую, гляденовскую, ломоватовскую и родановскую) и широкий хронологический период в 2,5 тысячи лет. Главной причиной такой расширенной трактовки археологических и исторических реалий явилось, как уже говорилось выше, состояние сформированной Ф. А. Теплоуховым источниковой базы. Основную ее часть составили предметы, если можно так выразиться, «мертвые», вырванные из контекстов памятников. Типологические ряды, имеющие всегда опору на стратиграфию, а, следовательно, хронологию, при подобном положении вещей превращаются в произвольное выстраивание (классификацию?) предметов по образам, внутри которых, основываясь на собственных впечатлениях от предметов, ав-

¹ Теплоухов Ф. А. Вещественные памятники каменного и бронзового периодов в западной части Пермской губернии // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Пермь, 1892. С. 27.

тор выделяет «более ранние» или «более поздние» вещи. Хорошей иллюстрацией такого подхода к источникам является описательный раздел известной работы Теплоухова «Древности пермской чуди в виде баснословных людей и животных»¹. При таком положении вещей работа не может двинуться дальше субъективных впечатлений автора. И это же обстоятельство делает возможным самую широкую трактовку и интерпретацию материала, а также привлечение самых различных аналогий, используемых при работе с предметами. То есть исследователь исходит не из источника, а примеряет на источник внешние по отношению к нему аналогии из этнографии известных «диких» народов, основываясь, как правило, на собственных впечатлениях. Примером такого «археологического импрессионизма» является теоретическая часть работы «Древности, найденные в Чанвинской пещере Соликамского уезда»², посвященной описанию материала, собранного С. И. Сергеевым во время раскопок в Чанвинской пещере.

История пермской чуди в работах Ф. А. Теплоухова представлена следующим образом. Человек появляется на территории Пермской губернии в каменном веке и проходит все стадии от палеолита до эпохи бронзы. Во взглядах на этот период Ф. А. Теплоухов следует за С. А. Уваровым, хотя нигде специально не оговаривает это. Описывая материалы периода неолита, Ф. А. Теплоухов встраивает их в рамки Пермской губернии, которая в XIX в. административно включала в себя и территорию восточного склона Уральских гор. Опираясь только на подъемный материал, который по определению является малочисленным, и сравнивая его с памятниками восточного склона Уральских гор, на котором уже в то время проводились раскопки, давшие

¹ Теплоухов Ф. А. Древности пермской чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. Т. 2. Пермь, 1893. С. 6–37.

² Теплоухов Ф. А. Древности, найденные в Чанвинской пещере Соликамского уезда // Пермский край. Т. 3. Пермь, 1895. С. 52–53, 60–61.

значительный по объему материал, Ф. А. Теплоухов делает поспешный вывод о слабой заселенности западного склона и о появлении человека в пермском Прикамье с востока¹. В период железного века на территории запада Пермской губернии проживала пермская чуда, оставившая, по мысли Ф. А. Теплоухова, культуру пермской чуди, о неоправданно-широкой трактовке которой было сказано выше. Пермская чуда вела обширную торговлю, в разное время и разными путями получая товары из Персии, а также из арабского мира через посредничество Волжской Булгарии². В позднем средневековье (примерно в XIII в.), по предположениям Ф. А. Теплоухова, пермская чуда переселилась в западную Сибирь и ее потомками стали вогулы и остяки. При этом методика Теплоухова, позволившая построить это умозаключение, не предполагает критики источников и допускает сравнение этнографических деревянных идолов вогулов XIX в. и изображения человека-лося на бляшке IX в.³. Причиной названного переселения чуди, как полагает исследователь, явилось постепенное вытеснение пермской чуди финнами пермской группы⁴. Упоминание о «финнах пермской группы» весьма показательно, так как демонстрирует уровень разработанности вопроса об этнических и языковых группах в конце XIX в. Для Ф. А. Теплоухова угры и пермяки — это две группы одного неопределенного образования — финнов⁵. В работах исследователя невозможно найти определение понятия «финны» — языковая ли это общность, этническая общность или совокупное название для всех финно-

¹ Теплоухов Ф. А. Вещественные памятники каменного и бронзового периодов в западной части Пермской губернии // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 1. Пермь, 1892. С. 61–62.

² Теплоухов Ф. А. Древности, найденные в Чанвинской пещере Соликамского уезда // Пермский край. Т. 3. Пермь, 1895.

³ Там же. С. 52–53, 60–61.

⁴ Там же. С. 63.

⁵ Теплоухов Ф. А. Древности пермской чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. Т. 2. Пермь, 1893. С. 39–40.

угорских народов. Также не проясненным остается и отнесение Ф. А. Теплоуховым археологических материалов пермского Прикамья к угорским народам («угорская группа финнов», по его терминологии). Каких-либо объяснений по данному вопросу, опирающихся на исследования, в работах Ф. А. Теплоухова не содержится.

В основе своей концепция истории пермского Прикамья рисует классический сценарий истории северных и северо-восточных областей Российской империи, заложенный «Повестью временных лет» и далее дописанный житиями местных святителей, окрестивших язычников. В соответствии с этой идеей, так же, как и соседние территории, Пермский край проходит через период каменного и бронзового веков и заселяется «чудским народом» — в данном случае пермской чюдью. Далее языческая чудь включается в орбиту православного Русского государства. Правда, в концепции Ф. А. Теплоухова пермская чудь считается угорским народом и переселяется за Урал. Но ее сменяет чудь новая — коми, которые подвергаются христианизации. О том, что в своих работах, рисующих эту веху истории пермского Прикамья, Ф. А. Теплоухов также следовал общему для Российской империи сценарию развития местной исторической концепции, свидетельствует тот факт, что житие св. Стефана Пермского, написанное преп. Епифанием Премудрым, он считал весьма серьезным историческим источником, а по некоторым вопросам даже «главным и почти единственным»¹. Без критического разбора, принимая на веру все, что написано в этом неоднозначном, с точки зрения исторической критики, произведении.

Подводя итог, можно отметить следующее. Сравнивая взгляды на прошлое пермского Прикамья, нашедшие отражение в научных публикациях по археологии края, и представления простых обывателей о местной истории,

¹ Теплоухов Ф. А. Древности пермской чуди в виде баснословных людей и животных // Пермский край. Т. 2. Пермь, 1893. С. 53.

нельзя не заметить концептуальную их схожесть. И в первом, и во втором случае можно наблюдать одну и ту же схему, характерную для подобных исторических концепций северо-северо-востока Российской империи. Она заключается в том, что история края представляется как история смены языческого населения («чуди») новым православным населением Русского государства и включением «чудской» территории в состав империи. А «чудь» уходит в область преданий и магии.

Е. Г. Власова

Коми-пермяки в изображении дореволюционной периодики Перми

Отправной точкой пермской литературы о коми-пермяках стали очерки управляющего Иньвенской дачи¹ Н. Рогова, опубликованные в «Журнале Министерства внутренних дел» в 1855 и 1858 гг. и в «Пермском сборнике», издававшемся Д. Д. Смышляевым, в 1860-м. Как известно, «Пермский сборник» был высоко оценен современной критикой в качестве прогрессивного для всей провинциальной культуры явления. Действительно, большинство материалов этого издания представляли собой первые исследования по истории и культуре Пермского края. Очерк Н. Рогова был из их числа. Однако он не только открыл тему коми-пермяков в русской печати, но и инициировал традицию их описания как отсталой, неряшливой и ленивой народности. Все, кто писал впоследствии о коми-пермяках, так или иначе повторили Н. Рогова. Можно проследить формирование своего рода коми-пермяцкого дискурса — свода устойчивых репрезентаций, переходящих из одного текста в

¹ Иньвенская дача принадлежала Строгановым и была основным ареалом проживания коми-пермяков на территории Пермской губернии.

другой. Говорить об объективности или субъективности этих репрезентаций крайне сложно — даже исследования ученых-этнографов попали под влияние расхожего представления. В этой ситуации возможен только один путь: вскрыть механизм формирования стереотипа, показать его дискурсивную природу.

Пермские публикации, конечно, были только частью общего процесса возникновения русскоцентристского дискурса о коми-пермяках, однако частью вполне представительной. Дело в том, что пермские этнографы и журналисты писали прежде всего о коми-пермяках, другая ветвь коми-народа — зыряне — не получила в пермской периодике столь подробного описания. Очевидно, тесное соседство русских и коми-пермяков на территории Пермской губернии обостряло процессы межэтнического и территориального противостояния. Зыряне как народ более удаленный от русской колонизации оказались в более выгодном положении, попав в поле зрения вполне доброжелательных летописцев.

Наметим основные этапы формирования пермского варианта коми-пермяцкого дискурса, выделяя наиболее репрезентативные тексты.

1850—1880-е гг. — это период публикаций этнографов-любителей Н. Рогова, Ф. Волегова, Г. Вологодина. Н. Рогов — бывший крепостной Строгановых, получивший благодаря им техническое образование в Санкт-Петербурге, всю жизнь прослуживший управляющим на Иньвенской даче. Ф. Волегов — также один из управляющих в Строгановском имении, автор Строгановской летописи.

Очерки Н. Рогова считались первым развернутым описанием жизни коми-пермяков. Они зафиксировали особенности одежды и пищи, бытовых ритуалов и творчества коми-пермяцкого народа. При этом автором был создан образ по большей части негативный. Описания бесспорно положительных качеств, таких как трудо-способность, гостеприимство, разнообразие и оригиналь-

ность кухни, не берутся Н. Роговым в зачет, заслоняясь тяжелыми обвинениями. Поражает тон: раздражение нарастает по ходу повествования, характеристики становятся все более резкими, жесткими. Кажется, что автор, увлекаясь описанием дикости «туземцев», забывает о требованиях всякой объективности, целиком подчиняясь экспрессии собственного превосходства. Вот те основные черты, которые маркировали образ коми-пермяка в описаниях Н. Рогова:

1. Неспособность к хлебопашеству, мелкий скот: лошади «плохие помощники в домашних делах» и «неудовлетворительны в дороге»¹.

В продолжение этой темы появляется еще и неспособность к промыслу и огородничеству: «Вообще промысла какого бы то ни было развиты между пермяками чрезвычайно мало по недостатку прилежания к труду и главное по чрезвычайной ограниченности и неразвитости умственных способностей пермяка».

2. Беспечность: неопрятные, оборванные, всклокоченные дети, играющие в придорожной пыли.

3. Неряшливость: грязный пол в избе, курные избы.

4. Пьянство и распущенность: «И холодную и теплую брагу пьют в большом количестве, особенно в местные праздники, более пол ведра на человека в день»; «На нравственность пермяки не обращают вообще никакого внимания; отцы совершенно не заботятся о поведении детей; парни охотно женятся на девках не только явно беременных, но и на таких, у которых уже есть взрослые дети».

5. Обрусение, исковерканная русская речь: «... русского языка не знают только некоторые женщины и дети».

6. Вздорность и мстительность, драки и сквернословие: «Например, отцы, нисколько не стесняясь, сквернословят при детях, ссорятся со своими домашни-

¹ Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков // Пермский сборник. 1860. Кн. 2. С. 1—127. Далее текст цитируется без специального указания страниц.

ми и соседями. Отсюда все безнравственное в пермяках; здесь корень тех пороков, которым так резко отметил себя нравственный, духовный быт пермяка».

7. Некрасивость, малый рост, широкие скулы, кривые ноги: «Пермяк вообще не красив. Старые женщины в оборванных одеждах просто уродливы».

8. Хитрость: «Пермяк редко продает пищу, но преимущественно ест ее сам по праздникам и угощает ей званых и незваных гостей, — последних, впрочем, только тогда, когда они люди нужные или имеют на него влияние».

9. Неспособность к творчеству, непоэтичность, отсутствие своих песен и сказок: «Пермяки — народ не поэтический, не песенный; они поют песни редко, — только тогда, когда собираются по несколько человек вместе. Поют пермяки настойчиво, однозвучно, дико, самыми грубыми голосами: голоса девушек пермячек часто не отличишь от голосов мужчин».

Выстроив этот список, несложно обнаружить его удивительное совпадение с одним из самых первых описаний коми-народа, которое было сделано московским путешественником, академиком И. И. Лепехиным в конце XVIII в. В своем долгом путешествии по России И. Лепехин оказался на северо-западе Пермской губернии, где и познакомился с бытом коми-народа: пермяков и зырян. Сам автор не слишком углубляется в этнические различия этих ветвей, отмечая лишь, что «пространные сего народа (т.е. пермяков — прим. Е. В.) пределы, первое их состояние, бывшие с ними перемены, разделение их на частные народцы» — «такие суть достопримечательности, которые требуют внимания»¹. Сначала он описывает коми-пермяков, потом зырян, причем бытовые описания, частично повторяясь, в основ-

ном связаны с зырянами. Вот основные черты пермяков и зырян по И. Лепехину:

1. Характеристика — бедность, маркер — кора, болезни (дизентерия): «Бедность до того их довела, что они принуждены большую часть своего века довольствоваться пихтовой корою...».

2. Нерадение к крестьянскому труду, маркеры — сани (отсутствие телег), лошадь (мелкая, не способная к труду и перевозкам): «С коликами трудом сих бедных жителей соединено было хлебопашество»; «Скота мало, удобрения не хватает, работы скоту нет»; «Ездят только на саях или верхом, да и то без седла»; «Употребление телег совсем не знают. Переняли телеги у русских крестьян, но телеги о двух колесах»; «Тут мы увидели нерадение зырянское и в самом сенокосе (предпочитали отъехать по берегу, чем срубить тонкие лозы на своем покосе)».

4. Неряшливость, беспечность в домашнем хозяйстве, маркеры — скот в доме, грязная одежда, подопревшие глаза, духота, неухоженные дети: «Дворы у них так построены, что не можно свободно проветривать воздух...»; «Сколь неопрятны их дворы и дома, столь мало пекутся зыряне и о своей собственной чистоте. Мужчины и женщины все ходят по уши в грязи и весьма редко умываются, а тем реже переменяют свое платье»; «От сей нечистоты ... зыряне имеют подопревшие глаза»; «Всего жалче смотреть на маленьких детей, которые так все запачканы, как будто бы им водный элемент вообще не известен»; «Но Зырянское во всем беспечие принудило нас отважиться в чолне пуститься по стремнинам сысольским».

5. Отсутствие письменности, маркер — безгласность: «...многие уже потели головы, и нам ничего не оставили, чтобы от сего безгласного народа можно было вывести неизвестного».

¹ Лепехин И. Дневные записи путешествия по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. СПб., 1780. С. 194. Здесь и далее записи И. Лепехина цитируются по данному изданию.

6. Искусные охотники, маркер — порох, чаще — его отсутствие: «Искусны в охоте, но птиц не стреляют — берегут порох на зимний промысел».

7. Усердные к христианской вере, маркер — обилие церквей: «Сколь ни бедны их жилища, и все их состояние, однако в небольшой Подкиберской волости построены три изрядные деревянные церкви».

8. Древность, маркеры — Чудь, Перя, суеверия: «Старинное наименование всех неизвестных нам соседей: Чудь, под которым мы без сомнения и Пермьков разумели, хотя раздробил на полбуквы, то не выйдет Пермьки»; «Сей богатый назывался Перя, из чего кажется заключить можно, что по крайней мере, его семейство называлось Перяки <...> а по времени для удобнейшего выговора из Пермьков произошли Пермьки»; «тут мы имели случай приметить их некоторые суеверные обряды, которые без сомнения от времени древнего их богослужения происходят».

Вчитываясь в записи Лепехина, можно заметить, что негативные характеристики и раздражительность тона возрастают по мере все обострявшейся усталости путешественника: сказывается бездорожье и эпидемия дизентерии в окрестных селах. Но слово было сказано и подхвачено Н. Роговым, а потом многократно повторено всеми, кто обращался к описанию коми-пермяков. Удивительно при этом, что зыряне, о которых по большей части писал И. Лепехин, впоследствии описывались вполне благожелательно, а все негативные особенности их быта, отмеченные И. Лепехиным, закрепились за коми-пермяками. В этом отношении путевые записки И. Лепехина можно считать своеобразным первотекстом в процессе формирования коми-пермяцкого дискурса.

Таким образом сложились основные темы изображения коми-пермяков в русской периодике к середине XIX в. Несложно заметить их сходство с теми характеристиками народов Востока, которые выявил, анализируя особенности ориентализма в качестве колониального сознания, Эдвард Саид:

- безынициативность, вялость;
- неспособность к логическому, абстрактному мышлению;
- лживость;
- мстительность;
- развращенность / сладострастие;
- контраст древности цивилизации и угнетенной современности;
- собрание причуд;
- у арабов нос крючком (внешнее уродство)¹.

Совпадение удивительно близкое — и по содержанию, и по формулировкам. Очевидно, что складывающийся коми-пермяцкий дискурс был инспирирован русской колонизацией, задачами ее оправдания и укрепления не только на уровне государственности, но, по видимому, и на уровне общественного сознания. Дальнейшее развитие коми-пермяцкого сюжета русской колонизации убедительно это показало.

Историк А. А. Дмитриев в «Пермской старине» так отзывается о Рогове: «Мы уже говорили, какую огромную важность представляют филологические труды Н. А. Рогова о пермяках, т. е. его пермяцкая грамматика и словарь. Ему же принадлежит и лучший этнографический очерк пермяков под заглавием “Материалы для описания быта пермяков”. Ни прежде, ни после Рогова никто не сделал столь обстоятельного описания быта пермяков. Другие писатели нередко черпали у него же»².

Постоянные повторы в разных текстах и разных изданиях, в том числе вполне официальных (так, например, пермский географ Н. К. Чупин повторил основные темы роговского очерка в «Географическом и статистическом словаре Пермской губернии» 1873 г.), сделали текст Рогова почти каноническим. Следует так-

¹ Саид Эдвард. Ориентализм: западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 169.

² Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. I. Пермь, 1889. С. 24.

же отметить, что повторялись прежде всего характеристики негативные.

Процесс этот шел по нарастающей, каждый из авторов старался расцветить новыми кровавыми подробностями наблюдения Н. Рогова. Н. Добротворский, например, во многом опираясь на Рогова, так дописал известные сюжеты: «...одежда мужчин ... пропитывается салом, кровью, грязью», «в кислом молоке кишат белые черви»¹.

В русской публицистике складывался экзотический нарратив-триллер, густо сдобренный пикантными подробностями, связанными с беспорядочными половыми отношениями «туземцев». Сюжет этот просился в литературу и нашел свое воплощение в повести Ф. М. Решетникова «Подлиповцы». Начало повести, представляющее собой гипернатуралистическое описание пермяцкой деревни, в контексте представленных нами репрезентаций выглядит как литературное оформление складывающегося стереотипа. Очевидно, пребывая под влиянием этого же стереотипа, Д. Н. Мамин-Сибиряк в свое время подчеркнул «пермяцкое» происхождение главных героев повести: «Между прочим, мы были введены в немалое заблуждение Решетниковым, который в своих “Подлиповцах” описывал именно пермяков-инородцев. Сысойко и Пила являлись не русскими типами, а представителями вырождающегося пермяцкого племени»².

Итак, роговский период в местной коми-пермистике заканчивается включением его материалов в официальные словари, и также литературной репрезентацией, ставшей нарицательной.

Следующий период активизации интереса к коми-пермякам приходится на 1890–1910-е гг. Он связан с развертыванием печатной дискуссии о вырождении

¹ Добротворский Н. Пермяки // Вестник Европы. 1883. Кн. 3. С. 248–249.

² Мамин-Сибиряк Д. Н. Старая Пермь // Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. Свердловск, 1951. С. 300.

пермяков. Началась она с легкой руки курского исследователя Н. Добротворского, который слишком размахисто и не слишком ответственно («насколько я помню», «в сносках», «при отсутствии статистики»¹) описал вырождение пермских «туземцев». В дискуссию включаются разные ученые — филологи, историки, этнографы. Казанский историк И. Н. Смирнов, в частности, писал: «Сообщения г. Добротворского заинтересовали антропологов-специалистов и вызвали, если не ошибаясь, путешествие к пермякам проф. Малиева. Он отправился в Пермскую губернию, произвел там сотню измерений, собрал сведения о рождаемости и также категорически, как г. Добротворский, высказался в противоположном смысле — никаких признаков вырождения констатировать у пермяков нельзя»².

Далее Смирнов предлагает свою версию этнографического описания пермяков, которая мало чем отличается от всего вышеизложенного. Его желание объяснить бедственное положение пермяков историческими и социальными обстоятельствами приводит к уже известным выводам, связанным с этнической природой пермяка: «В неподвижности, которая характеризует пермяцкое творчество в области предметов домашнего обихода, сказывается и другая черта духовной природы пермяка — слабое развитие, если не отсутствие потребности перемены к лучшему, потребности, которая является условием развития в каждой области»³.

Пермским участником этой дискуссии стал известный исследователь чудских древностей Ф. Теплоухов. Свои размышления он представил в 1895 г. и окончательно оформил уже в 1920-х гг., работая вместе с П. С. Богословским. Предпринятый им обзор литера-

¹ Добротворский Н. Указ. соч. С. 228–264.

² Смирнов И. Н. Пермяки. Историко-этнографический очерк // Известия общества археологии, истории и этнографии Императорского Казанского университета. Т. IX. Вып. 2. 1891. С. 183.

³ Там же. С. 206.

туры о народе коми завершился вполне красноречивым финалом: «Хотя, как мной отмечалось, в сущности, нельзя говорить о зырянах вообще, как и о пермяках вообще, но, если сравнить тех и других в отношении их характера, между ними нет ничего общего. Зыряне — это энергичный, предприимчивый и очень жизнеспособный народ. Совершенно другую картину представляют из себя пермяки, названные ак. Лепехиным “безгласными”. Они “вялы”, непредприимчивы, подавлены, почти не знают никаких ремесел. Обычно это приписывается их исторической судьбе — большинство из них были крепостными Строгановых. <...> Однако одним только крепостным правом объяснить характер пермяков, конечно, нельзя: Лепехин имел дело с пермяками Черд. уезда, никогда не бывшими крепостными»¹. Очевидно, что данное исследование — результат книжных штудий Теплоухова. Он оперирует текстами и цитатами из них и оказывается в не меньшей зависимости от стереотипа, чем этнограф-любитель.

Научные изыскания этих лет можно охарактеризовать словами Эдварда Саида — они демонстрируют «прикрытое профессиональной эрудицией отсутствие симпатии». Местные публикации, очерковые, научные, художественные, стали звеньями общего процесса — сначала спонтанного, а потом и целенаправленного формирования великорусского колониального сознания.

Эффективным средством его утверждения на рубеже веков послужила массовая печать. Пермская периодика также откликнулась на новый социальный заказ. В это время пермская печать активно включает в очерковый раздел описания местных туземцев, прежде всего коми-пермяков. Общее настроение — снова надменно-пренебрежительное, но уже без назидательности. Скорее фельетонное. Вот характерные пассажи из мест-

¹ Теплоухов Ф. Пермяки и зыряне // Пермский краеведческий сборник. Вып. II. Пермь, 1926. С. 122.

ных путевых очерков тех лет. Здесь можно встретить полный реестр роговских характеристик:

«Кроме языка, есть еще две верные приметы, что мы попали к пермякам — это непролазная грязь на улице и в избе, а, во-вторых, достославная пермяцкая брага! Грязь... Господи ты Боже мой! Что делается, особенно зимой, в избе у пермяка, когда все ребята в сборе — умопомрачение! Пол, хотя сделан и из теса, но об этом только можно догадываться; грязь на нем, навоз, лужи от телячьего поила, словом, всякая мерзость. Окна — с одними рамами — все затянуло; вместо стекол во многих местах торчат в них грязные тряпки, доски. Мрак в избе, а главное — холод страшный... но все же есть настолько тепла, чтобы выпускать сюда по временам телят, поросят, даже коров, чтобы подоить этих последних. Итак, на “земле избы” — животные неразумные. Если взглянем немного выше в воздушное пространство, то встретит взор наш какой-то ящик; что-то в нем завернуто в грязные лохмотья. Это что-то начинает издавать сначала какие-то неопределенные звуки, затем сопит и, наконец, кричит человеческим голосом — это младший член пермяцкой семьи, ребенок. <...> “Ах, бедные, ах бедные! — восклицает незнакомый с пермяцким житьем-бытьем человек. — Какая нужда, какая нужда!” Как бы не так! Я, конечно, не хочу утверждать, что все пермяки зажиточны и состоятельны, но смело могу заявить и засвидетельствовать, что картины, подобные только что нарисованной, вы встретите и в домах таких пермяков, которые обладают, не шутя говоря, тысячами. Спросите вы в любой такой пермяцкой избе — а что, брага есть? Отправляется баба в клеть и, немного погодя, приносит в деревянной чашке, на которой по красному фону разведены различные фигурки черного и золотистого цвета, пермяцкий нектар — брагу. ...Брага принесена, но она вам вручается не тотчас же: хозяйка сначала при вас же “отведает” сама, а потом уже преподнесет и вам — “на, дескать, пей, отравы нет

никакой!” Чашка расписная... Святители, как сказал бы Гоголь, да это настоящее свиное корыто: чего, чего только нет на стенках этой посуды! “Да ты моешь ли когда-нибудь чашку-то?” — спрашивает бабу, но при этом непременно должны ткнуть пальцем на чашку, тогда пермячка поймет, о чем идет речь. “Мью, мью”, — лепечет она, что означает — “как же, мою, мою!” Вы переламываете себя, отпиваете несколько глотков, а в чашке, надо заметить, добрый будет ковш, а то и два. Пермяки смотрят с удивлением, как это вы так мало извоили отпить столь утешительного и целительного напитка; из-за этого не стоило и мараться. Пермяк, если уж приложится, то осушит все до дна. И пьют же этой браги пермяки несметное количество! Без браги пермяк не понимает смысла жизни. В избе хлеба нет — это не беда, но если браги нет — это последнее дело. Бог его знает, не смею утверждать, но мне кажется — у низкорослого, подслеповатого пермяка потому такой несомерно большой живот, что он надсаживает его злосчастной брагой. По внешности пермяк вообще неказист: большой живот и подслеповатые глаза портят все дело. С животом можно покончить, но о глазах не мешает поговорить. Именно в силу того, что пермяки живут в грязи, у них развита болезнь глаз, как ее врачи называют, “трахома”¹.

«Характер пермяка очень сварливый, упрямый и мстительный, так что от излишнего употребления браги праздничные попойки обычно заканчиваются драками, иногда до перелома костей и убийства. Язык беден, вместо женского рода употребляется мужской и наоборот, как например, “Мой баба поехал”, — говорит пермяк про свою жену. Пермяки вполне обрусели и почти каждый говорит по-русски. Беспечность также является одной из отличительных черт характера пермяка. Быва-

¹ С. А. Н. По Чердынскому уезду // ПГВ. 1895. 15 янв. С. 3.

ет, что пермяк посеет хлеб и не оградит его и скот вытопчет у него весь посев»¹.

Таким образом, рассказывая о пермяках читателю газет, эти очерки способствовали популяризации складывающегося представления уже в объеме массового сознания. Надо сказать, что с этой ролью газета справлялась чрезвычайно эффективно. Публицистический очерк позволял вводить личностное начало в описание — очеркист действовал, общался, страдал от нерадивости пермяков, что придавало тексту особую эмоциональную убедительность.

Однако в газетном варианте коми-пермяцкого дискурса — очевидно, по причине меньшей, чем в научной сфере, регламентированности текстов — формируются и новые, вполне прогрессивные мотивы. Одним из них стал акцент на географической близости диких коми-пермяков цивилизованному центру, каковым журналисты считали Пермь. Этот поворот темы заставлял русских пермяков по-новому взглянуть на своих соседей и на себя. Появляется ощущение общей территориальной идентичности и понимание того, что коми-пермяки являются ее неотъемлемой частью. Показательна в этой связи вышедшая в 1905 г. брошюра известного пермского культуртрегера, священника Якова Шестакова (Камасинского) «Около Камы»². Почти половина всех материалов здесь посвящена коми-пермякам. Кроме того, в этой брошюре публикуется путевой очерк К. Жакова «По Иньве и Косьве», который предлагал самое прогрессивное на тот момент объяснение культурной отсталости пермяков, связывая ее с географическими (суровость климата), историческими (колонизация) и социальными (жесткая зависимость от Строгановых) причинами.

Уже современники точно оценили государственную подоплеку интереса ученых и публицистов к коми-

¹ Н. В глуши: Из путевых заметок // ПГВ. 1895. 21 марта. С. 2—3.

² Камасинский Я. Около Камы. Этнографические очерки и рассказы. Москва, 1905.

пермякам. И. Н. Смирнов писал, что «ученые дебаты напрямую имеют отношение к деятельности местных земств»¹. Да и местное земство в дискурсивную работу включилось. Земский начальник с. Юсьва В. М. Янович опубликовал один из самых благожелательных очерков о коми-пермяках в журнале Русского Географического общества «Живая старина» в 1903 г.².

Подводя итог, нужно отметить, что пермские авторы, очевидно в силу территориального соседства, оказались наиболее активными креаторами этноцентристского дискурса о коми-пермяках. При этом коми-пермяки из всех малых народов, населяющих Урал, получили самые уничижительные и нетерпимые характеристики. Они попали в эпицентр русского колониального этноцентризма на Урале, став врагом № 1 — безгласным, но мстительным. Объяснения этому — и геополитические и культурные — найти можно. Но, пожалуй, самым емким из них будет, как ни странно, лингвистическое. Совпадение звучания топонима и этнонима задавало особое напряжение противостоянию русских колонизаторов и коренного населения — «пермяков», как называли коми-пермяков вплоть до начала XX в. Коми-пермяки сыграли роль «конкурирующего alter ego», без которого, по словам Эдварда Саида, невозможно формирование любой культурной идентичности. Учитывая то, что формирование русской идентичности в условиях относительно недавней колонизации Урала находилось в описываемый период на пике своей активности, создание образа Другого являлось необходимым звеном общего процесса геокультурного взаимодействия.

¹ Смирнов И. Н. Пермяки. Историко-этнографический очерк // Известия общества археологии, истории и этнографии Императорского Казанского университета. Т. IX. Вып. 2. 1891. С. 184.

² Янович В. М. Пермяки // Живая старина. Вып. 1, 2. СПб., 1903.

И. М. Печищев

Пермяки в газете «Пермские губернские ведомости»

Каждый человек нуждается в понимании того, кем он является. Не менее важно и представление о том, что его окружает: какие люди, какое пространство. Идентичность человека возникает в процессе его развития; она формирует чувство принадлежности к определенной общности, осознание того, что индивидуум является частью структуры этой общности и занимает в ней определенное положение. Идентичность даёт возможность найти социальную нишу, избежав маргинализации.

Идентичность выступает как «динамическое состояние поиска согласия относительно оценок собственного поведения у членов группы или сообщества и принадлежности к определенной культуре»¹. Таким образом, идентичность становится инструментом для поддержания субъективной реальности отдельной личности.

Исследования идентичности последних лет выделяют разные виды идентичности по основанию её формирования: этническая, национальная, региональная, социокультурная и др. При этом социологи трактуют идентичность как «изменчивую, условную и социально детерминируемую конструкцию»². В этом случае индивидуум сам выбирает свое поведение, свои характеристики, убеждения и т.п., а не получает их согласно своему происхождению или наследственности.

Идентичность формируется в том числе и СМИ, которые призваны формировать картину социальной жизни, а создаваемые и воспроизводимые ими стереотипы позволяют аудитории быстрее ориентироваться в

¹ Акимов И. А. СМИ как фактор формирования идентичности личности в обществе // Сервис Plus. 2009. № 1. С. 15.

² Смирнова А. Г., Киселев Н. Ю. Идентичность в меняющемся мире. Ярославль, 2002.

социуме. Способность СМИ формировать идентичности и в смысле чувства единства, и чувства отличия, характеризуется мощным эффектом воздействия. Отсутствие же идентичности в СМИ, её ослабевание влечет за собой кризис общества, влекущий за собой неуверенность, апатию и т.п.¹

Для нашего исследования большой интерес представляет региональная идентичность, формирующая общность на основе единого места проживания. Она более открыта, чем этническая, и в то же время ближе индивидууму, чем национальная².

В данном исследовании мы обратились к публикациям газеты «Пермские губернские ведомости», чтобы определить, как проявлялась региональная идентичность жителей г. Перми в газетных текстах второй половины XIX в.

Коллизия общностей

В 1324 г. летопись впервые называет земли Верхнего Прикамья «Пермью Великой»: «поиде... в Орду, а шел на Пермь Великую и поиде по Каме реке». Новгородцы обложили данью территории Верхней Камы. А уже в 1333 г., как говорит летопись, «князь московский начал взимать дани с *пермские люди*». Так пермяки и Пермь Великая появились в историческом контексте.

С тех пор земли Прикамья стали осваиваться русскими. Они следовали с севера на юг, основывая города. Так, город Чердынь, первое упоминание которого относится к 1451 г., называли в официальных документах и летописях того времени «Пермь Великая Чердынь», указывая его как столицу огромной территории.

¹ Сосновская А. М. Журналист: личность и профессионал (психология идентичности). СПб.: Роза мира, 2005.

² Трофимов В. Д. Региональная идентичность: настало время разоблачать Россию. URL: <http://ttrofimov.ru/2011/07/regionalnaya-identichnost> (дата обращения: 29.11.2011).

Собственно город Пермь был основан в 1723 г. Официальная дата основания связана с началом строительства медеплавильного завода. Уже с 1780 г. Пермь стала губернской столицей, возглавив Пермское наместничество в составе двух областей — Пермской и Екатеринбургской.

Этот исторический экскурс был необходим для понимания коллизии, которая возникла в Прикамье в XVII–XIX вв. В то время наряду с этнической общностью *пермяков*, коренных жителей Прикамья, возникает другая общность, объединенная региональной идентичностью, — жители города Перми, также называвшие себя *пермяками*. Слово «пермяк» — это и этноним, и этникон¹.

Сложно представить, как на самом деле именовали себя жители губернского центра в быту или в официальной обстановке, не путались ли они, при произнесении слова «пермяк», но мы можем попытаться определить это по печатным источникам того времени, в первую очередь — по материалам публикаций в главной губернской газете «Пермские ведомости».

Структурно газета представляла собой две части: «Часть 1: официальная» и «Часть 2: неофициальная». Последняя и наиболее интересна для исследования региональной идентичности, так как здесь публиковались исторические, этнографические, краеведческие статьи о Пермском крае. История заселения Прикамья; жизнь и нравы жителей волостей Пермской губернии; писцовые книги; перепись рек, гор и полезных ископаемых — вот неполный перечень тематического разнообразия статей. Кроме этого, здесь регулярно размещались новости Перми и губернии, репортажи с важных событий, рецензии на спектакли пермского театра и авторские материалы, схожие с современным жанром «колонки».

¹ Этноним — название этнических общностей. Этникон (этнохороним) — название жителей определённой местности, соотносённое с топонимом.

Прежде всего в публикациях ПГВ нас интересовал контекст использования слова «пермяк», ведь неоднозначность его употребления в те годы, на наш взгляд, не вызывает сомнений. Кроме этого, интерес вызывают и номинации жителей города Перми, их официальное и самоназвание в публикациях.

Из всех отобранных текстов явно выделяются две группы: в одной пермяками называют этнос, населяющий север Пермской губернии, в другой — жителей г. Перми. Рассмотрим последовательно эти группы.

«Житель лесной и гористой страны...»

В «Историческом очерке города Перми»¹ приводится этимология слова «пермяк». По словам автора очерка А. Крупенина, оно происходит от зырянского слова *парма* («гора, поросшая лесом», родственное сибирскому слову «тайга») и *экъ* — человек; «из чего составилось слово “парма экъ” и извращенное — “пермяк”». Краевед Ф. Волегов приводит адаптированное толкование: «человек, житель лесной и гористой страны, каковой и представляется нам местность, где ныне живут пермяки»².

В исторической хронике, которую публиковали ПГВ, либо в ссылках на исторические документы в авторских материалах мы встречаем упоминания пермяков как коренного населения этих мест. Так, В. А. Волегов в «Исторических сведениях о гг. Строгановых»³ пишет о том, что «Аника Строганов взял с собой людей своих ... для заселения новых мест ... много пошло за ними и вольных людей из разных мест, зырян, пермяков и прочих людей».

Как показывает анализ, большая часть употребления слова «пермяк» и его производных в публикациях

¹ Крупенин А. Исторический очерк города Перми // ПГВ. 1863. 13 сент.

² Ф. В. Пермяки // ПГВ. 1854. 29 окт.

³ Волегов В. А. Исторические сведения о гг. Строгановых // ПГВ. 1876. 10 нояб.

ПГВ связано с этносом. Известный пермский историк и краевед Д. Д. Смышляев в статье «Отдаленное прошлое Пермского края»¹ приводит такое описание: «Нынешние *Пермяки* — небольшой, еще мало изученный “народец”, сохранившийся в числе 59 000 душ в Пермской и Вятской губерниях». При этом ученый указывает на существенный факт: «*Пермяки* называют себя: коми, точно так же как и зыряне».

О пермяках как о диком народе, который населяет север Пермской губернии, пишет автор «Текста к пятистолетию в нынешнем году проповеди св. Стефана Пермского»: «У нас еще доселе живо племя *пермяков*, предкам которых св. Стефан принес евангельское слово. *Пермяки* у нас в соликамском и чердынском уездах, составляют остаток первобытного населения нашей губернии». Позиция автора, как мы видим, отстраненная и снисходительная, — это позиция колонизатора, покорителя земель.

Описание этнических пермяков, встречающееся в публикациях ПГВ, во многом схоже с описаниями Н. Рогова, открывшего тему коми-пермяков в русской печати в 1855 г. публикацией в «Журнале министерства внутренних дел». Как указывает Е. Г. Власова, «все, кто писал впоследствии о коми-пермяках, так или иначе повторили его»². Так, в публикации «Вести из Юсьвинской волости»³ автор кратко описывает население волости: «*Пермяки*, населяющие ... Юсьвенскую волость ... — народ малорослый, худой, изможенный и некрасивой наружности; неграмотный, и малоразвитый ... *Пермяки* говорят на своем особом языке; но почти все они, в особенности мужчины, знают и русский язык ... Все *пермяки* исповедуют православную христианскую веру».

В других материалах авторы обращаются к проблемам коренного населения, главная из которых — не-

¹ Смышляев Д. Д. Отдаленное прошлое Пермского края // ПГВ. 1860. 9 сент.

² Власова Е. Г. Пермяки о пермяках: коми-пермяки в изображении русской периодики Перми XIX — начала XX вв. // Литература Урала: история и современность. Екатеринбург, 2010. С. 81–90.

³ Вести из Юсьвинской волости // ПГВ. 1866. 18 июня.

грамотность. Н. Соломатов в статье «О грамотности между пермяками» сообщает, что «в 13-ти волостях Соликамского уезда ... живут пермяки — народ неразвитый и еще до крайности суеверный. Общественное устройство для многих из них еще совершенно непонятно. Обязанность платить поземельную подать они не признают и о наделе земли не хотят знать ... Благоедения Высочайшего манифеста 19 февраля 1861 г. не могли пермяками выразиться как следует»¹.

Учитель Пермского уезда М. Попов сетует на неграмотность пермяков, но настроен более оптимистично: «Пермяки, близкие по племени сродники зырян, населяют в Соликамском уезде смежный угол с Вятской губернией ... По выходе из крепостничества и благодаря требованиям нового времени, они очень заметно обрусели; пройдет еще несколько лет, уже при условиях грамотности, и пермяки, без сомнения, окончательно сольются с русским народом»².

Мысль о неизбежной и скорой ассимиляции этноса упоминается и другим автором в статье «Кудымкарская волость и село Кудымкор, Соликамского уезда»: «Жители [Кудымкара] — пермяки... живут деревнями, домов в 20 и более. Дома не отличаются первобытной оригинальностью. В отношении развития пермяки-кудымкорцы стоят несколько выше пермяков, своих соседей — верх-инвенцев, инвенцев и др., [они] находятся в периоде слияния с русской массой»³. Здесь автор разделяет пермяков на группы по месту проживания: село Кудымкор, Верх-Инъя, Инъя и др., и выделение пермяков-кудымкорцев, очевидно, связано с их более тесным взаимодействием с русскими.

¹ Саламатов Н. О грамотности между пермяками // ПГВ. 1868. 3 апр.

² Попов М. Народное развитие и грамотность в пермяцких волостях Соликамского уезда // ПГВ. 1879. 12 мая.

³ Кудымкарская волость и село Кудымкор, Соликамского уезда // ПГВ. 1878. 9 дек.

Несмотря на простоту, неграмотность и прочие качества, описанные авторами ПГВ, в некоторых ситуациях пермяки проявляют общность и решительность, положительно оцениваемые современниками. Так, священник А. Попов в публикации «Сооружение иконы св. Благоверного Князя Александра Невского в селе Кудымкор»¹ говорит о значимой роли местного населения, собравшего средства для иконы: «Наши Кудымкорцы, бывшие крепостные, на общей сходке порешили между собою: “Хотя мы, братцы, мужики и Пермяки, ... а в этом добром деле не отстанем же от других людей” ... Да будет же вам, мужички Пермячки, за доброе ваше дело!».

Интересно, что в нескольких публикациях о пермяках встречается прилагательное «пермяцкий»². Это довольно показательно, ведь именно это прилагательное по значению относится к народу, этносу, в то время как прилагательное «пермский» относится к топониму «Пермь».

В исторической хронике, которую публиковали ПГВ, либо в ссылках на исторические документы в авторских материалах мы встречаем и другой вариант упоминания этнических пермяков — здесь их именуют «пермичами».

Так, в публикации о Яйвенском сельском и солепромышленном округе автор приводит сведения из грамоты 1558 г., которой Иван Грозный жалует Григорию Строганову «по обе стороны по Каме до Чусовой реки места пустые, леса черные, реки и озера дикие», велев «с пермичами ни которые тяглы не тянуть и счету с ними не держать ни в чем»³. То же самое Петр I велел Григорию Строганову: «...с пермичами, усолцами и

¹ Попов А. Сооружение иконы св. Благоверного Князя Александра Невского в селе Кудымкор // ПГВ. 1863. 17 мая.

² Напр., в цитированных выше ст. Н. Соломатова и М. Попова.

³ Описание Яйвенского сельского и солепромышленного округа // ПГВ. 1863. 9 авг.

осинцами никаких дел не иметь». Это мы находим в публикации В. А. Волегова «Исторические сведения о гг. Строгановых»¹. А в «Историческом очерке города Перми»² автор сам, без цитирования, именуется древний народ: «Чердынский Богословский монастырь считается древнейшим и вероятно основан в половине XV в., когда *пермичи* крещение приняли».

Как мы видим во многих примерах, пермяки для авторов ПГВ — северный народ, необразованный и темный. Никакого отождествления или общности с этими пермяками авторы не чувствуют. Напротив, во многих текстах проявляется чувство превосходства, которое, очевидно, свойственно колонизаторам на осваиваемой территории.

«Они склонны к изящному...»

«Что за прелестный город Пермь, когда в него въезжаешь ... Богатая чугунная решетка больницы, выстроенной с большим вкусом, явно говорит о наклонности *пермитян* или *пермич* к изящному, в противоположность *пермякам*, которые все еще тяжело поддаются успехам цивилизации», — так писал о Перми и её жителях П. И. Небольсин в журнале «Отечественные записки» в 1849 г.³ «*Пермитяне, пермичи*» — так автор называет жителей Перми, чтобы отличить их от коми-пермяков.

В согласие с этим разделением входят и замечания Д. Н. Мамина-Сибиряка, который в серии путевых очерков «Старая Пермь» отмечает: «Не нужно смешивать древних *пермичей*, или *пермитян*, с иньвенскими *пермяками*-инородцами: между ними ничего общего нет ... последние — какая-то отрасль зырянского племени.

¹ Волегов В. А. Исторические сведения о гг. Строгановых // ПГВ. 1877. 8 янв.

² Крупенин А. Исторический очерк города Перми // ПГВ. 1863. 13 сент.

³ Небольсин П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул // Отечественные записки. 1849. Т. 64. Отд. 8. С. 7.

Между прочим, мы были введены в немалое заблуждение Решетниковым, который в своих «Подлиповцах» описывал именно пермяков-иногородцев. Сысойко и Пила являлись не русскими типами, а представителями вырождающегося пермяцкого племени».

Главное отличие жителей Перми от северного народа — их объединяет не этническая, а территориальная общность, ведь «большая часть обитателей Перми люди *наезжие*»¹. Эти «наезжие» люди, живущие в Перми, тоже называют себя пермяками. Эти конкурирующие идентичности проявляются в материалах ПГВ.

Так, пермский помещик А. Иванов публикует свою «колонку», именуя себя не иначе как «*пермяк*». Публикация «Отклик *пермяка*»² посвящена опровержению утверждений европейцев о «безмолвном равнодушии русской нации». Иванов говорит от имени жителей России и пермяков о любви к Отечеству и Государю-отцу.

Другой автор также в жанре, близком к колонке, под заголовком «Заметки из русского быта вообще и пермского в особенности»³ с сожалением пишет о том, что берега Камы заполнены мусором, свезенным сюда горожанами: «[Приезжий] перед пристанями ... увидит не десятки, не сотни, а может быть ни одну тысячу возов навоза и других нечистот, свезенных на Каму чистоплотными *пермяками* ... Отчего же бы этому доморощенному *пермяку* философу не сообразить ... что ... вниз по течению Камы ... живут такие же, а может быть, и лучшие люди». Эта бытовая зарисовка демонстрирует, что слово «пермяк» использовали в речи и для именованья горожан.

¹ Небольсин П. И. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул // Отечественные записки. 1849. Т. 64. Отд. 8. С. 7.

² Иванов А. Отклик пермяка // ПГВ. 1863. 28 июня.

³ К. П. Заметки из русского быта вообще и пермского в особенности // ПГВ. 1865. 19 марта.

Это подтверждает публикация «Пожар в Перми 14 сентября 1842 г.»¹, в которой автор вспоминает события 22-летней давности: «Пожар, уничтоживший в августе месяце 1842 г. значительную часть города Казани, произвел странное впечатление на пермяков ... большая часть их стали высказывать опасения и за Пермь. “Ну, положим, — говорили пермяки, — загорится дом ... Но потушат же”».

Очевидно, что проблема словоупотребления этнонима и этника «пермяк» существовала в пермском обществе и пермской прессе во второй половине XIX в. Во-первых, об этом говорит его неустоявшееся противоречивое использование, когда в двух выпусках ПГВ подряд пермяками называют то северный народ, то горожан. Во-вторых, рефлексия о словоупотреблении была зафиксирована в текстах очеркистов того времени.

Интересно, что в исследуемом периоде и в официальной хронике, и в новостях, и в текстах с выраженным авторским «я» (редкость для ПГВ того времени) этникон «пермяк» встречается редко. Как же именовались горожане? Из собранного корпуса текстов мы выделили 19 публикаций разных жанров, в которых было прямое указание на горожан.

Чаще всего встречается нейтральное — «жители Перми» или «жители г. Перми»². В текстах о проблемах города используется формулировка «пермское

¹ Смышляев Д. Д. Пожар в Перми 14 сентября 1842 г. // ПГВ. 1866. 15 июня.

² Напр.: Шкляев П. Освящение вновь устроенного в Мотовилихинском храме придела // ПГВ. 1863. 31 мая; Шкляев П. Почему жители г. Перми в случаях болезней прибегают более к помощи фельдшеров нежели медиков // ПГВ. 1863. 7 июня; Пермь [новости] // ПГВ. 1863. 30 авг.; Пермь [новости] // ПГВ. 1863. 6 сент.; Пермь [новости] // ПГВ. 1868. 22 июня; Пермь [новости] // ПГВ. 1868. 10 авг.

общество»¹ или — реже — «граждане г. Перми»². Единжды встречаются определения: «пермский горожанин»³, «пермская публика»⁴, «пермские мещане»⁵, «пермское народонаселение»⁶, «заводские жители»⁷, «заводские обыватели»⁸.

Все перечисленные словосочетания так или иначе называют одну большую группу людей, проживающих на территории столицы губернии. Коррективы вносит лишь сословное деление, существовавшее в те годы. Нейтральные формулировки словно фиксируют процесс вживания «наезжих» людей в окружающее пространство: ещё не «пермяки», но уже «пермские».

Горожане пока ещё не «пермяки» в противовес тем, другим, пермякам, неграмотным и малоразвитым. Но обостренное чувство Другого, как уже отмечала Е. Г. Власова, только способствовало формированию всё более отчетливой региональной идентичности.

¹ См. напр.: Пермь, 21 июня // ПГВ. 1863. 28 июня; г. Пермь (из официальных сведений) // ПГВ. 1866. 27 июля; Пермь [новости] // ПГВ. 1866. 3 авг.; Пермь [новости] // ПГВ. 1866. 14 сент.

² Пермь [новости] // ПГВ. 1868. 28 авг.; Пермь [новости] // ПГВ. 1868. 9 окт.

³ Пермь [новости] // ПГВ. 1866. 6 июля.

⁴ Там же.

⁵ Из пермского уезда // ПГВ. 1879. 18 апр.

⁶ Шкляев П. Почему жители г. Перми в случаях болезней прибегают более к помощи фельдшеров нежели медиков // ПГВ. 1863. 7 июня.

⁷ Шкляев П. Освящение вновь устроенного в Мотовилихинском храме придела // ПГВ. 1863. 31 мая.

⁸ К. Н. Из уездов // ПГВ. 1879. 19 мая.

Пермь в местной фельетонистике конца XIX — начала XX в.

С 1894 г. неофициальная часть «Пермских губернских ведомостей» начала выходить отдельным ежедневным изданием¹, и это стало поворотным пунктом в пермской историографии. С этого времени черты городской повседневности, доселе растворенные в стихии устной речи, а потому почти неуследимые для историка, увидели свет на печатных страницах: в сообщениях местной хроники, в очерках и фельетонах.

Сосредоточенная на местных проблемах городская газета дает нам, в частности, аутентичный источник и для изучения повседневных представлений пермяков о себе и своем городе, о семиотике городского пространства. Для этих целей именно городской фельетон представляется особенно значимым². Во-первых, фельетон тесно связан со злободневными интересами местного сообщества: фельетонист пишет о том, что всех занимает, что муссируется в повседневных городских толках,

¹ Пермский летописец начала XX в. Владимир Верхоланцев утверждал, что «коренная реформа «Пермских губернских ведомостей» в 1894 г. стала возможной благодаря тогдашнему губернатору — П. Г. Погодину, почему ее и называли «погодинской». Но окончательное утверждение «неофициального отдела» в качестве самостоятельного издания произошло чуть позже, в 1895 г., с приходом в газету на должность ответственного секретаря журналиста В. Я. Кричевского. (Верхоланцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1994. С. 133).

² В пермских газетах фельетон стал регулярно публиковаться в начале 90-х годов, появились специальные фельетонные рубрики — «Маленький фельетон», «На лету», «Мимоходом», «На злобу дня». На пике своей популярности — в 1900-х–1910-х гг. — фельетоны составляли порой до трети всего неофициального раздела газеты. В качестве фельетонистов выступали ведущие пермские журналисты и литераторы — среди них С. Ильин, А. Скугарев, В. Кричевский, И. Захватаев.

слухах и сплетнях. То есть в фельетоне находит отражение повседневное сознание городского большинства и, в частности, характерные для него пространственные образы. Во-вторых, повествование фельетона всегда точно локализовано, привязано к конкретным городским районам, нередко они подробно описываются. Хотя надо учитывать, конечно, специфическую избирательность фельетона. Следуя критической установке жанра, фельетон отображал прежде всего жизнь неблагополучных районов. Поэтому фельетонная карта Перми — это преимущественно карта окраин и маргинальных зон города.

В частности, фельетон сохранил характерный колорит местной неофициальной топонимики. Так, небольшая речка в старой Слободке именовалась пермяками Вшивкой, один из городских районов — Болотом, хлебный рынок — Черным, а сквер на берегу Камы Козым загоном¹. Впрочем, и официальная карта города зафиксировала весьма характерные для местной топонимики названия — одна из речек Перми называлась Стиксом, сквер в Разгуляе — Тюремным.

В аналогичном негативном ключе фельетон комментировал функциональные значения пермских улиц. Улица Красноуфимская воспринималась пермяками как дорога в больницу, Екатерининская — на кладбище, а главная, Сибирская, сравнивалась с Невским проспектом, не только в качестве улицы лучших магазинов и традиционного места

¹ Сквер сменил несколько официальных названий. В 60-х гг. XIX в. его называли садом Багратиона (в честь генерала, привезшего в Пермь весть об освобождении крестьян), но, как замечает В. Верхоланцев, название это «не прижилось и превратилось в комичное название «козьего загона», так как этих животных, мирно пощипывающих травку, тогда можно было часто видеть в этом саду» (Верхоланцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1994. С. 188). На рубеже веков сад официально именуется Набережным. С 1928 г. — это сквер имени Ф. М. Решетникова. Пермяки довоенного поколения (20–30-х годов рождения) до сих пор называют это место Козым загоном.

гуляний, но и как улица «дам фельетонного направления» с «беспокойною ловкостью взгляда»¹.

Наиболее часто в фельетоны попадали окраинные районы Перми — Разгуляй, Данилиха, Слудка, Солдатская слободка. Эти районы формировались в процессе разрастания города и заселялись, как правило, демократическими слоями городского населения, рабочими и служащими местных предприятий. Коренными жителями Разгуляя и Слудки были работники железной дороги и порта. Данилиха, сохранившая название деревни, некогда здесь располагавшейся, оставалась полукрестьянским районом. Жизнь Солдатской слободки определялась близостью военных казарм.

Излюбленным местом пермского фельетона был Разгуляй, противопоставлявшийся, как правило, центру города: «Переезжай, голубчик мой, // От центра ближе к Разгуляю»². В этом противопоставлении, однако, есть существенный нюанс. Некогда именно Разгуляй был первгородом, но по мере того как Пермь разрасталась к западу, вниз по Каме, исторический центр превратился в окраину³. Этому превращению немало способствовал местный ландшафт: с севера и востока Разгуляй был сжат мощными, очень глубокими с крутыми склонами оврагами, по дну которых протекали малые реки⁴. На

¹ Гукс В. Эскизы // ПГВ. 1902. 29 июля. С. 3.

² Little man. Пермское Эльдорадо // ПГВ. 1903. 23 апр. С. 3.

³ Несмотря на то, что Разгуляй находился на границе между городом и Мотовилихой (в то время — это административно самостоятельный рабочий поселок в пригороде Перми, сегодня — один из городских районов), называть его географической окраиной нельзя. Фактической окраиной была Мотовилиха, Разгуляй находился между ней и городом.

⁴ До сих пор Разгуляй воспринимается как своеобразный провал почти в центре города. На краю Егошихинского оврага доживают свой век полуразвалившиеся дореволюционные дома, правый склон отдан под «мичуринские сады» с не менее ветхими домиками. В конце 90-х гг. высокая часть Разгуляя начала застраиваться новорусскими коттеджами и образовалось подобие компактного спального района, который горожане прозвали Кузьевкой (по имени инициатора строительства, крупного пермского бизнесмена).

Разгуляе город резко обрывался, сходил на нет — в дикую природу, в глубину земляных круч.

Окраинное положение Разгуляя символически углублялось близостью городских урочищ, функционально связанных с концом и разлукой, вообще решительной «переменой участи»:

Здесь близко кладбище, острог,
Вокзал железных двух дорог,
Ну, словом, если нужно «скрыться»,
То здесь лишь стоит поселиться!¹

Необходимо к этому добавить, что одна из малых рек, окаймлявших Разгуляй, называлась Стиксом: через нее шла дорога на кладбище.

Одной из выразительных примет Разгуляя и разгуляйского образа жизни были заселенные люмпенами «жилые дома»:

«Так называемые «жилые дома», расположенные над обрывом знаменитого своим зловонием разгуляйского оврага, или правильнее, обширной, общего пользования, помойной ямы, для благонамеренных обывателей — язва, пугало. Матери страшат ими капризных ребятишек: «вот, погоди, снесу тебя в жилые дома — не будешь озорничать». Это своего рода пермская *Вяземская лавра*, *Хитров рынок* (курсив мой — Е. В.). Одному Богу только известно, что за публика, какие герои «дна» населяют этот притон буйства, вертеп ярых служителей Бахуса. ... Население домов, в большинстве, народ пришлый, непостоянно оседлый, все новые, разные люди и что не лицо, то характерный тип Горько-максимовского героя. В праздники здесь положительно столпотворение вавилонское, дым коромыслом, шум, крики, дикий рев, называемый пением, сквернословие, драки и прочие прелести»².

¹ Little man. Пермское Эльдорадо // ПГВ. 1903. 23 апр. С. 3.

² Жилые дома // ПГВ. 1906. 9 июля. С. 4.

Приведенное описание демонстрирует обычный механизм фельетонной трансформации бытового образа известного городского места — его типологизацию. Фельетонист помещает местные реалии в рамку расхожих книжно-литературных образов: вертеп слугителей Бахуса, вавилонское столпотворение, модные тогда горьковские босяки — и возводит местное урочище к авторитетному аналогу. Подобно тому как Сибирская — это местный Невский проспект, Разгуляй оказывается пермской *Вяземской лаврой*, *Хитровым рынком*.

Помимо негативных значений, характерных для жизни окраины, фельетонный образ Разгуляя фиксирует и другую, не менее важную для репутации этого места семантику, а именно сельский колорит здешней жизни. Неудобный рельеф препятствовал сплошной застройке Разгуляя и охранял его природность. «*Егошихинский лиман*» оставался своеобразной полусельской зеленой зоной почти в центре города, и прогулки здесь заменяли не всем доступный летний дачный отдых:

В часы прохладно-тихие,
Июньским вечерком,
Люблю на Егошихе я
Побаловать чайком.
Присев на род диванчика —
На плоский бугорок,
Тяну я из стаканчика,
Досмановский чаек¹.

В развитии этой темы жизнь в Разгуляе приобретает черты деревенской идиллии:

Здесь очень важные условия
Для сохранения здоровья:
На площадях трава растет,
Пастух коровушек пасет;
Индюшки, гуси, свиньи, куры —
Здесь неперменные фигуры².

¹ Little man. Маленький фельетон // ПГВ. 1899. 6 июня. С. 3.

² Little man. Преимущества Разгуляя // ПГВ. 1901. 28 апр. С. 3.

Однако социальная маргинальность разгуляйской жизни омрачает возможности идиллически деревенского существования: отдых с досмановским чайком прерывается дракой с дикими мотовилихинцами, а перечисление дачных прелестей Разгуляя резюмируется следующим пассажем:

Еще удобство: если ты,
На мир озлобившись глубоко,
Задумаешь уйти далеко
От нас, от нашей суеты
Туда, где видит твое око
Плиты, могилы и кресты,
Пути не бойся длинноты —
Здесь кладбище неподалеку¹.

В конфликте городской и природно-деревенской ипостасей образа Разгуляя проявляется один из устойчивых сюжетов пермского текста в целом.

Фельетонные тексты зафиксировали не только бытовую конкретику разгуляйской жизни, они позволяют выявить и более общие символические значения, закрепившиеся за Разгуляем в пространстве города. Ведущими из них стали значения *края* и *низа* — практически во всех описаниях Разгуляя встречаются близкие по смыслу образы — яма, лог, обрыв, крутой спуск к Каме. Показательно, что эти значения не вполне согласуются с ландшафтной данностью. По крайней мере, центральная часть Разгуляя расположена на возвышенном месте. Именно здесь было построено первое каменное здание будущего города — собор святых апостолов Петра и Павла, который некоторое время имел статус кафедрального.

Однако значение возвышенного, горного места за Разгуляем не закрепилось. Функции городского центра перешли к Слудке — высокому берегу Камы, где были

¹ Little man. Преимущества Разгуляя // ПГВ. 1901. 28 апр. С. 3.

выстроены новый кафедральный собор, Спасо-Преображенский, а также духовная семинария и резиденция архиепископа¹. Старый центр, Разгуляй, был *семантически* поглощен егошихинским оврагом. В сознании пермяков за ним закрепились репутация низкого места, ямы, окраины со всеми присущими ей значениями криминально и санитарно неблагополучного места, временного («вокзального»), маргинального (между городом и деревней) и в целом некоего пограничного места, находящегося в странной близости к городскому центру. Известно, что формирование фольклорного повествования чаще всего связано с «территориально или социально пограничными урочищами», а общей функцией их речевого освоения является «попытка урегулирования отношений между горожанами и городским пространством»². Понятно поэтому, что именно Разгуляй послужил одной из главных тем пермского городского фельетона.

Другим освоенным фельетоном пермским урочищем стала Мотовилиха. Вообще-то вплоть до 1930-х гг. Мотовилиха оставалась административно самостоятельным населенным пунктом — рабочим поселком (это название сегодня закрепилось за одним из микрорайонов современной Мотовилихи)³. Естественному процессу объединения города и Мотовилихи мешал тот же самый Егошихинский овраг, который затруднял сообщение и

¹ Здесь центр Перми остается и сегодня, хотя архиерейское кладбище превратилось в зоопарк, а духовная семинария — в военное училище. Изображение колокольни кафедрального собора, где сегодня размещается Пермская художественная галерея, используется как одна из эмблем Перми.

² Веселова И. С. Логика московской путаницы (на материале московской «несказочной» прозы XVIII — начала XX века) // Москва и «московский текст» русской культуры. М., 1998. С. 108.

³ Сложные взаимоотношения Мотовилихи с городом проявились и в истории их объединения. Официально Мотовилиха была присоединена к Перми в 1927 году. В 1931 году поселок снова был отделен от Перми. Окончательное воссоединение состоялось только в 1938 г.

поддерживал разделение города и поселка. Ощущение этой границы сохранилось до сих пор в бытующем среди мотовилихинцев выражении: «поехать в город».

И все-таки, даже будучи административно самостоятельной, Мотовилиха традиционно считалась пермяками своим пригородом, достаточно закрытым и обособленным, но все же исконно пермским локусом. Этому способствовали и пространственная близость поселка и его значимость в экономике Перми. Не случайно пермские статистические показатели традиционно объединялись с мотовилихинскими: «В настоящее время домов в г. Перми, включая сюда Мотовилиху, Гарюшки и др. — 483, полукаменных — 835, деревянных — 9179, всего — 10947, 108000 жителей обоего пола», — сообщал, например, пермский путеводитель 1911 года¹. Жизнь Мотовилихи подробно освещалась городскими газетами, и, в том числе, пермским фельетоном.

Среди горожан Мотовилиха считалась своего рода социальной резервацией с ярко выраженными чертами опасного и страшного места. Характерны в этом смысле пронизанные гражданским пафосом строки пермского мастера стихотворной публицистики Сергея Ильина:

Мрачна ты, жизнь заводская:
И пьянство и разврат,
И к буйству склонность скотская
И ад, семейный ад!²

Для фельетонов о Мотовилихе вообще характерны сюжеты с криминальным оттенком. Так, притчей во языцех стала буйная удаль мотовилихинцев, вылившаяся в многочисленных драках, жертвами которых становились, по специфически фельетонной статистике,

¹ Иллюстрированный путеводитель по р. Каме и р. Вишере с Колвой. Пермь, 1911. С. 58.

² Little man. Маленький фельетон // ПГВ. 1899. 6 июня. С. 3.

до 3,5 человек ежедневно¹. Одна из фельетонных замечаний о Мотовилихе называлась «Из темного царства». Повторяясь из текста в текст, подобные значения формировали образ почти inferнального места, где сконцентрированы общественные пороки. Характерным в этом ряду оказывается и выражение «мотовилихинские хароны»² — о лодочниках, работавших на переправе через Каму между дачным поселком Верхней Курьей и Мотовилихой.

При этом в отличие от Разгуляя описания Мотовилихи были лишены каких-либо идиллических характеристик. Если Разгуляй — это своего рода деревня в городе, то Мотовилиха, напротив, продукт индустриально-городского уклада, жертвой которого оказываются традиционные добродетели деревенской жизни:

Да, всюду замечается,
Что, на завод попав,
Крестьянин развращается,
Теряет добрый нрав³.

В изображении фельетона мотовилихинцы — это прежде всего горожане. Так же как у горожан, у них есть своя «загородная» зона — закамский берег напротив завода, где находился поселок Верхняя Курья. Традиционной темой летних фельетонов становится буйство мотовилихинских рабочих на правом берегу Камы. Очевидно, что дачный правый берег считался мотовилихинцами «своей» территорией и потому всегда служил предметом соперничества между ними и городскими дачниками, селившимися здесь на лето.

Нужно сказать, что тема Камы, вообще воды, в фельетонах о Мотовилихе оказывается очень активной. Это объяснимо характером местного ландшафта: здесь

¹ Мельковский. Маленький фельетон // ПГВ. 1903. 24 июня. С. 3.

² Из темного царства // ПГВ. 1902. 14 авг. С. 2.

³ Little man. Маленький фельетон // ПГВ. 1899. 6 июня. С. 3.

более пологий, чем в городской части, берег Камы. Мотовилихинцы поэтому оказывались ближе к реке и общались с ней чаще. Речная переправа — летом на лодках, зимой на санях — служила основным средством связи Мотовилихи с городом. Кроме того, благодаря ежегодному паводку мотовилихинцы не понаслышке знали о том, что такое настоящее наводнение. «По каналам селения снуют гондолы самых разнообразных форм и размеров. Слышатся песни гондольеров, звуки гармоники и ... крепкое русское слово, которое только и заставляет вас вспомнить, что вы не в Венеции, а в Мотовилихе» — так комментировал фельетонист очередное мотовилихинское наводнение¹. Разумеется, сопоставление затопленной водой Мотовилихи с Венецией — это расхожее комическое преувеличение. В то же время, рассмотренное в контексте, оно связано с общим характером места опасного, страшного и таинственного.

Развитость образов Разгуляя и Мотовилихи, в отличие от других городских урочищ, не получивших такой подробной тематизации в местной фельетонистике, связана с исключительным статусом этих районов в истории города. Принято считать, что Пермь начиналась с медеплавильного завода, построенного в устье Егошихи в 1723 г., и Разгуляй — это пермский первогород. Построенный немногим позднее Мотовилихинский завод стал со временем одним из крупнейших военных предприятий России, играл важную роль в экономике Перми и был одной из достопримечательностей, входившей в число обязательных для посещения гостями города. Показателен фельетон С. Ильина, в котором он гадает, чем заинтересовать «гостей столичных»:

Чем их внимание занять?
Боюсь, что город поэтичным
Весьма рискованно назвать.
Вагоны ль, барки ль, пароходы

¹ Гукс В. Эскизы // ПГВ. 1902. 22 мая. С. 3.

И нашу Каму показать?
 Пейзажи ль северной природы:
 Ручьи, болота и леса,
 И серенькие небеса?
 Урал и горные заводы —
 Вот наша гордость и краса,
 Их, не конфузясь, и покажем...¹

Фельетонистика дает интересный материал и для общей характеристики Перми в восприятии местного сообщества. Пермь в целом характеризовалась, как правило, сравнительно немногими устойчивыми формулами-клише, вписывающими город и край в геопанораму России: Пермь характеризовалась как «окно в Азию», как город театральный, прежде всего оперный, и, конечно, как город на Каме.

Предметом особой гордости пермяков всегда служила богатая уральская природа. Природное окружение — лес и река — во многом определяли и географический и культурный образ города. В этом смысле показательно, что в описании М. Осоргина Пермь конца XIX в. предстает разместившейся вдоль одной улицы, «идущей из конца в конец города <...> от опушки пригородного леса до соборной площади, откуда был вид на Закамье — с высокого левобережья нашей замечательной стальной реки»². То есть город мыслится открытым в безбрежное пространство реки и леса, граница между ним и миром природных стихий размыта.

Исключительность влияния реки и леса на характер города проявилась и в фельетоне. Любопытно, что, обращаясь к пермской природе, фельетонисты «сбивались» на вполне серьезный лирический тон. Характерная для жанра веселость отступала, и фельетонный текст перемежался лирическими отступлениями. Особенно этот лиризм характерен для взаимоотношений с

¹ Little man. К приезду дорогих гостей // ПГВ. 1902. 23 июня. С. 4.

² Осоргин М. Времена. Екатеринбург, 1992. С. 489.

Камой. Фельетонисты демонстрируют почти трепетное отношение к реке, которая в согласии с фольклорной традицией именуется — красавицей, кормилицей, труженицей, Камушкой.

Весеннее пробуждение реки, освобождение ее ото льда было кульминацией в жизни города:

Взглянуть на Каму всяк стремится:
 С утра до вечера толпится
 В «загоне» радостный народ
 И смотрит, как проходит лед,
 Как льдину догоняет льдина,
 Шурша, дробится на куски,
 И тянет холодком с реки;
 <...>
 Беспечный, радостный, счастливый
 По пермским улицам народ
 С утра до вечера сует.
 Уж жарок воздух, точно летом,
 Но легок он, и пыли нет;
 Весь город залит дивным светом,
 Во всем блистает этот свет.
 Вон полулуны минарета
 Сверкают в славу Магомета,
 И золотых крестов игра,
 И Кама вся из серебра.
 <...>
 Пора особая настала
 Для развлечения пермяка,
 Но это только лишь начало.
 Когда ж очистится река,
 И, мерно рассекая воды,
 Пойдут гиганты-пароходы,
 Совсем наш город оживет,
 И день и ночь всю напролет
 На пристанях и шум, и грохот.
 Да! В это время, черт возьми,
 Живется весело в Перми!¹

¹ Гамма. На лету // ПГВ. 1906. 11 апр. С. 3.

Этим отношением к реке продиктована и тревога за ее судьбу, вызванная промышленным освоением края. Характерна для фельетонистики экологическая тема — публицистические размышления о столкновении индустриальной, заводской цивилизации с природой и его губительных результатах для леса и реки:

Ужель угрюмая тайга —
Парма, куда еще от века
Не проникала человека
Недружелюбная нога,
Ужель Парма врагу смирилась?

И лес, взлелеянный веками,
Могучий камских вод оплот,
Под видом бревен связан в плот,
Неисчислимыми плотами
Плывет покорно он по Каме,
К «цивилизации» плывет!¹

Нередко, однако, в соответствии с тенденцией жанра высокие пермские темы в фельетоне карнавально снижались. Не была исключением и Кама, вызывавшая особые трепетные чувства горожан: «Пермяки сугубо гордятся «красавицей Камой» и тычут ею в глаза всем и каждому»². В одном из фельетонов С. Ильина, так любившего воспевать «красавицу Каму», вдруг появляется совершенно противоположный по экспрессии образ: «Кама посинела, как труп самоубийцы, пролежавший на собачьем дворе две недели»³. Очевидно, родственное стремление противостоять риторическому клише побудило другого пермского поэта — уже конца XX в. — сказать о Каме нечто подобное: «Псиной разит полуистлевшая Кама»⁴.

¹ Little man. Заболевшая Кама // ПГВ. 1901. 24 янв. С. 3.

² Гукс В. День за днем // ПГВ. 1901. 24 июня. С. 4.

³ Бювар. Мимоходом // ПГВ. 1903. 19 сент. С. 3.

⁴ Кальпиди В. // Пласты. Свердловск, 1990. С. 113.

В карнавальных, смеховых образах входила в фельетон традиционная тема провинциального уюта и почти сельской идилличности местной жизни. Особенно забавно деревенские черты облика Перми проявлялись в постоянных для фельетона сюжетах о стадах домашних животных: козах, свиньях и коровах, невозбранно бродящих по пермским улицам и площадям. Излюбленным персонажем подобных историй был козел, очевидно, в силу особенной своей фольклорной репутации. Рассказывали, например, о козле-пьянице, ставшем завсегдатаем одного из питейных заведений. Набережный сквер, традиционное место гуляний пермского бомонда, называли Козьим загонном. А пермская весна кроме долгожданного ледохода открывалась, по наблюдениям фельетонистов, дружным променадом домашних животных:

Козлы и те повеселели
И тоже вышли погулять,
Идут степенно по панели,
Чтобы копыт не замарать,
Идут с осанкой горделивой,
Походкою неторопливой,
Но только дам не признают,
И им дороги не дают¹.

Травестируя высокие темы местной риторики, фельетон создавал тем самым образ города эмоционально привлекательный и теплый. Пермяки гордились своим городом, но одновременно признавали его провинциальность и смеялись над ней. Можно сказать, что образ Перми, созданный газетной фельетонистикой рубежа веков, отличался сбалансированной самооценкой.

В заключение еще раз подчеркнем, что в местной историографии газетный фельетон представляет собой

¹ Гамма. Маленький фельетон // ПГВ. 1906. 8 апр. С. 3.

уникальный источник, позволяющий воссоздать характерное для большинства горожан представление о городе в его колоритных подробностях. «Фактом становится только замеченное и названное»¹, поэтому актуализация фактуры повседневности в фельетоне помогает более полно представить исторический образ города.

¹ Вайль П. Гений места. М., 2000. С. 95.

II. ВИДЫ И ЖАНРЫ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ПЕРМИ XIX – НАЧАЛА XX В.

Е. Г. Власова

«Газетная» литература
конца XIX – начала XX вв.

В одном из многочисленных газетных фельетонов, обильно публиковавшихся на страницах «Пермских губернских ведомостей» в начале XX в., местный поэт и журналист С. Ильин писал:

Немного лет прошло с тех пор,
Когда газетный репортер,
Под строгой цензора угрозой
Обязан был писать лишь прозой,
Когда решил газетный стиль,
Что проза – вещь, стишонки – гниль!
Теперь не то: гордась, сияя,
Столбцы газет обзревая,
Я вижу рифм, стихов каскад,
Я очень счастлив, очень рад!

Заглядывая вперед, Ильин предполагает: «В сто тысяч Пушкиных толпа // Внедрится в русскую газету»¹. Это фельетонное преувеличение имело вполне реальную подоплеку. На рубеже веков газета превращается в отдельную сферу литературной жизни, становясь важным фактором общего процесса ее демократизации. Основными причинами этого процесса послужили интенсивный рост ежедневной прессы и общая литературоцентричность русской жизни тех лет.

Выход газеты на авансцену российской периодики конца XIX в. является фактом уже вполне осознанным.

¹ Little man. Море газетной поэзии // ПГВ. 1901. 11 нояб. С. 3.

Анализируя состояние русской периодики конца XIX — начала XX в., Б. И. Есин приводит мнение современников, которые «уже в 1897 г. отмечали как закономерность падение типа большого журнала и поворот внимания публики «в сторону газеты, преимущественно ежедневной»¹. Если в 1888 г. в России издавалось 637 периодических изданий, то в начале века насчитывалось уже около 1000 наименований газет и журналов. Помимо появления массы новых изданий, нужно отметить стремительное увеличение тиражей газет. В конце 1890-х гг. они достигли отметки 70 тысяч. А после 1905 г. московская газета «Русское слово» выходила уже в количестве 250 тысяч экземпляров и более.

Важным структурным компонентом газетной периодики этого времени становится региональная печать. На Урале, например, в 1907 г. выходило 118 изданий, из них 80 газет. Сопоставляя эти цифры с количеством столичных изданий (среди издаваемых в 1907 г. 1350 органов печати на долю петербургской печати приходилось 419 изданий, московской — 155), Л. П. Макашина отмечает: «Нетрудно заметить, что уральская печать была «солидным» структурным элементом системы печати России и составляла 12% от изданий, выходивших в этот период в стране»². Отделение неофициальной части губернских ведомостей и развитие частных газет способствовали формированию типа общественной, политической и литературной газеты в провинции.

В целом провинциальные газеты этих лет начинают превращаться во влиятельное общественное явление. Симптоматичной в этой связи представляется оценка периодической печати, данная литературным критиком «Русской мысли», который в статье «Из литературных наблюдений» отмечал: «Многие из губернских газет издаются с большим знанием дела, редактируются талант-

¹ Есин Б. И. Русская дореволюционная газета. М., 1971. С. 57.

² Макашина Л. П. Легальная печать и публицистика Урала в 1907–1917 гг. Свердловск, 1988. С. 7.

ливо, выдвигают значительные местные литературные силы. Не зная главнейших провинциальных газет, теперь нельзя судить о течениях русской общественной мысли...»¹.

Активизация газеты сформировала принципиально новую для русской действительности ситуацию регулярной и непосредственной включенности массового российского читателя в зону общественной актуальности. А поскольку литература, в силу традиционной для русского общества литературоцентричности, закономерно являлась одной из составляющих общего информационного поля, можно говорить о включенности массового читателя и в зону литературной актуальности. «Живущему с лихорадочной поспешностью современному человеку нет охоты ждать месячного журнала, тем более что газета дает ему не только специальные газетные сведения, а врывается и в науку, и в искусство, и в беллетристику...», — писали «Новости дня»².

Газета становится активным транслятором литературной информации. Среди телеграфных новостей постоянно мелькают заметки о знаменитых литераторах и подробностях их частной жизни. М. Горький, А. Курприн, Л. Андреев, Л. Толстой становятся настоящими героями газеты. В газетах публикуются их новые литературные произведения, которые тут же перепечатываются провинциальными изданиями. Так, рассказ Л. Андреева «Бездна», премьера которого состоялась в «Курьере» 10 января 1902 г., был опубликован в «Пермских губернских ведомостях» уже 20-го числа.

Российские газеты, в том числе провинциальные, формируют собственные литературные отделы. Давая характеристику одной из крупнейших газет Урала начала XX в., Л. П. Макашина замечает: «Даже при беглом просмотре «Голоса Приуралья» изумляешься, как много

¹ Из литературных наблюдений // Русская мысль. 1897. № 1. С. 174.

² Цит. по: Летенков Э. В. «Литературная промышленность» России к. XIX — н. XX века. Л., 1988. С. 62–663.

места эта провинциальная... газета отводит вопросам литературы и искусства. На ее страницах были опубликованы новейшие произведения зарубежных авторов: А. Барбюса, Р. Роллана, Б. Шоу и отечественных писателей Л. Андреева, А. Куприна, А. Толстого, В. Короленко, В. Вересаева, В. Каменского, М. Горького. Газета неизменно откликалась на памятные даты в жизни писателей, прославившихся своим вниманием к жизни и быту трудового народа: Н. Некрасова, А. Кольцова, А. Плещеева, В. Гаршина, В. Белинского, Г. Успенского»¹.

Литературные отделы провинциальных изданий сыграли важную, а для многих регионов и определяющую роль в становлении местной литературы. Наряду с именитыми и модными печатались и местные авторы, которые пробовали себя в разных жанрах, как собственно литературных, так и публицистических.

В провинции газета послужила центром сплочения литературных сил. Уральские газеты, например, вырастили целую плеяду даровитых авторов — прозаиков, поэтов, переводчиков и критиков. Среди них такие имена, как С. Ильин (брат М. Осоргина), П. Богословский. А. Скугарев, Н. Синицын, С. Виноградов, Д. Дружинин, П. Блиновский, Ф. Филимонов и др. В качестве примера, демонстрирующего вполне профессиональный уровень местных литературных интересов, можно указать на оригинальный перевод манифеста Ф. Маринетти, сделанный одним из корреспондентов «Пермского края» и опубликованный 11 октября 1909 г. Если учесть, что в столицах общедоступный перевод итальянского манифеста появился только в 1914 г., то можно назвать пермскую публикацию одной из самых оперативных в России (оригинальная публикация манифеста в «Фигаро» состоялась 20 февраля 1909 г.).

¹ Макашина Л. П. Легальная печать и публицистика Урала в 1907–1917 гг. Свердловск, 1988. С. 20–21.

Аналогичные процессы формирования местного авторства зафиксированы в исследованиях сибирской, одесской, новгородской периодики тех лет¹.

Литературный отдел неофициальной части «Пермских губернских ведомостей» может стать ярким образцом повышенной литературности русской газеты начала XX в. В ПГВ, неофициальная часть которых с 1894 г. выходила отдельным выпуском, в распоряжение литературного отдела были отданы подвал разворота газеты, а также большая часть третьей и четвертой полосы. Количество литературных материалов иногда превышало половину всего объема выпуска.

В подвале второй и третьей полосы регулярно печатались стихи и проза самого разного свойства. Поражает огромное количество литературных переводов, сделанных специально для ПГВ. Но преобладающими были публикации местных авторов на местные темы. Прозаические литературные публикации были представлены разными жанрами: от романов до небольших зарисовок. Однако основными, конечно, стали жанры малой прозы, органичные для газеты. Среди жанровых определений этих публикаций помимо рассказов мы сталкиваемся с «картинками с натуры», «миниатюрами», «эскизами», «зарисовками». Тематика этих публикаций напрямую была связана с информационными задачами газеты и определялась временем года, праздниками, крупными общественно-политическими событиями. В частности, провинциальная периодика сформировала огромную пасхальную, рождественскую и военную литературу, как прозаическую, так и стихотворную.

¹ Мандрика Ю. Л. Провинциальная частная печать. Тюмень, 2007; Гольдфарб С. И. Газетное дело Сибири. Автореф. дисс. ... докт. истор. наук. Иркутск, 2005; Иванова Е. В. Литературная жизнь Новгорода на страницах местной периодики. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004; Сырова Ю. Н. А. М. Федоров: жизнь и творчество в контексте литературной эпохи конца XIX — начала XX в. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.

Активность поэзии на страницах газет того времени — еще один яркий признак литературности газеты. Тематические предпочтения газетной поэзии также связаны с местными новостями. В газете, в частности, находит свою площадку местная пейзажная лирика. Приход весны сопровождается особой поэтической активностью, вызывающей улыбку местного фельетониста:

Я чаю, в редакции
Поднимутся акции
Поэтов весны,
Какие парения
На темы весенние
Прочсть мы должны!¹

Благодаря газетам получает мощный стимул художественная публицистика. Ее становление в газетах начинается с путевого и этнографического очерка, а также очерков на исторические темы. Постепенно начинает формироваться очерк портретный, прежде всего благодаря многочисленным литературным портретам. Появляются и портреты местных типов. Например, в очерке С. А. Ильина «Из школьных воспоминаний» создан портрет местного учителя чистописания, поэта-самоучки М. А. Афанасьева.

Ярким проявлением значимости литературных материалов в местной прессе можно считать формирование самостоятельных литературно-критических отделов, которые, наряду с перепечатками столичных рецензий Ю. Айхенвальда, В. Львова-Рогачевского, П. Когана и др., размещают и собственные литературно-критические материалы, посвященные не только местным, но и общероссийским литературным событиям. Литературно-критические материалы регулярно появлялись в рубриках «Библиография», «Фельетон», «Наука, искусство и

литература», «Среди газет и журналов». Простой перечень этих рубрик говорит о значительности объема литературной критики в газете.

Одним из самых ярких жанров газетной литературы этого периода стал фельетон. Рубеж XIX и XX вв. считается временем расцвета фельетонного жанра в отечественной публицистике. Показательна в этом отношении популярность стихотворной формы фельетона. В ПГВ фельетон представляли несколько рубрик (Мелочи жизни, Кусочки, Злоб, На лету), и, как правило, в каждом номере публиковался и прозаический, и стихотворный текст. Актуализируется жанр городской фельетонной хроники, отличительными признаками которого становятся сосредоточенность на местном злободневье и юмористический характер его подачи. Городской фельетон являлся своего рода иллюстрированной городской хроникой, выполняя роль «разведчика» местных тем.

Значение литературных и художественно-публицистических материалов в газетах для становления местной литературы сложно переоценить. Впервые местная проблематика становилась предметом литературной рефлексии. Именно газета стала первой стабильной литературной площадкой в истории большинства регионов. Не случайно история региональной литературы этого периода пишется сегодня в опоре на газету (в частности, можно указать на академическое издание «История литературы Урала» (Институт истории и археологии Уральского отделения РАН), которое будет включать в раздел литературы начала XX в. обширные материалы о газетной литературе тех лет).

В целом газетная литература оказывается связанной с общими процессами формирования массовой литературы того времени. Более того, газета послужила одним из самых мощных ее источников, сформировав отдельную сферу «газетной литературы». Ее основными особенностями становятся журнализм (документальность, фактографичность), сосредоточенность на мест-

¹ Ильин С. В печати отмечено... // Пермь: антология пермской фельетонистики конца XIX — начала XX в. Пермь, 1996. С. 28.

ной тематике, облегченность (понятность, простота, консервативность) формы.

В исследовательской литературе отмечено, что в конце XIX в. газеты сформировали новый тип литератора — «журналиста-практика»¹. В столице самыми яркими его представителями стали В. Дорошевич, А. Амфи-театров, А. Аверченко. Судя по проведенному нами общему обзору литературных материалов местной периодики, можно предположить, что армия этих газетных литераторов была очень велика.

Уже современники связывали газету с феноменом нарождающейся массовой культуры. Н. Гумилев, например, оценивая творчество И. Северянина, констатирует разделение общества «на людей книги и людей газеты» и отмечает, что в стихах И. Северянина «люди книги вдруг услышали голос поэта, на волапюке людей газеты говорящего доселе неведомые “основы” их странного бытия». И многие видели в этом «новом вторжении варваров, сильных своею талантливостью и ужасных своей небрежливостью» источник для расширения границ искусства².

В 1912 г. А. Блок напишет статью «Искусство и газета», в которой попытается осмыслить последствия вторжения газеты в сферу Прекрасного³. Эта статья отразила не только вполне объективные опасения Блока по поводу «вульгаризации искусства» в мире газеты, но и не менее объективное признание все возрастающей ее роли.

«Небрежливость варваров» и «вульгаризация искусства» — это, конечно, характеристики заостренные, связанные с оптикой представителя высокой культуры. Анализ газетной стихотворной фельетоники тех лет показал, например, что при всей близости к массовому

¹ Летенков Э. В. «Литературная промышленность» России к. XIX — н. XX века. Л., 1988. С. 103.

² Гумилев Н. С. Письма о русской поэзии. М., 1991. С. 127–129.

³ Блок А. Искусство и газета // Блок А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 4. Л., 1982. С. 182–189.

искусству, в лучших образцах она демонстрирует достаточно высокий уровень поэтической культуры фельетонистов-стихотворцев¹. Этот факт заставляет исследователей (К. Чуковский, Н. Зоркая) рассматривать газетный стихотворный фельетон как явление профессионализации массовой культуры начала XX в.²

Можно сказать, что газетная литература послужила одним из источников зарождения нового слоя литературы «среднего класса», занявшей нишу между шедевром и низовой культурой. Само явление газетной литературы стало симптомом расширения и демократизации литературного поля, появления новых возможностей и ресурсов, которые в силу известных общественно-политических событий не смогли быть реализованы.

Е. Г. Власова

**Стихотворный фельетон
в истории уральской периодики
рубежа XIX и XX вв.**

Говоря о становлении рубрики стихотворного фельетона, нужно отметить, что история уральской фельетоники, как и история фельетона вообще, начиналась с прозаического фельетона. Первые крупные фельетонные разделы уральской периодики сформировались в «Пермских губернских ведомостях» и первой частной газете Урала — «Екатеринбургской неделе». Отцом пермского фельетона можно по праву назвать В. Я. Кричевского (1863–1915), который приехал в Пермь в 1895 г. В своем

¹ См. об этом: Власова Е. Г. Уральская стихотворная фельетонистика конца XIX — начала XX в. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.

² Зоркая Н. М. На рубеже столетий: У истоков массового искусства в России 1900–1910-х гг. М., 1976; Чуковский К. И. Натан Пинкертон // Чуковский К. И. Собрание сочинений. Т. 6. М., 1969.

мемуарном очерке «Известные по качеству» М. Осоргин так характеризует феномен Кричевского: «...был у нас свой фельетонист, по фамилии Кричевский, по псевдониму Кри-Кри. Как он писал! Сколько яду он вкладывал в свои короткие строчки в неофициальном отделе «Губернских ведомостей»! Начальства, правда, не трогал, но отцы города только зубами бессильно скрипели»¹. Видимо, из-за острого языка Кри-Кри попадал порой в сложные переплёты. Вспоминают, что однажды ему сильно досталось от кумира пермских опероманок баритона Круглова, который решил восстановить свою репутацию с помощью кулаков.

Обосновавшись в Перми с 1895 г. и став секретарём редакции ПГВ, Кричевский преобразил «Пермские Ведомости». Приступив к своим редакторским обязанностям, он первым делом формирует в газете самостоятельный фельетонный отдел и становится его основным автором. Появляются живые и бойкие рубрики «Маленький фельетон», «Воскресные наброски», «Темы дня» и др. Газета при нём оживилась, стала более непосредственной. Побывавший в 1900 г. в Перми Н. К. Михайловский на обеде, устроенном в его честь пермяками, произнес тост о русской провинциальной печати и, польстив хозяевам, назвал ПГВ во главе с В. Кричевским лучшей провинциальной газетой.

Кри-Кри безраздельно господствовал в фельетонном отделе ПГВ с 1895 по 1899 гг., пока не набрали силу новые авторы — А. Скугарев и С. Ильин. В 1903 г. Кричевский уехал в Петербург, где сначала редактировал собственную газету, а потом стал постоянным сотрудником «Нового Времени».

Благодаря организаторской и творческой энергии В. Кричевского в ПГВ сформировалась постоянная и ожидаемая фельетонная рубрика. Поэтому, наверное, когда С. Ильин принес в редакцию свой первый стихо-

¹ Осоргин М. Известные по качеству // Осоргин М. Мемуарная проза. Пермь, 1992. С. 232.

творный фельетон, В. Кричевский, как точно чувствующий конъюнктуру редактор, поддержал молодого автора. По-видимому, это было действительно непростое редакторское решение: к любому нововведению официальные власти всегда относились с недоверием. Не случайно у С. Ильина остались самые тяжелые воспоминания о том времени, когда ему приходилось пробивать дорогу стихотворному фельетону в местной прессе:

В редакционную контору
Я робкой поступью в ту пору
Входил и перл своих трудов
Вручал с поклоном, но без слов.
Меня в такой священный трепет
Редактор взглядом повергал,
Что был я годен лишь на лепет:
Не говорил, а лепетал...
Давно заученную фразу
Я забывал мгновенно, сразу
И, бывши красен, как пион,
Должно быть очень был смешон¹.

О том, что опыт был удачным, красноречиво свидетельствует регулярность публикаций стихотворного фельетона, который с тех самых пор выходил практически каждый день. Прецедентов такой популярности стихотворного фельетона до этого времени в уральской периодике не было. Можно сказать, что Ильин спровоцировал уральскую моду на стихотворный фельетон и стал одним из основных его авторов. В качестве автора стихотворного фельетона он сотрудничал не только в ПГВ, но и являлся пермским корреспондентом «Уральской жизни» и «Гнома» (1906). Самыми известными псевдонимами Ильина были Little man, Сэр Гуня, Коко, Модест.

¹ Little man. Море газетной поэзии // ПГВ. 1901. 11 нояб.

Сергей Ильин родился в семье обедневших уфимских столбовых дворян в 1867 г. Его отца назначили в Пермскую губернию прокурором окружного суда, и семья навсегда переселилась в Пермь. Здесь родился младший сын Ильиных — Михаил Андреевич Ильин, в будущем Михаил Осоргин. Но если для Осоргина Пермь была только городом детства, для старшего брата она стала и жизнью, и Музой.

Сергей Ильин был душой пермского общества. Много лет он служил старшиной пермского музыкального кружка, имел отличный баритон, был организатором балов, концертов, маскарадов, шахматных турниров и даже футбольных матчей. Но самой большой его страстью была страсть к поэзии, при этом настоящее свое призвание он нашел не в лирике, а именно в фельетоне. Его единственный поэтический сборник, вышедший в 1905 г., объединил лирические стихи и стихотворный фельетон. Постоянные сетования Ильина по поводу размена поэтического дарования на «кусочки злоб» говорит о достаточно драматичных творческих поисках поэта. Одаренный от природы лирик, Ильин не смог реализовать свои возможности в замкнутом и вторичном пространстве провинциальной литературы: не лишенная лирического обаяния поэзия Ильина проявила типичные черты провинциальной поэзии — тематическую узость, клишированность образного решения и стихотворной формы. На этом фоне раскрепощенность не связанного лирическими канонами фельетонного жанра позволили Ильину в более адекватной форме реализовать свой поэтический темперамент.

Вернувшись из Казани, где он учился в университете, С. Ильин стал сотрудничать в ПГВ: первое время внештатным корреспондентом, а с 1899 г. — в качестве ведущего фельетониста и театрального рецензента. В 1901 г. он становится редактором отделов беллетристики и «Маленького фельетона». Впрочем, редакторские обязанности, по-видимому, обременяли склонного к сво-

бодному образу жизни и не отличавшегося служебным честолюбием поэта. Он оставил редакторство и вплоть до 1914 г. работал в газете рядовым корреспондентом. В 1912 г. редакция ПГВ отметила 25-летний юбилей литературной работы Сергея Ильина. Умер он в 1914 г. После его смерти публикации стихотворного фельетона в ПГВ заметно поредели.

Популярность стихотворного фельетона в местной прессе заставила обратиться к этому жанру до сих пор не писавших стихи журналистов. В основном пробовали себя в новом статусе фельетонисты-прозаики. Одним из таких опытов стали стихотворные фельетоны А. Скугарева, известного уральского журналиста и фельетониста. Александр Николаевич Скугарев приехал в Пермь из Екатеринбурга в 1897 г. уже опытным газетчиком: он писал театральные рецензии в столичной прессе, работал редактором и фельетонистом в екатеринбургском «Деловом корреспонденте». В «Пермских губернских ведомостях» он сменил уехавшего в Москву В. Я. Кричевского на посту секретаря редакции. Вскоре Вера Гукс (это один из постоянных его псевдонимов, были еще В. Г. и Герцог Мельковский) стал ведущим автором «Маленького фельетона» и вообще популярнейшим в городе человеком. Слава его была столь громкой, что летописец Перми В. Верхоланцев счел его приезд в Пермь одним из самых примечательных событий 1897 г.

Больше десятилетия острое перо Гукса украшало страницы главной губернской газеты. Он писал музыкальные и театральные рецензии, хронику, статьи и, конечно же, фельетоны. Его активность, однако, не ограничивалась газетной работой. Александр Николаевич был человеком подвижным, увлекающимся. Он являлся командором пермского велосипедного общества и секретарем дамского попечительства о бедных, блистал на любительской сцене в драматических ролях. Говорят, что особенно хорош был Гукс в роли Барона в драме Горького «На дне». Но главной страстью секретаря

«Пермских ведомостей» был театр. Особенно — опера. Недаром он прослушал в Петербургской консерватории курсы теории музыки и инструментовки у самого А. Н. Римского-Корсакова, и не случайно женой его стала любимица пермских театралов прекрасное меццо-сопрано Е. П. Архангельская.

Любовь к театру определила основную тему его фельетонов, а также их форму — чаще всего Гукс писал фельетонные драматические сценки, при этом нередко использовал перепевы известных оперных арий. Первый стихотворный фельетон А. Скугарева («Гвоздь») появился в 1899 г., последние два после довольно продолжительных пауз — в 1904 и 1906 г. Большая часть стихотворных текстов была написана им до 1901 г. — т.е. до того времени, когда Ильин вступил на должность редактора литературного отдела газеты. За этот период А. Скугарев опубликовал около двадцати стихотворных фельетонов.

Поскольку в прозе А. Скугарев чувствовал себя гораздо увереннее, его фельетоны в стихах, представляют собой либо драматические сценки с пространными ремарками, либо смешанные фельетоны, включающие и прозаический и стихотворный текст. Эти жанровые приемы были найдены еще в фельетонном творчестве В. Курочкина и Д. Минаева, активно экспериментировавших с самыми разными композиционными формами. Опыты А. Скугарева представляются наиболее удачным использованием этих образцов в уральской фельетонистике.

Судьба А. Скугарева сложилась драматично. Он умер в возрасте чуть больше сорока в 1912 г., последние годы проведя в пермской психиатрической больнице. Перед самой смертью жена увезла его в Петербург. В местных откликах на смерть А. Н. Скугарева прозвучала

высокая оценка его вклада в развитие уральской журналистики и литературы¹.

К сожалению, имена не всех фельетонистов удастся идентифицировать сегодня. Очевидно, что фельетонный псевдоним особенно тщательно охранялся от расшифровки. Показательны в этой связи редакторские экземпляры газеты «Екатеринбургская неделя», в которых каждая из статей номера надписана поверх текста подлинной фамилией автора (судя по всему, так проводился учет выплаты гонораров, поскольку после каждой фамилии значилась определенная сумма). Тексты фельетонов при этом остаются зашифрованными или вовсе не подписанными.

Пермским фельетонным псевдонимам повезло еще меньше. Дело в том, что во время многочисленных перемещений и реконструкций государственного архива Пермской области были утрачены архивы редакции «Пермских губернских ведомостей», которые могли бы стать источником для восстановления псевдонимов. Усугубляет проблему и тот факт, что главный собиратель уральских псевдонимов В. Весновский прожил в Перми слишком мало и просто не смог отследить всю пермскую псевдонимику.

Все это заставляет исчислять историю уральской фельетонистики не только именами, но и псевдонимами тех авторов, которые представляются интересными с точки зрения их творческой индивидуальности. Одной из таких загадочных звезд пермской фельетонистики остается автор, писавший под псевдонимом Гамма. Все, что нам известно пока о нем, мы знаем из его стихов. Он москвич, журналист. Его приезд в Пермь был вынужденным, но, судя по многочисленным признаниям, город полюбился ему. Первые стихи за подписью «Гамма» были опубликованы в местных «Ведомостях» в 1903 г. и стали на несколько лет украшением рубрики «Маленький фельетон». Они появлялись с постоянст-

¹ Ильин С. А. Н. Скугарев [Некролог] // ПГВ. 1912. 13 апр.

вом, завидным даже для Ильина, который в это время значительно реже публиковал свои фельетоны. В 1904 г. Гамма уезжает из Перми на два года, а вернувшись, вновь начинает работать в «Пермских ведомостях». В декабре 1906 г. появляется его последняя публикация, после чего Гамма, по-видимому, навсегда покидает Пермь.

Своеобразие творческой манеры Гаммы определяется пристрастием к онегинской строфе и склонностью к циклизации фельетонов, которая проявила одну из характерных особенностей фельетонной стилистики. В цикле «Писем в Москву» он создал юмористическую летопись жизни провинциального города. Все 19 писем были написаны в течение полугода: первое появилось 10 октября 1903 г., последнее — 13 апреля 1904 г. Кроме писем Гамма публиковал стихотворные фельетоны под традиционной рубрикой «На лету».

Опыт еще одного пермского автора стихотворного фельетона, писавшего под псевдонимом Номо гіденс, проявляет достаточно распространенное в газетной фельетонистике обращение к формам классической сатирической поэзии — басне и эпиграмме. Кроме того, он пишет фельетоны-баллады и вслед за Скугаревым пробует свои силы в жанре стихотворной фельетонной пьесы. Фельетоны Номо гіденс публиковались в ПГВ в 1900–1901 гг.

В целом история пермской фельетонистики оказалась связана прежде всего с «Пермскими губернскими ведомостями». Редакции других пермских газет не смогли привлечь к сотрудничеству ярких фельетонистов-стихотворцев, хотя и помещали перепечатки стихотворного фельетона из других газет и журналов. Отдельные местные публикации стихотворного фельетона появлялись в «Камском крае» в 1906 г. Их автором был некто Гамаюн, оставивший около десятка многословных и мало интересных текстов. Судя по всему, он не имел осо-

бых поэтических способностей, его представления о ритме и размере стиха были более чем любительскими.

В «Пермском крае» пробовал свои силы в стихотворном жанре пермский журналист В. Трапезников, больше известный как автор достаточно хлестких прозаических фельетонов. Его стихотворные фельетоны были и остры и ироничны, однако им все же не хватало той поэтической энергии, которую демонстрировали даже самые безобидные фельетоны С. Ильина.

Очевидно, что недолговечные и малотиражные пермские частные газеты не могли конкурировать с ПГВ в популярности и среди читателей, и среди авторов. Только стабильность издания могла обеспечить организационное единство редакции. Вероятно, поэтому ПГВ стали тем культурным центром, благодаря которому в Перми сформировалась целая плеяда талантливых поэтов-фельетонистов, послуживших своеобразным ориентиром и для других губернских изданий.

В Екатеринбурге так же, как и в Перми, местная периодика сначала сформировала отдел прозаического фельетона. Традиции екатеринбургской фельетонистики были заложены редактором и бессменным фельетонистом первой частной газеты «Екатеринбургская неделя» Петром Николаевичем Галиным. Свои фельетоны он неизменно помещал в рубрике «Мелочи вседневной жизни», которая была создана им в 1886 г. и закрылась только вместе с газетой в 1896 г. Все эти годы Дядя Листар еженедельно обновлял ее фельетонными строчками. Открывшиеся в конце 90-х и начале 1900-х гг. екатеринбургские газеты («Рудокоп», «Деловой корреспондент», «Урал», «Уральская жизнь» и др.) уже не выходили без фельетонных рубрик: к этому времени фельетон стал вполне ожидаемым газетным жанром.

Первый местный стихотворный фельетон появился в газете «Рудокоп» в 1898 г., и его автором стал А. Н. Скугарев. Публикации стихотворного фельетона в этой небольшой газете не стали регулярными, очевидно,

поэтические опыты фельетонистов «Рудокопа» не имели большого успеха. Поэтому историю екатеринбургской стихотворной фельетонистики нужно отсчитывать с более позднего времени, с другого издания и другого имени. В этом отношении ключевой фигурой, безусловно, является П. Я. Блиновский, значение которого для местной прессы можно сопоставить со значением С. Ильина в Перми. Творческие судьбы этих авторов удивительно похожи: П. Блиновский также чувствовал в себе призвание лирика и также оказался востребованным прежде всего как поэт-фельетонист.

Павел Яковлевич Блиновский (1880 г.р.) родился в семье заводского учителя, образование получил в екатеринбургском реальном училище. Тогда же начал публиковать в городских газетах «Урал» и «Рудокоп» стихи и заметки. В Пермь П. Блиновский приехал в 1901 г. за своей любовью — актрисой местной антрепризы. Роман не задался, зато бросивший учебу в реальном училище П. Блиновский окончательно самоопределился как журналист. В Перми он активно сотрудничает с «Пермскими губернскими ведомостями», публикует статьи, хронику, прозаические фельетоны под псевдонимом *Бювар* и стихи. Сколько-нибудь убедительных свидетельств того, что Блиновский писал для ПГВ стихотворные фельетоны, обнаружить не удалось. Амплуа стихотворного фельетониста закрепляется за Блиновским позднее — уже по возвращении в Екатеринбург, в период сотрудничества с «Уральской жизнью». Можно предположить, что опыт сотрудничества с ПГВ и, в частности, работа с С. Ильиным, который возглавлял в это время литературный отдел газеты, и заставили Блиновского обратиться к новому для себя жанру.

Помимо постоянного сотрудничества с «Уральской жизнью», которое продолжалось с 1902 по 1914 гг., Блиновский публиковал свои стихотворные фельетоны практически во всех крупных уральских изданиях — он был сотрудником «Пермских ведомостей», «Голоса Ура-

ла» и «Уральского края». В 1906–1907 гг. Блиновский активно включился в работу местного сатирического журнала «Гном», а после его закрытия принял участие в издании еще одного сатирического журнала «Рубин» (1907).

Среди самых известных псевдонимов Блиновского — *Ното qui rit*, П. Я. Б., П.-ский, Рубин, П. Сроев, Путник. Однако, по свидетельству современников, настоящая популярность пришла к нему в бытность Мистера Бумса. Этот псевдоним не сходил со страниц газет и журналов практически в течение целого десятилетия — с 1906 по 1914 гг.

В уральской прессе П. Блиновский снискал себе славу настоящего остролова. Косвинцев, например, вспоминает, что Блиновский «считался хлестким фельетонистом»¹, а В. Быков пишет о том, что многие из его метких «характеристик местных “дельцов” стали нарицательными»².

В 1916 г. Блиновский работал в Москве в центральном кооперативном союзе. Там вышел и сборник его кооперативных стихов. Однако блиставший на Урале журналист в столице потерял своего читателя. Наверное, поэтому его возвращение на Урал кажется неизбежным. После революции Блиновский работал в екатеринбургских газетах «Уральский рабочий» и «Уральская новь». В 1922 г. в поездке по области Блиновский заражается холерой, которая «в два дня его убила»³.

Одним из самых плодовитых фельетонистов екатеринбургской периодики был Вячеслав Петрович Чекин. Его стихотворные фельетоны, подписанные псевдонимами Никто-не и Еноткин, потеснили самого Блиновского. Слава Чекина пришла на 10-е гг., когда он сотрудничал с «Уральским краем», «Уральской жизнью» и

¹ Личный фонд Е. Н. Косвинцева. ГАПК. Р-837. Оп. 1.

² Быков В. П. Я. Блиновский: Некролог // Уральский рабочий. 1922. 9 авг.

³ Там же.

«Зауральским краем». Его фельетоны отличал напряженный общественный пафос, выдававший активную демократическую позицию фельетониста.

Среди ярких персонажей екатеринбургской фельетонистики нельзя не назвать фельетониста «Урала», известного, к сожалению, только по своему псевдониму — Садко. Его сотрудничество с этой газетой наглядно продемонстрировало рост популярности стихотворного фельетона в местной прессе. Дело в том, что до появления этого автора редакция «Урала», пытаясь соответствовать общей моде на новый жанр, активно, но не всегда удачно экспериментировала с фельетонной рубрикой. Здесь появлялись перепечатки из столичной прессы. Писать стихотворные фельетоны пробовали и местные журналисты, но тексты были, как говорится, не читательскими, что не могло, конечно, способствовать популярности газеты. После долгих поисков и экспериментов появились стихи Садко, преобразившие фельетонный отдел и вписавшие «Урал» в актуальный контекст местной стихотворной фельетонистики, уровень которой определялся творчеством таких фельетонистов, как Ильин и Блиновский. Яркое заявивший о себе Садко вскоре становится постоянным фельетонистом «Уральской жизни», за два года сотрудничества (с 1906 по 1908 гг.) под рубрикой «Открытые письма» он публикует более 100 фельетонов.

Садко даже по сравнению с Ильиным отличается исключительная способность к версификации. Блестящее чувство юмора соседствует с неординарностью мышления, которое проявляется в неожиданной трактовке проблемы и демонстрирует четкость позиции в ее осмыслении. Его фельетоны представляют собой редкий опыт объединения занимательности, которая предполагает наличие сенсационного или пикантного материала, с неожиданно острой и вполне самостоятельной постановкой социальной проблемы. Ярким примером такого

микста представляется фельетон о проблеме «огарков»¹, достаточно остро вставшей в уральской общественной жизни периода реакции:

Почти везде при каждой встрече
Везде одни и те же речи,
Везде семья возмущена,
Что молодежь развращена.
Не унывает лишь «огарок»...
Он так же пламенен и яростен,
Он также светит и горит,
И догорая, говорит:
— Да, господа! Чего ж вам надо?
Я дал амрит, муйроцитин,
Я разрешил маркиза Сада
И из печатного каскада
Я дал почти полмиллиарда
Порнографических картин.
Любовь как есть — старо и грубо,
Она не так волнует кровь,
Зато земле явил я вновь
И Кузьмина и Сологуба
И однополую любовь...
В любви же в виде корректива,
Чтоб места не было следам,
Плодам и докторским трудам,
Я дал вам шелк презерватива,
И даже шарики для дам...
Вы сами здесь же на Урале
Все благосклонно это брали,
Публиковали, продавали.
И, вдруг, помилуйте, теперь
Безбожно гнать огарка в дверь!²

¹ Такое название закрепилось за последователями популярной в годы реакции философии свободной любви, которых немало было среди учащейся молодежи России. Аналогичные группировки существовали и на Урале. Так, дело о пермских реалистах-огарках всколыхнуло российскую общественность, став предметом обсуждения не только местной, но и столичной печати. Об этом подробнее: Буле О. Скандал в Перми // Геопанорама русской культуры. М., 2004. С. 311–328.

² Садко. [Огарки] // Уральская жизнь. 1906. 2 февр.

В злободневных стихах Садко свобода мысли и слова, которую вкусила русская пресса в начале века, соединились с талантом острослова и версификатора, дав уральской фельетонистике еще одно яркое имя.

Для воссоздания общей картины популярности стихотворного фельетона в местной прессе перечислим еще несколько имен авторов, которые время от времени пробовали себя в качестве поэтов-фельетонистов: это Местный летописец (ирбитский корреспондент «Уральской жизни» в 1902 г.), Гуслер, А. Кокорин (Коко Ринский), Коинор, Кара-Кот, Пик-Покет, Д. Гаров (екатеринбургские фельетонисты «Уральской жизни»), Увы-и-ах («Рудокоп»), Н.Ф. Борисовский (Дядя Коля, Н.И.-колай Фомич, Энбе в «Урале» в 1902 г.), Хан-Дра, Нинилам, Некто, Любим Трава (фельетонисты ПГВ).

Кроме того, чтобы представить объективно, какое место уделяли газеты новому жанру, скажем еще и о том, что помимо местных отделов, стихотворный фельетон чрезвычайно часто появлялся в разделах «Смесь» и «Среди газет и журналов». Как правило, это были перепечатки из юмористических журналов — «Будильника», «Осколков» и др., а также из самых разных российских периодических изданий. В ПГВ, например, в разные периоды перепечатывались фельетоны Автора из народа («Новый день»), Weg'и («Голос Москвы»), Гарольда («К.М.») и др.

Подводя итоги обзора уральской фельетонистики, отметим достаточно заметное различие пермской и екатеринбургской прессы, связанное со степенью независимости периодического издания от официальных структур. При этом становится очевидной идеологическая нейтральность фельетонистики официальных ведомостей. Ее внимание в основном сконцентрировано на городских злободневных проблемах, которые чаще всего подаются в юмористической интерпретации. Вся общественно-политическая фельетонистика Урала сосредоточилась в частных, в основном екатеринбургских

журнальных изданиях. Примером столь четкого разделения стало, например, сотрудничество С. Ильина и П. Блиновского в екатеринбургском сатирическом журнале «Гном», где они помещали свои весьма острые сатирические фельетоны. Параллельно с этим в газетах они публиковали стихотворную городскую хронику.

В этом отношении жанровая палитра екатеринбургской стихотворной фельетонистики была более богатой. Хотя всплеск общественно-политической сатиры был хронологически ограничен — он пришелся в основном на годы первой русской революции. В это время в Екатеринбурге издавались сатирические журналы — «Гном» и «Рубин», которые и стали наступательным плацдармом уральской сатиры. Политизируется и местная газетная фельетонистика, хотя политические выступления в газетах пресекались особенно тщательно.

Несмотря на это, основной массив екатеринбургской фельетонистики проявляет все основные черты того регулярного газетного фельетона, который сосредоточен на текущих проблемах города и полностью им подчинен. Сатирическая фельетонистика, которая в основном сконцентрирована была в журналах, не получила столь массового авторства и регулярности публикаций, как городской газетный фельетон. Стабильность проблемного поля газетного фельетона и соответствующего стилистического воплощения позволяет говорить о формировании новой жанровой разновидности, которая определила специфику развития русского фельетона в этот период. Газетный фельетон проявил вполне актуальную для поэзии начала века литературную установку, связанную с необходимостью обращения к живому разговорному контексту, что, очевидно, и позволило ему достичь такой впечатляющей популярности.

Что же касается политических фельетонов, то стилистически они, скорее, восходят к традициям политической сатиры. В этом отношении политические фельетоны Елизаветы Гадмер, известной екатеринбургской

журналистки и поэтессы, примыкают к другой тенденции в развитии русской словесности начала века — формирование идеологической литературы, для которой характерно ораторское агитационное слово. Эту характерную особенность русской поэзии начала века точно подметила Л. И. Шишкина, которая писала, что пролетарская поэзия первой русской революции «сближалась с содержанием и стилистикой прокламаций», активно используя «приемы ораторской речи»¹.

Популярность газетной стихотворной фельетонистики определяется актуализацией в литературных процессах начала века другой речевой установки — установки на разговорную речь, на беседу, или болтовню. При этом достаточно наглядно она проявляется в специфическом снятии противостояния городской злободневности и политической темы. Газетный стихотворный фельетон делает политику одной из злободневных тем, вполне «равноправным» предметом обсуждения наряду с самыми мелкими бытовыми проблемами. Не случайно в одном из полемических по отношению к своим конкурентам фельетоне некто Эол иронизирует именно над этим странным на его взгляд сочетанием:

Б...ский и Садко
Уральские поэты,
Рифмуя стих легко,
Взялись питать газеты
Страничками в стихах
О попранной свободе,
О съездах, выборах,
А также... о погоде...²

Более того, многие фельетонисты, в том числе и упомянутый Садко, вполне осознанно придерживались позиции политического нейтралитета, предпочитая его

¹ Шишкина Л. И. Пролетарская поэзия // История русской литературы: в 4-х т. Т. 4. Л., 1983. С. 403.

² Уральская жизнь. 1907. 24 сент.

распространившейся в печати пореволюционного времени идеологической безответственности выступлений многих журналистов, пишущих о политике по заказу, связанному с ближайшей политической конъюнктурой и погоней за сенсацией. Так, например, Садко отзывается о творчестве новомодных «гражданских» поэтов:

Но дайте в каждой строчке «крови»,
А если рифма наготове,
То через строчку «палача».
С гражданским чувством наизнанку,
Направив гордый свой полет,
Сегодня дуйте «Варшавянку»,
А завтра с тех же самых нот,
Что Бог всем на душу пошлет...
Немного в небе там пореяв,
Спуститесь вниз, где на земле
Черкнете нам а la Андреев, —
Так этак что-нибудь затеяв
«С печатью тайны на челе»¹.

Авторы городского газетного фельетона в большинстве своем придерживались иных содержательных и стилевых ориентиров. Учитывая сказанное, оговорим, что проблематика нашей работы будет в основном сфокусирована на анализе городского газетного фельетона, который в силу своей массовости и новизны литературных установок заслуживает особого внимания в общелитературном контексте рубежа XIX — начала XX в.

¹ Уральская жизнь. 1907. 5 апр.

**«Дорожная литература» Перми начала XX в.:
место и стратегии повествования**

Обилие путевых очерков, заметок, набросков, записок и этюдов на страницах местной прессы начала XX в. заставили одного из самых влиятельных критиков Перми, регулярно публиковавшего свои литературно-критические статьи в «Пермских губернских ведомостях», констатировать наличие целого литературного направления, которое он не без иронии назвал «дорожная литература». Ирония Черномора — так подписывал свои критические выступления этот автор — объяснялась, с одной стороны, «мелочностью наблюдений», с другой, надоевшим уже «либерально-интеллигентским скептицизмом»¹, который преобладал в большинстве путевых бытописаний. Не смотря на критический характер этой оценки, статья Черномора стала свидетельством того, что в 1914 г. путевые публикации составляли обязательную часть газетной периодики, которая сформировала свой круг авторов, читателей и даже критиков.

Немалая часть этих дорожных отчетов действительно грешила и мелочностью, и скептицизмом. Однако путешествие давало самобытный и практически неиссякаемый предмет для газетных публикаций, что, безусловно, привлекало к нему все новые литературные силы и в конечном итоге способствовало повышению литературного качества. Постепенно формируется целый пласт путевой публицистики, представленный ведущими пермскими авторами: это Н. Белдыцкий, В. Кричевский, Ф. Мейер, Н. Прус, А. Скугарев, С. Геммельман и др.

Пожалуй, ни один из литературных жанров тех лет не может сравниться с газетными дорожными отчетами

¹ Черномор. «Дорожная» литература // ПГВ. 1914. 4 июля. С. 2.

по своей значимости в процессе местной литературной и геокультурной самоидентификации, формирование которых во многом протекало в сфере газетной публицистики. Путевые заметки и родственные им по природе этнографические очерки были самым первым художественно-публицистическим жанром местной газетной периодики. Еще до выделения неофициальной части «Пермские губернские ведомости» с удовольствием размещали путевые материалы на своих страницах. Авторами этих очерков были добровольные корреспонденты газеты из числа губернской интеллигенции. Так, например, в 1891 г. ПГВ опубликовали цикл очерков «Экспедиции по верхнекамским дебрям: из записной книжки горного техника»¹.

После выхода неофициального выпуска ведомостей отдельным изданием поток путевых публикаций начал заметно увеличиваться. И если на первых порах встречались публикации столичных авторов и перепечатки, то к концу 90-х гг. «Ведомости» сформировали собственный путевой отдел. Для него писали и штатные сотрудники, в том числе и редактор В. Кричевский, что определило достаточно высокий литературный уровень этих материалов, и внештатные корреспонденты. В этот период начала складываться карта публицистики путешествий, запечатлевшая основные смысловые узлы местной географии. К пореволюционному периоду регулярность публикаций увеличивается (и уже не только в летний период), жанровая палитра путешествий обогащается. В 1910-е г. заметно увеличивается число зарубежных путевых отчетов.

Основные направления местной дорожной литературы были связаны с культурно-исторической и ландшафтной спецификой Прикамья. Первое направление — это обследование Прикамского севера к Чердыни и Печоре, второе — пароходные путешествия по Каме и Вол-

¹ В-н П. Экспедиции по верхнекамским дебрям: из записной книжки горного техника // ПГВ. 1891. 26 янв. С. 2.

ге, т.е. путешествия на юг, третье — железнодорожное путешествие по западному склону Урала. Каждое из направлений при этом формировало свой преимущественный тип повествования. Этот процесс взаимодействия типа пространства и стиля повествования сродни тому, о котором говорила Е. К. Созина, размышляя о специфике формирования лица автора в уральской литературе конца XIX в.: «Тип пространства, претворяясь в геоэтику текста, становится обязательным атрибутом авторского лица»¹. В литературе, связанной с путешествием, эта связь становится стилеобразующей. Ландшафт местности, определяя характер передвижения, влияет на способ восприятия окружающего, что на уровне текста воплощается не только в приоритете тем, жанровых форм, типов персонажей и форм авторской репрезентации, но и в особом качестве описания хронотопа, своего рода геостилистике. То есть в русле каждого направления формируется повторяющийся набор пространственных образов и вырабатывается достаточно устойчивая манера их описания.

Первое — северное — направление развивалось в русле классического бытоописательного очерка и было представлено мэтрами пермской словесности — Н. Белдыцким и Ф. Мейером, и чуть позднее С. Геммельманом и Н. Прусом. Их мотивации были связаны с общим движением российских литераторов второй половины XIX в. вглубь России. «Не помню сейчас, — пишет С. А. Н., — за который год в одном из солидных наших ежемесячных журналов выдающийся писатель заметил, что мы, русские, склонны больше изучать чужие земли, чужие народы, а на свое родное почему-то мало обращаем внимания. Истина этого замечания справедлива: Азия, Африка, а про Америку и говорить нечего, действительно, каждому почти русско-

¹ Созина Е.К. «Лицо» и «образ» автора в произведениях писателей Урала конца XIX — начала XX в. // Литература Урала: история и современность. Вып. 3. Том. 1. Екатеринбург, 2007. С. 14.

му интеллигентному человеку больше известны, чем не только одна из отдаленных от него губерний, но даже один из отдаленных от него уездов»¹.

На волне этого интереса и успешного опыта Мамина-Сибиряка, на которого пермские авторы путевых очерков нередко ссылаются, региональные литераторы как будто осознали, что местный материал может стать предметом литературного творчества и источником собственной литературной самоидентификации. Местный ландшафт, а именно мало исследованный уральский север, давал обильный материал для описания глухих уголков России.

Путешествие на север было связано с кибитками и санями, переправами, иногда с пешеходными переходами и сплавами на подручных средствах. Невысокая скорость передвижения определяла своего рода статичность пейзажа: виды менялись не часто, преобладало описание открывшейся за «стеной леса» панорамы, как правило, это были долина реки или вид на горы, а чаще то и другое вместе. Вот один из характерных фрагментов подобного путешествия:

«Под несмолкаемый звон колокольчиков, на паре лошадей, в обычном здесь коробке, покати по земскому тракту в направлении к Верх-Язьве. Первая станция — село Губдор в 23 верстах от города. Дорога и погода чудные. Конец мая и мощная зелень берез и придорожных кустов развернулась во всей красе... Когда кончился город, перед моими глазами развернулся чудный вид на долину Колвы, на леса, на великолепный Полюдов камень, этот синий страж Урала. Затем тракт спустился в долину и с обеих сторон пошел лес, лиственный у дороги и хвойный в глубине. Быстро докатили до р. Вишеры, у местности, называемой «Рябиновый перевоз». Здесь предстоит переправа на перевоз на тот берег Вишеры. На

¹ С. А. Н. По Чердынскому уезду: Наброски по личным впечатлениям // ПГВ. 1895. 17 дек. С. 2–3.

реке стоит железный караван с Кутимского завода. Караван нынче немногочислен и скоро сплавится вниз. На берегу довольно оживленно: кучками расположились «ухватчики», рабочие, долженствующие ловить мимо плывущие плоты, иногда с одним только человеком, а иногда и совсем без людей...

Снова раздвинулся лес и перед нами предстала деревенька Ябурова в 18 дворов. С этого пункта открывается дивный вид на Помяненный камень, отрог Урала. До этого камня от Ябуровой по прямой линии верст 20–25 и он виден весь со своими причудливыми вершинами, со сверкающим снегом во впадинах.

Гордо возносятся навстречу голубому небу эти прихотливые вершины и отдельные скалы, то в виде столбов, то пирамид, то острых пик, которые рельефно выделяются на голубом фоне. Вместе с горами и сам как бы приближаешься к небесам. Простым глазом видно, как зеленая полоса лесов кончается, начинается серая масса известняка, кое-где, в углублениях, покрытая пятнами сверкающего белого снега. От самой Ябуровой до подножия камня идет непроницаемая стена хвойного леса. Воздух чист и ароматичен.

Насилу отрываюсь от этой величественной картины и продолжаю дальнейший путь. Снова лес поглощает нас и снова он расступается перед деревенькой Бычиной на берегу той же р. Язьвы»¹.

В группе северных путешествий представлены разные ролевые модели авторской репрезентации с общим вектором: от исследователя-этнографа к туристу. Н. Белдыцкий демонстрировал установку на пытливого наблюдателя-исследователя. Ему интересны человеческие типы и нравы, история, экономика и культура места. Он общается, пытается войти в жизнь тех людей, о которых пишет. Ф. Мейер, путешествующий к святым местам, тем не менее, предстает как абсолютно светский турист, осознающий свою дистанцированность от описываемого. Н. Прус, целью своего путешествия вы-

¹ Прус Н. В предгорьях Урала // ПГВ. 1906. 2 (6, 9) июля. С. 2–3.

бравший раскольническую Пудьву, в основу отчетов положил описание мощи окружающей природы, сделав акцент на чудесах и тайнах, связанных с этим местом. Автор предстает, как бы сегодня сказали, экстремальным туристом, путешествующим в поисках приключений и острых ощущений. Этот тип экстремального путешествия представлен, причем уже во вполне отрефлексированном варианте, в очерке 1910 г. «По Чусовой»¹, предлагающем читателю попробовать сплавиться с караванами по большой воде.

Место путешествия определяло не только характер оценки и авторское амплуа, но и выбор персонажей. Ключевыми героями северных путешествий становятся пермяки, чаще всего представленные в образе ямщиков и проводников, сельская интеллигенция и раскольники.

Северные путевые отчеты закрепили в образе Пермского края темы красоты северной природы, где доминирующими являются описание леса, гор и малых рек; древности, восходящей к истории коренного населения края, и язычеством (хотя тема печального положения коренного населения лейтмотивом проходит по всем очеркам); таинственности, связанной с жизнью местных раскольнических скитов. Вот как эти мотивы переплелись в описании Н. Пруса:

«Конечно, не эти фантастические рассказы служили для меня толчком к посещению Пудьвы, а желание увидеть еще мало тронутую нашей культурой девственную природу севера, непроходимые лесные дебри, вершины нашего милого Урала, убранные сверкающим чистым снегом, послушать журчание горных речек с холодной кристальной водой, помечтать под шепот смолистых сосен, и наконец, отдохнуть от лжи и условностей городской жизни среди простых и доверчивых обитателей лесных деревень»².

¹ В. М. По Чусовой // ПГВ. 1909. 22 апр. С. 1–2.

² Прус Н. В предгорьях Урала // ПГВ. 1906. 2 июля. С. 2.

Второй крупный вектор пермских путешествий был связан с Камой и пароходами. В описаниях речных путешествий доминирует неторопливое, фланерское описание, сродни кинематографической фиксации увиденного. При описании вида с парохода очеркисты пользуются динамичными глаголами и специфической терминологией, впоследствии ставшей кинематографической.

«Еще далее — лес стал отступать на второй план. На горизонте мелькали поля и поля. Взор с удовольствием тонул в необъятной дали плоского берега. Вот показалась Елабуга, показалась как-то сбоку. Город этот стоит в неглубокой ложине, слегка прикрытой с двух сторон возвышенностями.

Вид довольно приятный. Перед глазами открывается на первом плане три церкви, а затем целый ряд каменных строений и домов весьма внушительных размеров...

Далее, в глубине, видна еще церковь меньших размеров, а впереди ее длинное, каменное строение, с чернеющими входами — «гостиный двор», несомненно»¹.

Пароходное описание более дискретно и порождает массу малых путевых жанров — этюды, заметки, впечатления, построенные на пейзажных зарисовках и фиксации собственного настроения. Одним из ярких примеров подобного «этюдного» письма можно считать «Этюды Камы и Перми» П. Блиновского, выполненные в стилистике густой смеси романтического и декадентского пейзажа².

В русле этого — пароходного — направления путешествий начал формироваться и жанр прогулки. Такого рода прогулки нередко превращались в злободневный репортаж, связанный с критикой местных проблем. На-

¹ Б-ов Н. По Каме и по Волге: (Дорожные наброски и заметки) // ПГВ. 1898. 3 июня. С. 2.

² П. Б. Этюды Камы и Перми // ПГВ. 1901. 13 мая. С. 2.

пример, рассказ о первой прогулке на пароходе до Курьи¹, или прогулка по рецепту врача².

Формула «На первом пароходе» стала обязательной для весенних выпусков пермской прессы. При этом формирование пароходной публицистики сопровождалось динамичной саморефлексией. Сохранять пафосную серьезность при очередном рассказе об очередном первом пароходе не позволяли фельетонисты. В 1906 г. известный пермский журналист А. Скугарев пишет веселую пародию на пароходное путешествие вниз по Каме, почти на десятилетие предвеляя критику Черномора.

«Постепенно становилось все более и более далеким то «пермское», которое таким неодолимым гнетом ложилось на мою душу и, как паутиною, облепляло меня пошлой суетой бесцветного, полусонного существования...

Прощай, проза, здравствуй, поэзия! Я вздохнул полной грудью и заплакал, заплакал жуткими и радостными слезами свободы, словно узник, выпущенный на волю.

На оханской пристани мое внимание привлекли четыре дамы в шляпках, судейский кульбик, два студента, дама в платке, но с изящным несессером, замечательно картинный унтер-офицер, поп, дрова и бараны. Больше ничего замечательного не удалось увидеть, если не считать оханских кренделей и лепешек, которые оказались отменно вкусными»³.

Ведущим авторским амплуа речных путешествий становится автор-турист, автор на отдыхе — летнем или воскресном. В репортажных прогулках соответственно актуализируются журналистские установки, связанные с критикой местных злоб.

¹ Наблюдатель. Первое путешествие в Курью // ПГВ. 1906. 23 апр. С. 3.

² Незаметный. Прогулка по рецепту врача // ПГВ. 1909. 20 сент. С. 2.

³ Скупой Гальба. Мое путешествие // ПГВ. 1906. 4 июля. С. 2.

Речные путешествия вводят в пермский литературный контекст представителей пароходного сообщества — пермских капитанов и моряков, грузчиков (что объясняется верностью народническим установкам), пароходной публики — подгулявшего купца, бедного студента. Правда, нужно заметить, что последних не очень много: пароходный быт описан достаточно бегло. Главным героем этих отчетов становится река и окружающий ландшафт. Река — это поэзия. Темой для обязательного обсуждения, конечно же, служит волнительный для пермяков сюжет сопоставления Камы и Волги. Чаще всего подчеркивается широта и мощь красновато-желтых вод Камы и поражающее на контрасте сложившегося представления и реальности мелководье зеленоватой Волги.

Третий вектор определяется направлением железной дороги на запад — Нижний Тагил, Кушва, Невьянск.

Отталкиваясь от пароходного описания, путешествие по железной дороге ищет свой собственный язык. Для него также характерны быстрая смена картинки, экспрессивные глаголы и синтаксические конструкции. Однако поезд заставляет экспериментировать с еще более динамичной стилистикой. Картинка меняется очень быстро, за окном мелькают уже не только пристани и заводы, но целые населенные пункты:

«Около нобелевской платформы мы потеряли, на время, Каму из виду, но дальше опять те же картины: Левшино — в воде, Ляды — в воде, Сылва — в воде, и везде, где путь проходил вблизи Камы и Сылвы, вы видите громадный разлив: острова, кусты, стога, избы — все затоплено, и вода несет свои жертвы, среди которых и дрова, и бревна, и вымытые с корнями деревья, и снесенные крыши и разный домашний скarb...»¹.

¹ Скупой Гальба. Из летних экскурсий: На разлив // ПГВ. 1902. 3 нояб. С. 2.

Пожалуй, одним из самых точных определений этого типа описания может стать сопоставление его с калейдоскопом. В отличие от парохода поезд не располагает к расслабленному созерцанию, он требует активного соучастия.

Позднее это новое ощущение движения метафорически густо передал Б. Пастернак, рассказывая о путешествии девочки Жени Люверс по железной дороге из Перми в Екатеринбург:

«Весь остаток пути она не отрываясь провела у коридорного окна. Она приросла к нему и поминутно высывалась. Она жадничала. Она открыла, что назад глядеть приятней, чем вперед. Величественные знакомцы туманятся и отходят вдаль. После краткой разлуки с ними, в течение которой с отвесным грохотом, на гремящих цепях, обдавая затылок холодом, подают перед самым носом новое диво, опять их разыскиваешь. Горная панорама раздалась и все растет и шириться. Одни стали черны, другие освежены, те помрачены, эти помрачают. Они сходятся и расходятся, спускаются и совершают восхождение. Все это производится по какому-то медлительному кругу, как вращение звезд, с бережной сдержанностью гигантов, на волосок от катастрофы, с заботой о целостности земли»¹.

Персонажная структура железнодорожного путешествия включает не так много действующих лиц. Это кондуктор и вокзальный сторож, которые функционально сближаются с образами камских капитанов и матросов из пароходных отчетов. Однако в отличие от последних железнодорожники оказываются лишены героического ореола. Нередко они предстают в сниженном, фельетонном описании.

¹ Пастернак Б. Детство Люверс // Б. Пастернак. Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. М., 1991. С. 47.

Авторы железнодорожных путешествий чаще всего пишут от лица «журналиста на задании». Поэтому в них преобладает установка на описание технических особенностей работы дороги или нравов пассажиров и железнодорожных работников. Так, например, один из первых пермских «железнодорожных» журналистов-путешественников С. Геммельман, рассказывая о поездке по Богословской дороге, рассуждал о ее «достаточной балластированности», что приводило к «упругому приседанию вагонов на рессорах» и «неимоверному качанию»¹.

Путевые рассказы о путешествиях по железной дороге вводят в местный литературный контекст тему промышленной мощи, актуализируя в пермской идентификации горнозаводскую семантику. За окнами поезда путешественники чаще всего наблюдают горный и заводской пейзаж.

«Вся дорога идет по девственному лесу, местами выжженному постоянными лесными пожарами, местами дикому и запущенному. Но вот лес начинает редеть, все больше и больше вырубленных пространств, и наконец открывается огромная ровная площадь, на которой не осталось ни одного дерева, а только торчат из земли голые пни и вдали виднеется громадный Надеждинский завод и широко раскинувшийся поселок. Большинство домиков чистенькие, похожие друг на друга, как родные братья. Громадные трубы с клубами черного дыма, высокие домны, выбрасывающие снопы пламени — все это господствует над окружающей местностью»².

Таким образом, дорожная литература представляла собой достаточно обширную и разнообразную по своим темам и стилистике сферу газетной публицистики.

¹ Г-н С. По Богословской дороге // ПГВ. 1906. 20 июля. С. 3.

² Там же.

Главной ее заслугой стало участие в литературном освоении образов пермского пространства местными авторами. До этого времени Пермь была описана только пришлыми литераторами. Газетная публицистика при этом закрепила не только общие пространственные значения, сложившиеся в представлении местного сообщества, но и начала вырабатывать язык описания этого пространства. В частности, как хотелось показать, она сформировала три крупных повествовательных типа текстов, специфика которых определялась характером транспортных артерий Прикамья и особенностью передвижения по ним.

Е. Г. Власова

**«Московские письма» М. А. Осоргина:
в начале «мечтаемой с детства дороги»**

Определяя место Михаила Осоргина в истории русской словесности XX в., нельзя не сказать о том, что его творческую индивидуальность отличает тесное переплетение журналистского и собственно литературного призвания. Литературная слава пришла к Осоргину уже после того, как он стал знаменитым журналистом. Тридцать три года, если считать с первой публикации 1895 г. в «Пермских губернских ведомостях» и до издания «Сивцева Вражка» в 1928 г., Осоргин занимался журналистикой, ставшей, по существу, творческой лабораторией Осоргина-писателя. Между тем журналистское творчество Осоргина — особенно дореволюционного периода — изучено крайне мало.

В то же время обращение даже к самым ранним публикациям М. Осоргина убеждает в необходимости самого пристального внимания к публицистическому наследию писателя. Более того, представляется вполне оправданным переиздание многих его страниц. Так поя-

вилась и была реализована идея книги «Московские письма» М. Осоргина (Пермь, 2003). Здесь нами собраны и прокомментированы публикации начинающего литератора в газете «Пермские губернские ведомости» (1897–1903 гг.).

Сотрудничать с «Пермскими ведомостями» Осоргин начал, будучи гимназистом, в 1895 г., однако регулярными его публикации становятся в 1897 г. — после поступления на юридический факультет Московского университета. С 1897 по 1903 г. на страницах местной газеты было опубликовано около двухсот материалов московского корреспондента Михаила Ильина. Полная библиография этих публикаций помещена в приложении к книге.

Первые корреспонденции Осоргина из Москвы появились под рубрикой «Московские письма» по аналогии с популярными тогда Сибирскими, Шадринскими, Екатеринбургскими и другими письмами. В течение года Осоргин освоил и большинство других традиционных рубрик «Пермских ведомостей» — «По России», «От нашего московского корреспондента», «Театр и музыка», «Наука, искусство и литература». «Московские письма» сменяет «Дневник москвича», в летнем варианте — «Из дневника наблюдателя».

По жанрам пермские публикации чрезвычайно разнообразны: это рассказы, очерки, путевые впечатления, рецензии, хроникальные заметки, литературно-критические статьи. Лучшие из них объединяет лирическая, эпистолярная интонация, найденная молодым журналистом в цикле «Московских писем», название которого наиболее выразительно передает стилевой характер ранней публицистики М. Осоргина. Другой особенностью «Московских писем» была добротная доля иронии, с которой корреспондент повествовал о Москве и своей жизни в ней. Учитывая популярность литературных жанров на страницах газет того времени, в частности фельетона и очерка, подобное сочетание лирики

и юмора было обречено на успех. Не случайно «Московские письма» стабильно публиковались на самых читаемых страницах «Пермских ведомостей»: рядом с городской хроникой и традиционным фельетоном.

Темы «Московских писем» в основном связаны с новинками благоустройства, местными нравами, жизнью университета и литературно-художественного бонда. Есть, конечно, и первые попытки публицистических размышлений над проклятыми вопросами времени. Осознавая свою просветительскую миссию, Осоргин стремится рассказать о последних общественных дискуссиях, посвящая, например, цикл развернутых публикаций проблеме образовательной реформы.

«Чтобы быть общественным деятелем, достойным этого имени, слишком мало иметь известный образовательный ценз, удостоверенный диплом учебного заведения или опираться на долговременную практику. Нужно прежде всего знать свое отечество в его историческом развитии, знать свой народ, его законы и обычаи, знать общую историю, чтобы иметь критерий для беспристрастной оценки. Без этих элементарных познаний в области отчизноведения немислима плодотворная общественная деятельность. Практика есть применение на деле приобретенных в школе теоретических данных науки, и, давая опытность и способность быстро ориентироваться в проявлениях общественной жизни, она не может повысить образовательного ценза, почему самый опытный практик всегда останется неучем и никогда не застрахован от грубых ошибок в своей деятельности, если он не усвоил еще на школьной скамье необходимых сведений о том государстве, на территории которого он думает найти приложение своим духовным силам и способностям. Одной любви к отечеству, на которой настаивают наши патриоты особого оттенка, еще недостаточно; для того чтобы любить, нужно знать, и слепой патриотизм, в форме обожания земли, на которой ты родился и вырос, давно

уже увековечен под прозвищем «квасного». Только истинное знание России может породить в ее сынах разумную любовь к своему отечеству и искреннее, а не фарисейское, желание отдать свои силы и свою жизнь для его процветания»¹.

В подобных пассажах закладывалась публицистическая риторика зрелого Осоргина, сочетающая добротный прагматизм и открытую эмоциональность. Однако, как и впоследствии, подлинную выразительность осоргинской журналистики определили точность и особая лиричность бытописания. Вот и обаяние ранних публикаций Осоргина — в рассказах о повседневной жизни Москвы, в журналистской чуткости к характерным мелочам живой истории.

Осоргин описывает один из самых интересных периодов жизни Москвы, когда новинки прогресса, сменяя друг друга, преображают облик древней столицы.

«Взгляните на занавесы столичных частных театров, особенно летних, это — торжество рекламы наших дней. Имена и имена так и пестрят в ваших глазах. Тут же на сцене кинематограф изобразит вам сценку, одно из действующих лиц которой приносит ящик с надписью: «Коньяк такого-то». Вы едете в конке, и весь потолок и стены ее закрыты объявлениями, порою с художественной живописью.

Недолго уже нам осталось ждать того времени, когда и поэзия и живопись, а, пожалуй, и музыка пойдет на службу рекламе. Поэт будет воспевать духи, художник сделается живописцем вывесок, а композитору останется слагать серенады в честь придворного пекаря»².

Приметами времени становятся трамвай, автомобиль, реклама на занавесах театра. В прошлое уходят

такие дорогие для Осоргина черты московской старины, как «грешники горячие», «морские черти», волынщики и Петрушка, украшавшие народные гулянья на Девичьем поле и Красной площади.

«Интересно побродить по Москве в три последние дня 6-й недели Великого поста. Во всех частях города идет оживленная торговля, особенно на рынках — у Сухаревой башни, на Смоленской площади у земляного вала. Но главная вербная торговля происходит на Красной площади. Тут же, по исстари заведенному обычаю, тянутся в заранее определенном порядке тысячи прекрасных экипажей самого разнообразного свойства, — от блестящего landau до легкой щегольской коляски и тандема. Это катание, продолжающееся три дня, — настоящая выставка лошадей, нарядов последней моды и невест. Вся площадь между торговыми рядами и кремлевской стеной занята толпами самой разношерстной и разноцветной публики. Каждый из гуляющих считает своим долгом закупить себе искусственных цветов, бабочек, разноцветных чертиков, нацепить все это себе на пальто и на шляпы и, разукрасив себя таким образом, — обойти всю площадь, посмотреть на катающихся и гуляющих и к пяти, шести часам вечера возвратиться домой, не чувствуя под собою ног, но с довольным, веселым и совсем уже не великопостным лицом. Искусственные цветы, от художественно выполненных до аляповатых, разноцветные чертики, одетые в причудливые костюмы, с кинжалами, якорями, зонтиками, свечками в руках, балахонах из цветной папиросной бумаги, бабочки всех сортов, никогда не виданные в природе, «умирающие черти», «отчаянные морские жители» в стеклянных трубках, бумажные, моментально вырастающие усы и языки, фигуры, посылающие всем воздушные поцелуи, какие-то необычные музыкальные инструменты в виде рожи, которую дергают за губу, гармоники, балалайки, скрипки домашнего изделия, чучела птиц и зверей, изделия из карельской березы, наконец, пряники

¹ Ильин М. Почему мы не знаем России // ПГВ. 1901. 6 июня. С. 1-2.

² И-н М. Летучие заметки (реклама) // ПГВ. 1898. 2 авг. С. 2.

ки, пирожки, «грешники горячие», одним словом, всякие безделушки и предметы торговли вербных рынков продаются здесь десятками тысяч и покупаются положительно нарасхват. Всюду слышатся шутки, остроты, над гуляющею толпою стоит невообразимый шум; разукрашенная народная масса имеет такой светлый, праздничный вид, что как-то невольно чувствуется приближение весенних и пасхальных дней»¹.

Для ценителей творчества Осоргина злободневность «Московских писем» имеет еще одно важное значение. Она позволяет наиболее полно представить сферу интересов молодого Осоргина, тем более что об университетском периоде его жизни известно не так уж много. Все подробности будней «общественного москвича» и бедного московского студента — это реальные обстоятельства его жизни в Москве. Это он ищет на Сухаревке «Очерки политэкономии» Милля, посещает занятия известных профессоров-либералов А. Чупрова и Н. Каблукова, идет на лекции М. Безобразовой в Исторический музей, принимает участие в работе Общества помощи нуждающимся студентам.

«Масса студентов не имеет совершенно никакого постоянного прихода, а принуждена буквально вести борьбу за существование. Я могу насчитать сотни известных мне студентов, которые живут в таких антисанитарных и антигигиенических коморках, что делается часто страшно за них. Не имея возможности стирать белье, они носят по два, по три месяца одну смену, носят сапоги без пят, ветхий и засаленный сюртук, и половой из трактира третьего сорта выглядит франтом при этих интеллигентных тружениках. Все их имущество состоит из худошавой подушки, узелка с бельем, лампы да связки книг по своей специальности, и вы можете как-нибудь полюбоваться,

¹ М. И. Московские письма // ПГВ. 1898. 9 апр. С. 2.

как «переезжает» студент с квартиры на квартиру. Хорошо тем, кому посчастливилось найти урок по какому-нибудь случаю, так как публикации — это только пустая трата денег. Кто имеет некоторые авторские способности, тот сотрудничает при какой-нибудь газете, и надо отдать справедливость здешним редакциям — они высоко ценят и хорошо оплачивают студенческие труды. Некоторые поступают в хор при какой-нибудь церкви и живут на скудное жалование певчего. Но все эти «баловни судьбы» составляют лишь самый незначительный процент всех нуждающихся. Большинство же этих студентов не имеет ни уроков, ни литературных талантов, ни голоса, а потому обходится без этого и живет, как птицы небесные. Есть еще другие способы жалкого заработка, например, конторская работа, статистика, но достать такую работу трудно, и нужна протекция, а где же она у студентов с Бронной. Многие, вероятно, думают, что я преувеличиваю, что так прожить невозможно. В ответ я укажу на десятки известных мне студентов, которые почти никогда не обедают, питаются только молоком, весовым хлебом, чаем и иногда колбасой. Это — факт, вопиющий факт. И, разумеется, так жить было бы невозможно, если бы в крайних случаях не помогали такие же бедняки — товарищи, надеясь на то, что и им помогут, если они будут в таком же положении»¹.

Знаменателен и тот факт, что почти треть всех корреспонденций Осоргина посвящена литературно-художественной жизни столицы. «Прикосновенность» молодого Осоргина к литературе на самом деле оказывается вполне устойчивым интересом, во многом определившим литературные пристрастия будущего писателя. Конечно, нужно признать, что письма Осоргина нельзя назвать собственно литературно-критическими. Он подходит к описанию литературного явления как публицист, а не как критик. Поэтому его письма инте-

¹ Ильин М. Московские письма // ПГВ. 1897. 14 дек. С. 2–3.

ресны прежде всего в качестве непосредственного отклика очевидца и «добросовестного свидетеля», который является одним из многих посетителей литературных вечеров в Историческом музее, заседаний Литературно-художественного кружка, спектаклей в Художественном театре.

Интерес к литературной хронике поначалу был достаточно случайным. В одном из своих очерков тех лет Осоргин так описывал обычную для студенчества тягу к искусству: «...“выжившая“ часть молодежи переносит свои заботы от *panis* к *circenses*. Вот тут-то и начинается погоня за хлебом духовным, который афишируется литературными кружками, театральными объявлениями и публичными лекториями, бьющими на популярность...». Попав в этот водоворот, Осоргин старается успеть везде, все повидать и обо всем написать.

Письма 1897–1901 гг. отразили некую репортерскую нейтральность и отсутствие устойчивых пристрастий. В основном они посвящены обязательным юбилейным датам, начиная с пушкинского юбилея 1899 г. Пытаясь писать серьезные юбилейные статьи, Осоргин проявлял некую непоследовательность — и в подборе литературных имен (Белинский и Полонский), и в критериях оценок. В статьях о Пушкине, например, Осоргин предстает ревнителем чистого искусства, а письмо о юбилее Грибоедова написано в традициях народно-демократической критики.

Постепенно в изложении последних литературных новостей Осоргин усваивает те легкость и разговорность, которые изначально были свойственны его бытовым очеркам. Пафос юбилейных статей и сухость официальных заметок сменяет «фельетонный» динамизм писем 1900 г. Фельетонность проявляется и в языке, и в выборе сюжетов. Осоргин с удовольствием пересказывает скандальную хронику бульварной прессы и городские слухи о Чехове, Горьком, Толстом. Однако при этом Осоргину удается сохранить некий отстраненно-

ироничный тон: он не упускает возможности посмеяться над незадачливыми репортерами, раздувшими скандальную новость в прессе. Интересно, что эту манеру как будто нейтрального рассказчика он не раз потом использует в своей прозе, особенно выразительно — в «Старинных рассказах».

Взрослея, Осоргин все чаще обращается к серьезным литературным проблемам. Все заметнее репортерская нейтральность сменяется живой включенностью в актуальную сферу современной литературы. В письмах 1902–1903 гг., посвященных Литературно-художественному кружку и МХТ, чувствуются обстоятельность и определенность сформированной позиции, в основе которой лежит принцип: «Поэт в России больше, чем поэт».

Показательным в этой связи стало отношение Осоргина к символистам. Характеризуя литературную ситуацию накануне появления толстовского «Воскресения», Осоргин назвал модное литературное течение «декадентскими и символистскими бреднями», не придавая ему в литературной перспективе сколько-нибудь серьезного значения. Не изменилось это отношение и к 1903 г., когда Осоргин пишет цикл писем о заседаниях Литературно-художественного кружка, где разгорелась борьба символистов за признание. Осоргин описывает два из восьми названных В. Брюсовым в «Дневниках» «акта» этой борьбы — чтения о декадентах и Леониде Андрееве. Осоргин примкнул к тем, кто высмеял «декадентиков», не увидев за экзотическим фасадом ничего, кроме «дикости и чудачеств».

«Ветхозаветной Москве не чужды новые веяния. Она уже выстроила несколько «декадентских» домов (знаменитый «Метрополь», вновь отстраиваемый дом т-ва Брокер и др.), магазины устроили себе дикие вывески, театральные занавесы вымазаны лилово-грязною краской, дамы изошряются в сочетаниях несочетаемых цветов спектра, книгоиздатели изобретают действующие на нервы обложки, а авторы — холодящие эпидерму за-

головки. Вот об этих авторах я и хочу поговорить. Я уже писал вам как-то о декадентике, открывшем в Чехове своего брата — служителя прекрасного искусства. Фамилия его г. Шик, прозвание «подбрюсок». Прозвание это родовое. Родоначалник — г. Брюсов, своего рода известность. Подбрюсками и другими прозвищами в этом роде называют в Москве молодых (до неприличия молодых) поэтов, объединенных фирмой «Скорпион» и в последнее время разбившихся на несколько партий. Чтобы получить верное представление о подбрюсках, нужно их лицезреть, а описать их очень трудно. Все они маленькие, безусые, большинство из них малокровны; они обыкновенно красиво говорят, плавно размахивают руками и воспевают в стихах противоестественные пороки. Хотя они и выдают себя за натур демонических, но на практике, вероятно, эти существа безобидны. Злые языки рекомендуют им легкую растительную пищу и твердую постель, озлобленные предлагают розги. Подбрюски не обижаются, потому что они стоят выше толпы. <...> Но чувствуется в литературе уже новое влияние: чувствуется приближающееся оздоровление. Как оно произойдет? Не настанет ли у нас своя «эпоха возрождения»?»¹.

Рассказ о Короленковых днях, состоявшихся по случаю празднования 50-летнего юбилея писателя, закономерно завершает цикл корреспонденций Осоргина о литературно-художественной жизни Москвы 1903 г. К осени страсти вокруг нового течения поутихли, и первым крупным событием сезона становится юбилей Короленко. Однако для Осоргина это имя само по себе было значительным. Пользуясь словами Ю. Айхенвальда, можно сказать, что Осоргин принадлежал к той части русской интеллигенции, которой Короленко дорог «главным образом потому, что в его произведениях отражается глубоко отзывчивое сердце, мимо которого не могла пройти ни одна серьезная обида, ни одна общест-

венная неправда». В очерке Осоргина нашло воплощение его непреходящее уважение к классике, и особенно к ее народно-демократической традиции.

Те же отталкивание от авторитетов, навязанных модой, и убежденность в необходимости общественного служения выдерживаются Осоргиным в оценках современного театра и современной драматургии. Рассказывая пермякам о Художественном театре, Осоргин вступает в общую полемику по поводу новой театральной школы и современной драматургии в целом. В своих оценках Осоргин проходит достаточно традиционный путь: в 1899 г. он пишет хвалебную оду новому театру и его постановкам чеховских пьес, а в 1902-м соглашается с теми критиками, которым «надоело это бесконечное нытье и в жизни, и в литературе, и на сцене, и везде». Размышляя над характером героя нового времени, Осоргин одинаково скептически отзывался об одержимости современников как писателями упадка — то есть Горьким и Чеховым, так и новоявленными пророками возрождения — Ницше и Ибсеном. Симпатии журналиста оказываются на стороне тех, кто дает обществу необходимый заряд силы и оптимизма, поэтому предпочтение неожиданно отдается Н. Тимковскому и его новой пьесе «Сильные и слабые».

Описывая литературную жизнь столицы, Осоргин проявляет вкусы обычного интеллигента, который руководствуется соображениями здравого смысла и общественной пользы. В. Брюсов называл подобный тип сознания адвокатским умом. На раннем этапе своей журналистской деятельности Осоргин воплощает этот здравый, житейски практичный взгляд любителя от литературы, раскрывая немаловажные для общекультурной ситуации начала века умонастроения, во многом определившие, благодаря своей распространенности и социальной активности, литературные тенденции начала века.

Представляя раннюю публицистику Осоргина, нельзя не сказать о его «вокантных» публикациях. Во-

¹ И-н М. Московские письма // ПГВ. 1903. 6 апр. С. 4.

обще, пермская направленность «Московских писем» во многом определила их специфику. Особый лиризм и непосредственность интонаций московских корреспонденций Осоргина были связаны с обращением к родному городу. Однако ностальгическая грусть окрашивает только московские корреспонденции. В пермских публикациях Михаил Ильин еще очень далек от того спасительного образа российской глубинки, который будет создан им в мемуарной прозе. Пермь периода «Московских писем» — это пыльный, грязный городок, наводящий тоску. В ее образе больше фельетонных ноток, чем сентиментально-ностальгических.

«Пермь обладает способностью наводить тоску. Приедешь, поживешь недельку-другую, и начинает тебя тянуть вон из города, куда-нибудь подальше, на лоно природы, где нет ни правильно распланированных улиц, ни велодрома, ни сада Общественного собрания, по единственно освещенной аллее которого тянется бесконечная вереница скучающих обывателей. Подальше от этих казенных зданий, чиновников с кокардами, женщин, одетых в темные цвета и падших до всевозможных слухов и сплетен»¹.

С поздними мемуарными образами Перми «Московские письма» перекликаются набросками некоторых поздних сюжетов, особенно в рассказах о пермских обитателях-чудаках. Уже тогда, например, были сделаны зарисовки к образу учителя чистописания и поэта, «достопримечательнейшей в городе личности» М. А. Афанасьева, который открывает галерею пермяков «известных по качеству».

Лучшие из пермских публикаций М. Осоргина написаны живым журналистским языком, который формировался в газетах рубежа веков благодаря популярности таких публицистических жанров, как очерк и фелье-

¹ М. И. Путевые наброски // ПГВ. 1901. 8 июля. С. 4.

тон. Очевидно, что под воздействием этих жанров и складывалась знаменитая лироироническая манера Осоргина-прозаика. Студенческие «литературные заработки» в «Пермских губернских ведомостях» послужили для Осоргина хорошей школой, поставившей перо и определившей, по существу, профессиональный выбор.

3. С. Антипина

«Екатеринбургские письма» в газете «Пермские губернские ведомости»

Рубрика писем была постоянным элементом газетной полосы дореволюционной периодики. Местная печать, в том числе «Пермские губернские ведомости», также активно использовали возможности этого жанра в своей работе. Чаще всего письма печатались циклами, которые назывались по имени города, из которого они направлялись — Московские письма, Петербургские письма, Ирбитские письма и т.д. Одним из самых стабильных на страницах ПГВ был цикл «Екатеринбургских писем». Они охватили период с 1895 по 1906 гг. Первые публикации из Екатеринбурга появились в начале 1895 г. и были подписаны псевдонимом Аз Буки¹. Главной их темой стала театральная жизнь Екатеринбурга и деятельность публичной библиотеки под руководством Е. С. Головы. В 1896—1897 гг. «письма» выходили под псевдонимом К-ъ Р. Д., в 1898—1899 гг. их писал известный уральский журналист В. А. Весновский (под псевдонимами В.В. и Дядя Фтор), в 1899—1906 гг. за подписью Уралец публиковались «письма» П. М. Сивкова.

¹ Аз Буки. Солдатский театр. Письмо из Екатеринбурга // ПГВ. 1895. 5 февр. С. 3; Аз Буки. Екатеринбургские письма. Письмо второе // ПГВ. 1895. 8 февр. С. 4; Аз Буки. Екатеринбургские письма. Письмо третье // ПГВ. 1895. 15 февр. С. 3.

Рубрика «Писем», наряду с «Маленьким фельетоном», оживляла газетную полосу, где тон задавали в основном информационные публикации официального характера. Их отличала проблемность в подаче материала, ярко выраженная диалогичность и разговорный стиль изложения.

Диалогичность екатеринбургских корреспонденций поддерживалась их эпистолярной формой. Авторы сами называли свои публикации «письмами»: «Настоящее письмо я посвящу исключительно нашей опере», — начиналась одна из статей К-ъ. Р. Д.¹. Они напрямую обращались к пермскому читателю: «Наши тротуары... Но, право, вы, пермяки, даже вообразить себе не можете, что это за вещь такая»². На содержательном уровне диалог журналиста-екатеринбуржца и читателя-пермяка поддерживался обсуждением волнующих аудиторию тем — театр, городское благоустройство, строительство железной дороги, основание высшего учебного заведения. «В последнее время, — сказал [городской голова Екатеринбурга] г. Казанцев, — г. Пермь заявляет свое право на политехникум, но Екатеринбург, как центр уральской горнопромышленности и горного управления краем, бесспорно, имеет больше прав на него, чем Пермь»³. Журналисты не упускали возможности сравнить положение дел в той или иной сфере общественной жизни двух городов — Перми и Екатеринбурга: «У вас в Перми вопрос этот [гастроли оперной труппы] решен еще в прошлом году, а у нас он и не поднимался»⁴. Особенно частыми были комплименты в адрес пермской театральной дирекции: «Я с большим удовольствием должен констатировать, что Пермь далеко обогнала Екатеринбург,

¹ К-ъ. Р. Д. Екатеринбургские письма. II // ПГВ. 1896. 27 окт. С. 2.

² В. В. Екатеринбургские заметки. III // ПГВ. 1898. 11 авг. С. 3.

³ В. В. Екатеринбургские заметки // ПГВ. 1898. 2 авг. С. 3.

⁴ К-ъ. Р. Д. Екатеринбургские письма. I // ПГВ. 1896. 08 окт. С. 3.

устроив театральное дело на разумных и желательных началах»¹.

«Екатеринбургские письма» обсуждали не только насущные проблемы городского быта (благоустройство, транспорт, досуг), но и более общие вопросы, связанные с перспективами развития города и края (система образования, промышленность). Авторы екатеринбургских корреспонденций фокусировали внимание аудитории, в том числе губернских и городских властей, на острых общественных вопросах, напрямую обозначая конфликт, требующий разрешения: «...раз обыватели желают слушать хорошо обставленную оперу, то прежде всего должны побудить городское управление к возможно скорой постройке нового театра», — писал В. Весновский². Зачастую журналисты были откровенно критичны по отношению к городским властям: «Мера эта [увеличение платы за лечение в больнице] <...>, конечно, не может быть приветствуема, а дума, принимая её, по-видимому, мало заботилась об интересах населения»³.

«Екатеринбургские письма» примечательны еще одной чертой — полемикой с административным приоритетом Перми и последовательным утверждением Екатеринбурга в статусе «столицы Урала». Особая роль в этом принадлежит Виктору Весновскому. В его «письмах» формула «Екатеринбург — столица Урала» закрепляется уже на речевом уровне, когда периодически название города заменяется перифразой: «...Чердынь, Оса, Красноуфимск и др. имели свои общественные библиотеки, а «столица Урала» довольствовалась частными»⁴. Одновременно с этим Весновский говорит о Екатеринбурге как о городе, «претендующем на европейский лоск...»⁵, и использует форми-

¹ К-ъ. Р. Д. Екатеринбургские письма. I // ПГВ. 1896. 08 окт. С. 3.

² В. В. Екатеринбургские заметки. VI // ПГВ. 1898. 1 окт. С. 3.

³ Там же.

⁴ Дядя Фтор. Екатеринбургские наброски // ПГВ. 1899. 12 февр. С. 3.

⁵ В. В. Екатеринбургские заметки. IV // ПГВ. 1898. 14 авг. С. 3.

рующуюся репутацию «европейского» Екатеринбурга как аргумент для скорейшего решения наболевших социальных проблем: «У нас и телефоны, и электричество, а в будущем и электрическая железная дорога — все по-европейски. И наряду с этим отсутствие хорошей воды, огромный недостаток школ, теснота больниц, дороговизна квартир и предметов первой необходимости»¹.

Разговорность, легкость журналистского общения с читателем также отличает «письма» от других рубрик ПГВ. Особенно часто встречаются оценочные и разговорные конструкции в разговоре о проблемах городского благоустройства. Загрязняющие улицу домовладельцы вопреки распоряжению городской управы «и в ус не дуют», вызывает негодование журналиста «пресловутое электрическое освещение с его мигающими, подмигивающими, шипящими, но не светящими фонарями»², и в городской кассе «шаром покати», одним словом — «положение не из завидных».

В целом, в пермской газете рубежа XIX и XX вв. рубрика «Писем» формировала жанр «публицистического письма» с характерной для него проблемностью и установкой на активное воздействие на читателя.

В. В. Абашев

Апология провинции в литературной критике 1910-х годов (пермский журналист Чубин-Черномор)

В настоящей статье речь пойдет об одном из многих провинциальных литераторов, незамеченных ни историей русской литературы, ни историей журналистики. Единственное, что на сегодняшний день известно об этом человеке — около четырех десятков статей и заме-

¹ Дядя Фтор. Екатеринбургские наброски // ПГВ. 1899. 12 февр. С. 3.

² В. В. Екатеринбургские заметки. III // ПГВ. 1898. 11 авг. С. 3.

ток, опубликованных в газете «Пермские губернские ведомости» (далее ПГВ) в 1913 и 1914 гг. под инскриптами: «Чубин», «Ч-ин», «Черномор» и «Ч-ор». Концептуальная и стилистическая близость этих публикаций несомненна. Даже беглое знакомство с текстами убеждает, что они принадлежат перу одного человека. Однако установить личность автора вряд ли удастся — архив редакции ПГВ утерян¹.

Тем не менее статьи Чубина обладают существенной историко-литературной ценностью. Они привлекают выверенностью общественно-политических, культурных, литературно-критических взглядов журналиста, самостоятельностью его позиции — и в то же время ее обусловленностью умонастроениями русской провинции начала XX столетия. В цикле статей этого автора ярко отразился рост культурного самосознания провинциальных земель России.

Уже отмечалось, что на рубеже 1900-х и 1910-х гг. в пермской периодике активно формируется профессиональная литературная критика. При этом следует подчеркнуть, что газета начала XX в. и газета современная принципиально различны. Современному читателю трудно даже представить, какое место занимала на страницах газеты литературная жизнь: тогда небольшой рассказ Л. Андреева мог спровоцировать длительную всеобщую полемику, а каждый поступок и слово Горького мгновенно становились всеобщим достоянием. Газета начала века была органической частью литературоцентрически организованной культуры. Именно газетная литературная критика более адекватно отражала точку зрения, вкусы и круг чтения читательской массы.

Прежде всего следует заметить, что провинциальная газета в начале столетия отнюдь не чувствовала себя провинциальной в том уничижительном смысле слова,

¹ О судьбе архива ПГВ см.: Кустов В. А. Газета «Пермские губернские ведомости»: 1838 — 1917 гг. (Краеведческий очерк) // Языки и ономастика Прикамья. Пермь, 1973. С. 115.

который нередко сообщается ему сегодня. Если современная региональная газета (пермская пресса — тому яркий пример) сознает себя провинциальной и строит себя как сугубо провинциальное, замкнутое в узком горизонте места издание, то в начале века дело обстояло иначе. Те же ПГВ были открыты в общее культурное пространство России и Европы и именно в такой открытости себя конституировали. Приведем лишь один, но красноречивый пример. В октябре 1909 г. ПГВ печатают обширную статью об итальянском футуризме, где весьма внятно изложена программа только что оформившегося движения. Материал, что называется, взят из первых рук: автор статьи цитирует обширный фрагмент «Первого манифеста футуристов» Ф. Т. Маринетти. И это если и не первая, то, по крайней мере, одна из первых публикаций Маринетти на русском языке. Пермский журналист описывает зарождающийся футуризм не только внятно, но и весьма сочувственно. Его увлекает пафос энергии и силы, которым заряжено новое культурное движение. Для нас важно то, что автор обстоятельно обсуждает итальянский футуризм в пермской газете — и ни ему, ни редактору, публикующему такой «экзотический» материал, не приходит в голову усомниться в уместности такой публикации. Газета осознает себя как часть общего культурного пространства. Примеры легко умножить. Не было в русской литературе того времени сколь-нибудь значимого имени, которое бы так или иначе не прозвучало на страницах пермской печати.

Пермская газета при этом не просто пассивно отражала литературный процесс, что уже само по себе было бы значительно. Постепенно она становилась органом культурного самосознания провинции. К началу 1910-х гг. уже можно констатировать наличие местной профессиональной литературной критики. Анализ литературно-критических материалов пермской печати (прежде всего ПГВ) открывает наблюдателю интенсив-

ный культурный процесс, в котором провинция постепенно формировалась как творчески продуктивная часть общероссийского культурного пространства. Часть вполне самостоятельная и потенциально богатая возможностями развития. Без учета этих газетных материалов представить реальное многообразие культурной жизни начала XX в. невозможно.

В местной литературной критике 1910-х гг. наиболее интересны и культурно значимы две фигуры. Сергей Виноградов — «светлый рыцарь Поэзии», как его характеризовал Василий Каменский, и герой этой статьи Чубин, точная идентификация личности которого, к сожалению, вряд ли возможна. Если литературно-критическая позиция С. Виноградова в значительной степени представляет собой адаптированный вариант эстетической символистски ориентированной критики¹, то фигура Чубина в идейном плане выглядит более самостоятельной и по проблематике более симптоматичной.

Литературно-критические выступления Чубина касались узловых проблем культурно-исторического развития России. Высокая степень самостоятельности, с какой пермский критик-публицист эти проблемы ставил и решал, свидетельствует как раз о том, что российская провинция в 1910-е гг. переставала быть только «сырьевым придатком» центра национальной культуры, а обретала в ней собственный голос и вес.

У Чубина было главное из того, что делает критика и публициста значительным. При всем многообразии внешних поводов все им написанное объединено своей собственной — «долгой» — мыслью, организовано большой темой, в рамках которой осмысливаются подробности культурной и общественной жизни. Будь то международная выставка в Лондоне или «Письма о театре»

¹ О литературно-критических работах С. Виноградова см.: Масальцева Т. Н. Сергей Виноградов — ведущий критик «Пермских губернских ведомостей» // Литературное краеведение Прикамья: Материалы научно-практической конференции. Пермь, 2006. С. 45–49.

Л. Андреева, героическое поведение русских моряков в Мессине или появление манифестов акмеизма в журнале «Аполлон» — в отклике на эти события Чубин неизбежно выходит на мысль о крахе иллюзий сознания либеральной интеллигенции, о ее оторванности от национальной почвы. Чубин предвосхищает классическую формулу интеллигентского сознания Г. П. Федотова: «беспочвенная идейность». Да, эти рассуждения связаны с тематикой «Вех», с публицистикой В. Розанова, но они лично выношены и по-своему, оригинально, поставлены. В постановке проблемы интеллигенции у Чубина есть типологически новый поворот и акценты. Благодаря этому в вечной русской теме высвечиваются новые аспекты, неясные у других, даже «больших» авторов этого времени. Склонность к решительному высказыванию и внятному проговариванию позиции выявляет вполне оригинальный интеллектуальный профиль пермского критика.

Его критика левой либеральной интеллигенции вырастает в критику романтической концепции русской духовности и романтики как иллюзорного мироотношения, не укорененного в национальной почве. В проекции на развитие литературы эта позиция реализуется как критика субъективистского искусства, образующего единую линию развития: от романтизма 1830-х гг. до декадентства и символизма 1890-х — 1900-х и футуризма 1910-х.

Подлинная оригинальность Чубина выявляется в том, что свою критику интеллигентского романтического сознания он сопровождает своеобразной апологией «мещанства» как социального и культурного явления. Чубин последовательно настаивает на мысли, что интеллигентски романтический жупел «мещанства» маскирует «подлинную реальную жизнь»¹, что мещанство в его романтической трактовке как воплощение пошлого

¹ Черномор. Хулиган и апаш в литературе // ПГВ. 1913. 19 июля. С. 3.

и бездуховного существования — это, в сущности, фикция интеллигентского сознания, маскирующая его бытовую «никчемность» и неспособность к творческой жизни в повседневности. Тем самым пермский критик разоблачает, деконструирует один из концептов культуры «серебряного века», объединивший в исполненном ницшеанской брезгливости к человеческому, слишком человеческому, таких разных художников, как Горький и Мережковский, Маяковский и Цветаева, и унаследованном советской культурой. По логике мысли Чубина, упорно идущего наперекор этой тенденции, именно «обывательщина», эта здоровая и богатая творческими возможностями повседневность, являет собой источник подлинной поэзии¹. Ведь сама «русская повседневность» имеет свой стиль, своё лицо, свои ярко выраженные черты².

Поэтому исторически понятная и уместная на почве западной цивилизации поэзия романтического эскапизма, современные примеры которой критик находит в творчестве Джека Лондона и Кнута Гамсуна, для России, по его мнению, не только чужда, но даже вредна. Романтическому бегству от быта Чубин противопоставляет поэзию русской действительности, требующей приложения творческой созидательной энергии. В этих тезисах Чубин поднимается до подлинного пафоса: будущее России требует «напряжения национальной энергии, в которой больше творческой красоты, чем в романтических легендах»³. В связи с этим традиционному рефлексирующему герою русской литературы Чубин противопоставляет современную потребность в деятельном, творческом человеке: «русская литература должна уловить действенность русского человека, а не застревать на душевных туманностях. Рудин-

¹ Черномор. Обывательщина и душевная бескровность // ПГВ. 1913. 11 авг. С. 3.

² Черномор. Умер ли быт? // ПГВ. 1913. 22 янв. С. 2.

³ Там же.

ство и утверждение этого туманного психологизма — две стороны одного явления, называемого никчемностью»¹.

Закономерно в литературно-критическую публицистику Чубина входит тема провинции, которую он рассматривает как средоточие здоровых начал национально-исторической жизни. С темами провинции и мещанства органично увязывается у него критика Чехова, а точнее, «чеховщины» — как варианта интеллигентского мироотношения, пасующего перед действительностью. По мнению Чубина, современный культурный и хозяйственный подъем провинциальной жизни опровергает чеховский взгляд на провинцию².

В совокупности своих аспектов историческая и литературно-критическая концепция Чубина представляет собой вполне оригинальное явление интеллектуальной жизни России 1910-х гг. Она выстраивается, в сущности, как последовательная критика конститутивных аспектов культуры 1900-х гг. и связана с утверждением перспективы культурного и хозяйственного подъема российской провинции. Взгляды Чубина без особой натяжки можно определить как идеологию культурного роста провинции, в которой идеи традиционализма и модернизации образуют некий привлекательный сплав. Конечно, эта позиция отражала одну из типичных для 1910-х гг. тенденций, но сформулирована она у Чубина вполне оригинально. Исторически, как мы знаем, возобладала иная, противоположная, тенденция: «мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем».

Перечитывая сегодня публицистку никому неведомого провинциального критика, поражаешься исторически неразрешаемой повторяемости российских тем и проблем — все это по-прежнему звучит актуально в контексте сегодняшних споров о модернизации России, в свете «заката» либеральной идеи и «правого поворота» в

политике. В литературе ХХI в. на предпочтения Чубина неожиданно отзывается набирающая силу тенденция «социальной поэзии» Всеволода Емелина, Василия Пуханова, Андрея Родионова, мрачноватая проза нового реализма — Захара Прилепина, Романа Сенчина и др. (с той разницей, что у последних нет чубинского одновременно и простодушного, и просвещенного оптимизма в отношении к национальному бытию).

Публикации Чубина — внятное выражение вполне самостоятельной и оригинальной позиции просвещенного почвенничества — увы, практически недоступны современному читателю. Поэтому представляется целесообразным поместить здесь аннотированную нами библиографию наиболее характерных публикаций этого литературного критика.

¹ Чубин. Два слова о современном человеке // ПГВ. 1914. 11 марта. С. 3.

² Черномор. Обывательщина и душевная бескровность // ПГВ. 1913. 11 авг. С. 3; Ч-ор. Памяти Чехова // ПГВ. 1914. 22 июня. С. 3.

ХРЕСТОМАТИЯ

Н. А. Добролюбов

Пермский сборник

Повременное издание.

Книжка I. Москва, 1859

Вся литературная деятельность сосредоточивается у нас почти исключительно в двух столицах, и мы смотрим на это как на вещь совершенно нормальную, полагая, что этому так и быть должно, что это все в порядке вещей. Между тем ничего не может быть страннее такого явления, особенно если мы припомним отовсюду подымающиеся клики о том, как в настоящее время во всех концах России пробудилась любовь к просвещению и началась усиленная деятельность мысли... Что в столицах литература должна развиваться сильнее, нежели во второстепенных городах, — это совершенно естественно. Во всей Западной Европе мы видим то же самое явление. Даже в Соединенных Штатах, лишенных всякой централизации, журнальная и вообще книжная деятельность развивается преимущественно в больших городах, важных в административном или промышленном отношении. Но все-таки — не говоря о Штатах, где в каждом городишке есть журнал, — в Англии, например, из всего количества журналов и газет в Лондоне издается едва четвертая часть, во Франции каждый департамент имеет свою газету, и пр. А у нас — исключите Петербург и Москву, — что остается! «Одесский вестник» с «Южным сборником» да «Ученые записки Казанского университета» с «Православным собеседником» — вот вам и все. А затем пойдут уже сухие губернские ведомости — до того сухие, что иногда в них целый год ничего не помещается, кроме перепечатки объявлений вновь выходящих книжек петербургских и московских журналов. Подумаешь, право, что в России везде, кроме сто-

лиц, люди спят себе и рта открыть не умеют, двух мыслей не свяжут, особенно на бумаге. А между тем это во все неправда: в провинциях-то и живут люди рассуждающие, серьезно интересующиеся наукой и литературой, с любовью следящие за современным направлением мысли. В провинции-то обыкновенно и развиваются дельные, крепкие люди, оттуда-то и наезжают они в столицы, с жаждой знаний и труда, с свежими силами и с любовью к делу. Отчего же они не работают в провинциях? Отчего, если дельный человек заведется где-нибудь в Пензе, в Усть-Сысольске или в Стерлитамаке, он непременно тянется в Петербург или уж по крайней мере в Москву? Кто бывал в наших провинциальных городах, для того, вероятно, нетруден будет ответ на этот вопрос. Ясное дело, отчего мужик свой хлеб на базар везет, часто за несколько десятков верст: в своей деревне у него сбыту нет. То же самое и с литературной деятельностью. Люди в провинциях учатся, занимаются, работают; но результат их работы не может проявиться вне столиц. Наши провинции, не говоря об административном и других житейских отношениях, даже и в интересах умственных вовсе не живут своей отдельной, самостоятельной жизнью: к ним приходит из Петербурга свет либо из Москвы. Сюда все централизовано: здесь и академии наук и художеств, здесь и университеты, и публичная библиотека, и ученые общества, и редакции всех журналов и газет, и свежие иностранные новости. Провинция отсюда получает просвещение, сюда обращает она свое любопытство; отсюда узнает она даже о самой себе. Положим, например, что вы живете где-нибудь в Макарьеве. В вашем уезде случилось в июне нынешнего года замечательное происшествие: объявился урод. Но вы ничего этого не знаете, потому что слава об этом явлении ограничилась довольно тесным пространством и до вас не достигла. Но вот проходит июль, август, сентябрь; в октябре вы получаете восьмую книжку «Журнала министерства внутренних дел» и чи-

таете — под рубрикою: «Уродливые рождения», на стр. 48, — что Нижегородской губернии, Макарьевского уезда, в деревне Кременках, солдатка Палагея Иванова 13 июня принесла к становому четырехмесячного незаконно прижитого ею уroda; становой донес об этом куда следует, дело пошло по начальству и благодаря благотельной гласности отпечатано в петербургском журнале. Если бы существовал до сих пор «Русский дневник», то и он не без удовольствия перепечатал бы это известие, и, таким образом, из Петербурга — а уж никак не из Макарьева — разошлось бы на всю Россию сведение об уродливом рождении. Так и во всем. О действиях собственных ваших губернских комитетов — то есть об их открытии, обедах, речах и т. п. — откуда вы получали сведения? Конечно, более всего из «Московских ведомостей»... Знаменитая полемика восемнадцати калужских дворян, по поводу женской гимназии в Калуге, где производилась? В «Московских ведомостях» и «Северной пчеле»! А где печатались интересные сведения о таганрогской мостовой, о николаевском и таурогенском благородных собраниях, о нравах новгородского общества, и пр. и пр.? Всё в столичных газетах. Почему? Потому, во-первых, что напечатанное в «Калужских» или «Новгородских ведомостях» не пойдет далее Калуги или Новгорода, а из Петербурга или Москвы сведение разойдется по всей необъятной России; потому, во-вторых, что многие вещи, как будто уж по самой натуре своей, должны непременно сначала побывать в Петербурге, а уж потом огласиться во всеобщее сведение. Но самое главное — в-третьих... Это «в-третьих» довольно трудно объяснить в коротких словах, и потому мы несколько распространимся.

Видите ли, в чем дело. Большая часть сведений, которые должны бы появляться не в столицах, а прямо в провинциях, касается местных интересов края. Но в местных интересах непременно замешаны какие-нибудь личности; личности эти в том краю всем известны... Вы

можете их не называть; но уж по одному тому, что статья, рассказывающая об известном происшествии, явилась в газете такого-то города, тотчас все там догадуются, о чем идет речь, и даже доберутся, кто писал статью, под какими бы псевдонимами и анонимами вы ни укрывались... Ведь г. Н. О. напечатал, как его за статейку о нравах местного общества призывали и распекали по начальству! Ведь г. Б-ин публиковал о том, как он, против всех прав, был исключен из членов губернского клуба за то, что был приятелем с г. В. Е-ным, написавшим повесть, не понравившуюся местным аристократам. Попробуйте же возиться с такими людьми и печатать у них что-нибудь под носом! Как ни бейтесь, ничего вы с ними не поделаете. А ведь к числу таких людей нередко могут принадлежать и те, от кого зависит напечатание статьи в губернской газете или хотя бы и отдельно, но в местной типографии. Конечно, можно получить разрешение из Петербурга, пославши туда рукопись: но в таком случае гораздо короче — прямо в Петербурге же ее и напечатать. Там никто местными дрязгами оскорбляться не станет, а иной и хотел бы оскорбиться, да не знает, чем и как, потому что дело и лица ему неизвестны; следовательно, статейка может появиться довольно безопасно. А иногда еще бывает и так: после напечатания статейки в столичной газете или журнале вдруг какой-нибудь господин (иногда вовсе и не тот, кого нужно) выскочит, да и вскинется: «Это вы на меня написали; как же вы это осмелились? Я на вас, милостивый государь, жаловаться буду». Да, не ограничившись словами, в азарте напишет это да под этакую-то грамоткой и собственную фамилию, чин и место жительства подмахнет... Ну, разумеется, дело-то и объяснится. И уж тут автору ничего; потому — общественное мнение всегда за него бывает очень сильно в этих случаях. Разве из службы иной раз вытеснят, ежели он служащий; так и то ничего: может в столицу переехать или в другую губернию и там еще лучше место получит,

ибо уж по всей России делается известно, что он «пострадал по службе за правду».

Таким образом, главная выгода печатания в Петербурге или Москве состоит в относительно большем просторе для провинциального автора. Столица проводит над провинцием свой уровень, под который не подходят разве каких-нибудь пять-шесть лиц, по своему положению уж очень известных... да столице иначе и невозможно: ей без провинций нечего было бы и делать, без них она бы не могла почувствовать даже и запаха благодетельной гласности. Как без подвоза хлеба из провинций Петербург умер бы с голоду, так без подвоза материалов из губерний литература зачахла бы. Сообразите только, что, несмотря на внешний лоск цивилизации, щепетильность немалая существует и в столичном обществе; следовательно, в отношении к своим собственным обитателям Петербург стоит здесь почти в таком же отношении, как любой уездный город — к своим. А отсюда уже совершенно ясно, что столичной литературе необходима провинция. В самом деле, припомните содержание большей части наших повестей, романов, очерков, комедий, даже стихотворений в новейшем вкусе: все провинция!.. «Ревизор» и «Мертвые души» происходят где-то в отдаленнейших концах России... Из губернских очерков, провинциальных воспоминаний, уездных сцен и т. п. можно бы теперь уж сочинить новую российскую географию, и из всех этих Крутогорсков, Беловодсков, Краснорецков и пр. составилось бы, пожалуй, более городов, чем сколько их есть во всей Российской империи. А столица еще не тронута: о ней только в корреспонденции Nord'a пишут иногда, да и то большею частию невпопад.

Не знаем, достаточно ли ясно изложили мы наше «в-третьих». Но если вышла неясность, то в этом надо винить какой-то особенный случай: когда мы писали, это у нас было очень ясно; а после того как написали — как-то уж не так ясно сделалось...

Однако же дело все-таки в том, что отсутствие книжной деятельности в провинциях сильно свидетельствует против возгласов о разлитии потока просвещения по всем краям нашего великого отечества. Образованному и деятельному человеку у нас нечего делать в провинции, ежели он не служит там где-нибудь. Примется он писать, издавать что-нибудь, имеющее местный интерес? У него не будет достаточного количества читателей: известно, что даже наиболее распространенные из журналов, имеющих общероссийский интерес, получают в некоторых губернских почтовых конторах по 20-30 экземпляров на целую губернию. Куда же тут предпринимать издание с местным интересом! Школу может завести человек? Во-первых, с этим нужно выдержать очень много предварительной возни, а потом — это значит жертвовать свой капитал и труд на пользу общую, не надеясь на вознаграждения. А еще не у всякого и есть нужный для этого капитал... Публичные лекции, что ли, может еще затеять человек в провинции? Или акционерное общество составить? Или общественные дела повернуть на другую дорогу? Об этом смешно и думать. А между тем деятельности хочется, праздность и пустота жизни томит и тревожит, по крайней мере смолodu... Вот человек и тянется в Петербург или в Москву. Он же знает, что и там не будет лишним и там людей мало, так что он еще будет замечен, выйдет, пожалуй, вперед. Если он прочитал две книжки по-латыни или по-славянски, то он уже не без некоторого основания думает быть профессором в университете; если он читал усердно хоть «Экономический указатель» г. Вернадского, он уже метит попасть в какую-нибудь специальную комиссию по финансовой части; ежели изучил статьи «Русского вестника» об адвокатуре и гласности судопроизводства, то считает себя вправе занять довольно значительный пост в государстве, то есть в столице... И нельзя считать его претензий очень нелепыми: они имеют свою долю оправдания в том, что ведь бывают

люди, которые и того не знают, что в «Русском вестнике» и «Экономическом указателе» пишется, и между тем занимают видные и влиятельные должности. Повсюду недостаток людей, и этот недостаток, разумеется, как и все прочее, централизуется в столицах. Оттого, естественно, все сюда и должно тянуться; оттого провинция долго еще будет пробавляться в умственном, как и в административном отношении, тем, что присылается из столиц, хотя это присылаемое вырабатывается собственно в провинциях же.

«Пермский сборник», по поводу которого мы распространились о провинциальной литературной деятельности, может служить прекрасным доказательством того, как много может у нас в провинции оказаться дельных и образованных людей, если только представится им случай и удобство обнаружить свою деятельность. В первой книжке «Пермского сборника» шестнадцать статей, большею частью исторического и этнографического содержания. Из них две статьи принадлежат лицам столичным и известным в нашей литературе: одна — «Заметка о пермских древностях» — г-ну Ешевскому, другая — «Воспоминание о докторе Граале» — г-ну Киттары. Остальные четырнадцать статей написаны девятью местными авторами, совершенно неизвестными в нашей литературе. Между тем в большей части этих статей выказывается такое обилие знаний, серьезность взгляда и мастерство изложения, какие не всегда встречаются в столичных журналах. Самое предисловие, объясняющее взгляд издателя на свое предприятие, резко отличается благородством своего тона от кудреватых и лихих предисловий какого-нибудь «Утра» или «Весны». Вот что говорит в предисловии издатель «Пермского сборника»:

«Задумавши издание «Пермского сборника», мы имели в виду сообщать материалы, наблюдения и факты, касающиеся различных сторон Пермского края, ко-

торые могли бы принести пользу любознательным людям при его изучении.

В какой мере мы можем выполнить нашу задачу, публика увидит из предлагаемой вниманию ее первой книжки «Сборника».

Может быть, некоторые читатели будут недовольны, встретивши в ней много сырых материалов. На это скажем следующее: мы не отказываемся помещать в «Сборнике» обработанные статьи; но не всегда можем их дать; притом они, будучи роскошью нашего провинциального издания, не составляют прямой его цели.

Во всяком случае, изъявляем надежду услышать искренние замечания о недостатках первой книжки и обещаем по возможности устранить их в следующих».

И более ничего: ни о знаменах, ни о партиях, ни о собственном благородстве, ни даже о недобросовестности журналистов! Правда, что «Пермский сборник», как издание очень дельное, вовсе и не нуждался в подобных выходках...

Программа «Пермского сборника» такова, что он мог бы сделаться журналом, если бы обстоятельства (состоящие, между прочим, в его успехе между читателями) благоприятствовали этому. В нем четыре отдела: 1) *исторический*, в котором предположено помещать статьи о различных национальностях, вошедших в состав пермского населения, об отдельных событиях, отозвавшихся чем-либо на состоянии края, об истории отдельных местностей края, биографии замечательных личностей, исторические очерки местной администрации и общественных учреждений, археологические заметки о тамошних памятниках древности; 2) *этнографический* — описание образа жизни народа, обычаев, поверий, сборники песен, сказок и пр.; 3) *статистический* — описания разных местностей, вод и лесов, статьи о естественных произведениях края, о состоянии сельского хозяйства в Пермской губернии, о торговле и промышленности и пр.; 4) *смесь и приложения* — путевые за-

метки, характеристики разных сторон жизни края, хроника местных современных событий, исторические акты разного рода, библиография сочинений о Пермской губернии, объявления. В заключение программы прибавлено, что «желающим помещать свои статьи в «Пермском сборнике» редакция его предлагает приличное вознаграждение». Это уж значит, что «Сборник» составил не по случайному вдохновению дилетантов, а задуман серьезно.

И при всем том нельзя поручиться за большой успех «Сборника» собственно в Пермской губернии. Но в нем есть несколько статей, имеющих интерес не только для пермяка, но для всякого образованного читателя, и это может помочь его успеху. Таковы две статьи, относящиеся ко времени пугачевского бунта: одна — «О мерах предосторожности, какие принимаемы были пермскими заводами во время пугачевского бунта» г. Планера; другая — «Пугачевский бунт в Шадринском уезде и его окрестностях». Последняя статья дополняет многими любопытными документами статью г. Плотникова о том же предмете («Далматовский монастырь в пугачевщину»), помещенную в «Чтениях Московского общества истории». Вообще обе статьи «Пермского сборника» имеют важное значение для каждого, кто интересуется новою русскою историею, потому что они составлены по материалам, доселе никому не бывшим известными и сохранившимся в туземных архивах. Редакция обещает еще несколько статей и материалов об этом загадочном для ученых событии русской истории, и нельзя не пожелать, чтоб это обещание было поскорее выполнено. Чтобы показать, как редакция «Сборника» смотрит на историю пугачевщины, приведем заметку от редакции, помещенную пред статьей г. Планера (стр. 46):

«Пугачевский бунт не был явлением одной только местности — Яика; напротив, он охватил весь восток европейской России; повсюду поднялся народ против тогдашней власти и, между прочим, это волнение обна-

руживалось более или менее в каждой местности и Пермского края. Было бы, конечно, односторонне и крайне поверхностно объяснять причину этого явления тем, что вот-де некто злодей Емелька Пугачев назвал себя императором Петром III, а простой народ вдался в обман и восстал против законной власти; утверждать так значило бы отрицать всякий человеческий смысл у волновавшегося миллионного народонаселения. Между тем при обнародованном запасе материалов об этом предмете трудно еще дать положительный ответ на то, из каких дурных соков народного быта скопился этот недуг, как видно, зачавшийся в общественном теле задолго до 1773 г., выступавший наружу и прежде этого времени, да и после, только с переменою своего названия и в неодинаковых размерах. Наука вполне объяснит это явление, конечно, только тогда, когда в обладании ее будут находиться все примыкавшие к нему частные события. Редакция «Пермского сборника» располагает достаточным количеством статей, относящихся по своему содержанию — как ко времени пугачевского бунта, так и к происходившим в другие времена волнениям в народонаселении той или другой местности в Пермском крае. Эти статьи составлены на основании данных, большею частию доселе неизданных, и если иногда в них проскользнет недостаток современности взгляда на события и искусства группировки их, то, без сомнения, статьи эти имеют по крайней мере всю цену материала для специалистов-историков».

Кроме этих двух статей, общий интерес имеет также статья г. Крупенина: «Краткий исторический очерк заселения и цивилизации Пермского края». Очерк этот, впрочем, слишком уж краток и, несмотря на множество ученых примечаний, дает довольно мало: укажем только на то, что развитие просвещения в Пермском крае с начала прошлого столетия — изложено на трех страницах!

В статье г. Крупенина заметили мы еще до некоторой степени местно-патриотическое направление, впа-

дающее в идиллию. По его словам, во всем крае господствует благосостояние и довольство, все население смышленное переимчивое, готовое сочувствовать всякой реформе к лучшему, нравственность прекрасная... Мы не смеем ничего говорить против этого; но — воля ваша — такое повальное восхваление целого края всегда бывает подозрительно: или это общее место, или прямо — ошибочный взгляд. Отчасти то же настроение нашли мы в статье г. Теплоухова: «Краткое описание лесохозяйства в пермском майорате графов Строгановых», и особенно в «Очерке юго-западной половины Шадринского уезда» священника Тихона Успенского. Статья г. Теплоухова, впрочем, содержит в себе очень много любопытных данных и основательных замечаний о крестьянском населении в тех местах и о способах предотвращения лесных преступлений. Он рассказывает, между прочим, что в имении графов Строгановых введена теперь система легких оштрафований. Открытые лесным смотрителем виновные записываются в судную тетрадь, с подробным обозначением всех обстоятельств проступка и свойств преступника. Суд назначается в неопределенные сроки, по мере накопления дел; он состоит из окружного лесничего и сельского приказчика. Лесные смотрители и сторожевые должны на этом суде уличить виновного, и тогда назначается ему штраф: лесничий, как техник, определяет важность проступка, а приказчик принимает в соображение личность подсудимого. Затем в нескольких словах весь суд и решение записывается в судную тетрадь. Штрафы вообще бывают легкие, но крестьяне, по свидетельству г. Теплоухова, боятся не столько самых наказаний, сколько записыванья в книгу, которую они называют *черною*. Рассказав все это, г. Теплоухов делает еще следующие замечания (стр. 63-64):

«Простота судопроизводства и легкость штрафования не ожесточают и не разоряют крестьян, облегчают стражу в исполнении ее обязанностей, а главное — пре-

дохраняют стражу от взяточничества, крестьян от лукавства. Исполнение штрафов лежит на обязанности местного начальства. Штрафные деньги хранятся особо от местных доходов и употребляются на награды лесной страже; присужденные к работе употребляются при устройстве лесов.

Нелишне здесь заметить, что опыт привел к такой форме судопроизводства, существующей только с 1846 г. Основанием же прежнего судопроизводства было ложное убеждение, что строгие взыскания могут застрашивать крестьян и предотвращать проступки. Но многочисленность и запутанность постановлений, которых крестьяне даже не понимали, а еще менее помнили, недобросовестность лесной стражи и слабость местных начальств по исполнению штрафов имели последствиями: 1) Неудовольствие крестьян на тяжесть штрафов, от уплаты которых они, впрочем, всегда имели возможность уклоняться. 2) Бесчисленное делопроизводство по апелляциям крестьян, сопряженное с разными проволочками. 3) Медленность в исполнении приговоров, по причине трудности самого исполнения. 4) Подкуп лесной стражи, ибо виновному легче было дать небольшую взятку сторожевому, чем заплатить в десять раз больший штраф по приговору суда. Таким образом, бедняк, которому нечего было заплатить страже, подвергался суду, а богатый откупался. Я еще застал в Инвенском округе одного лесного смотрителя, который постоянно пьянствовал и ездил в лес, как будто за добычей. Поднявшись на ближайшую гору, он смотрел, нет ли где-нибудь в лесу дыму от жжения костров на подсеках; ехал по направлению дыма, находил виновных и, угрожая им штрафом в 20—30 руб., брал с них откупного, сколько нужно было ему на вино... Крестьянин, если с ним поступают не жестоко и справедливо, добр, послушен; в суде не лжет, по природной простоте; от умеренного штрафования не уклоняется; исполняет все полезные для лесов постановления, когда к ним привыкнет и оз-

накопится с ними. Если у нас существует поныне много проступков, то это происходит от недостатка лесов, несовершенства лесной стражи, которая, спуская вины одним, вводит тем в соблазн других, наконец, от новизны самых запрещений, число которых с каждым годом увеличивается».

Кроме указанных статей, особенно любопытную показала нам статья г. Фирсова «Открытие народных училищ в Пермской губернии». По литературному своему достоинству это едва ли не лучшая статья «Сборника». Назвав г. Фирсова, мы вспомнили, что уже встречались с этим именем в литературе. В конце прошлого года г. Фирсов поместил в «Русском педагогическом вестнике» статью о воспитании девиц в Пермской губернии. Мы не знаем этой статьи, потому что «Педагогический вестник», как известно, составляет большую библиографическую редкость (и охота г. Фирсову помещать свои статьи в подобных изданиях!). Но в 68 № «Русского дневника» была рассказана по этому поводу очень любопытная история, к которой мы и отсылаем любознательных читателей, заметив только, что она, по нашему мнению, несколько не компрометирует г. Фирсова...

Что касается до статьи г. Фирсова в «Сборнике» — она замечательна по тому живому, реальному воззрению, с которым автор приступает к своему предмету. Подобное воззрение еще ново в нашей науке, оно должно еще завоевать себе место на этой арене, по которой ползают дряхлые ученые. У нас до сих пор господствует формальность воззрений, не проникающая в жизнь, довольствующаяся книгами, да и в книгах отрицающая все, что отзывается чистой реальностью. Для наших ученых — если издан закон, так это значит, что он уж и вошел жизнь народа; коли кто получил публичную одацию значит, что он популярность имеет; коли в школах преподаются такие-то предметы, значит, что образование процветает, и т. д. А что было на деле, как принимался народом известный закон, какие обстоя-

тельства вынудили одацию, чему ученики выучились, на это ученые господствующей у нас школы и не думают обращать внимание. «Как можно больше форм и слов, как можно меньше дела!» — вот их тайный девиз, обыкновенно прикрытый громкими фразами... Но теперь с каждым годом он становится яснее для массы простых, неученых людей с каждым годом смешнее становятся ученые карлики роющиеся в пыли и составляющие понятие о жизни, людях по плевкам, оставшимся на песке, через который проходили толпы. Еще мало людей живого воззрения в нашей науке; но уже довольно того, что они есть. Как скоро они начинают появляться, старые формалисты отжили!..

К числу людей живых принадлежит, несомненно, г. Фирсов. В его статье рассматривается открытие народных училищ в Перми в 1786 г. Кажется, ясно, о чем тут следует толковать? Училище открыто — это факт, теперь надо объяснить этот факт, то есть показать: когда, при ком открыто оно, какие лица в нем были начальниками и учителями, какой был устав его, какие науки преподавались, по каким методам и т. д. Но г. Фирсов задал себе другие вопросы; он повернул дело вот как: открыто училище, — какие же отношения установились между ним и народонаселением? что оно хотело и что успело сделать для народа? Вопросы эти несравненно труднее и глубже, и для их разрешения нужна не одна кропотливость и терпение, — нужен и здравый смысл и сочувствие к благу народному. Мы не станем рассказывать все содержание статьи г. Фирсова: его исследования приводят к убеждению, что пермское училище, открытое в 1786 г., представляло собою один из печальных образчиков того, что вообще делалось тогда в России с училищами вслед за формальным их открытием. Но мы не можем не привести некоторых мест из статьи г. Фирсова, дающих понятие о его взгляде и изложении.

Рассказав подробно акт открытия училища, г. Фирсов приводит, между прочим, речь учителя Назаретского по этому случаю, утверждающую, что древняя Греция уже ничто пред тогдашнею Россией, что «уже вводится все местное просвещение, яко надежнейшая подпора, утверждающая благосостояние народа», что теперь «и погруженный в мрачном невежестве вогулич восприимет участие в славе просвещенных сынов российских», и пр. Приведя эту речь, г. Фирсов говорит (стр. 148):

«Прошло с тех пор семьдесят лет, а между тем вогулич и с ним его братия — татары, вотяки и другие — еще не принимали участия в славе просвещенных сынов российских, оставаясь по-прежнему в невежестве; да и масса русских в Пермском краю, да и во всей России, успела ли в эти семьдесят лет стать лучше своих дедов и прадедов, сбросила ли с себя ярмо суеверий, предрассудков, неурядицы? Привила ли к себе начала истинного порядка, любви к ближнему, сознания своего человеческого достоинства — эти истинные плоды образования народного, для произращения которых и учреждаются училища? Где же это народное образование, которого ждали от народных школ Назаретский и другие мыслящие люди старого времени и которому бы уступила образованность древнего грека? Где же это внешнее благосостояние и нравственное богатство, которые должны были, по их словам, войти в жизнь народа, вместе с образованием, долженствовавшим распространиться посредством училищ? А ведь училища, в течение этих семидесяти лет, в своем складе улучшались, умножались, преобразовывались, и между тем современный нам русский человек, отвечая на эти вопросы, все-таки придет к убеждению, что еще далеко не выросли мы до той мерки, чтобы иметь право сказать: мы образованный народ».

Для объяснения этого явления, действительно очень странного, г. Фирсов обращается к вопросу о значении вообще школы в жизни народа и указывает

два требования, необходимые для того, чтобы школа имела благотворное влияние. Первое требование относится к самой цели образования, предположенного школою, второе к внешним условиям ее существования. Мы приведем вполне рассуждение автора об этом предмете (стр. 149—151):

Школа есть один из главнейших проводников образования в народ; в этом, кажется, сомневаться никто не станет. Но дело в том, что под образованием, которое хотят провести чрез учебные заведения в народ, нередко самые учредители школ разумеют совсем не то, что составляет истинное образование, разумеют часто под словами «образовать ум и сердце» — не свободное развитие духа человека, а известного рода цели, более или менее односторонние, нередко эгоистические; понятно, что такие учредители школ всегда хлопочут, под видом образования, только о том, чтобы училища, ими учрежденные, поставляли людей именно так образованных, как они понимают это слово, и для достижения этой цели предписывают бесчисленное множество правил, долженствующих определить каждый шаг воспитанника, каждое действие школы. Не мудрено, что училище, которое обязано образовывать питомцев по известной мерке, не пойдет далеко, будет не привлекать к себе, а отталкивать от себя большинство, массу; потому что инстинкты массы никогда нельзя обмануть, каким бы громким титулом ни прикрывалась цель заведения. Так схоластические школы в средних веках, иезуитские школы в новых — никогда не пользовались доверием, уважением со стороны массы народной; потому что те и другие, под вывескою образования, преследовали узкие цели, удовлетворяющие людям известного направления, но не удовлетворяющие всем сторонам человеческого духа.

С другой стороны — положим, что учредитель школы понимает образование как следует, хочет посредством школы развить свободно-разумного человека, без задней мысли о своих личных интересах; но этим

еще не будет все сделано, чтобы иметь право требовать от школы поставки истинно образованных людей, благотворного ее влияния на страну, среди которой она основана. Школа прежде всего существует не среди ангелов и не для ангелов, а среди людей и для людей, у которых есть свои понятия, привычки, верования, потребности, отношения, обуславливающиеся местом, временем и другими обстоятельствами и обнаруживающиеся всегда в известных формах. Выступая с своими началами, школа должна заявить их тоже в видимых формах, сообразных самым этим началам, и должна иметь под рукою достаточно материальных и нравственных средств для их осуществления; стало быть, школе должна быть дана такая организация, которая бы вполне соответствовала цели свободно-разумного развития, ни одною своею частию не противореча ей; то есть лица, которым вверяется школа, должны быть поставлены вне всякой зависимости от разных общественных отношений, в своих взаимных действиях быть чужды характера полицейства, должны проникнуться одним духом, иметь в виду одно только свободное развитие питомцев; для этого им должны быть даны достаточные материальные средства и способные понимать истинное образование и в духе его действовать — педагоги или учителя. Если же школа дурно управляется, если правящие ею, забывая об ее цели, в своих действиях руководятся правилами, принесенными бог весть откуда, — правилами, может быть, пригодными для казарм, но совершенно противными этой цели; если школа в своем содержании пробаивается кое-как, с грехом пополам; если учителей набирает она, не разбирая, может ли каждый из них быть воспитателем, может ли привить семена истинного образования к питомцам, а так, для комплекта, то не пойдут далеко школа, не принесет долго плодов истинного образования стране, в которой и для которой существует, хотя бы цель, указанная ей, именно заключалась в истинном образовании.

И основа школы может быть надлежащая, и управление ею может быть целесообразно, и средства ее материальные могут быть вполне достаточны, и учителя ее могут иметь нужный педагогический такт, и все же, при этих благоприятных условиях, школа не вдруг произрастит плоды, если только общественный и семейный склад народонаселения, среди которого она основана, диаметрально противоположен ее началам, если интересы его и потребности — другие, чем потребности школы. Осуществите идеал школы среди народа, который задавлен деспотизмом, у которого одна забота, как сохранить жизнь свою, не умереть с голода, — и не скоро влияние ее отразится на жизнь этого народа.

О ходе образования в России г. Фирсов говорит также с большим сочувствием к делу образования в его высшем, благороднейшем значении. Мы надеемся, что доставим удовольствие нашим читателям, если приведем еще страницу, представляющую сжатый, но полный силы и правды очерк развития русского общества и народа (стр. 180).

Развитие русского народа шло так болезненно, долго, что свет истинного образования, долженствовавший внести силу в его больной остов, не вдруг мог подействовать на него благотворно, не вдруг мог сдружиться с ним. Сначала вековая борьба государственных стремлений с родовыми преданиями, с требованиями князей, крестьян, при постоянном давлении отовсюду извне, потом кровавая победа государства над противогосударственными элементами, долговременное, в течение целого XVII столетия, брожение этих элементов, наконец эпоха Петра Великого — привели народ русский к тому состоянию, в котором несравненно меньшая часть его резко отделилась от массы: с одной стороны, помещик, чиновник и частию священник, с другой — податной и крепостной; первый владеет, управляет, судит, научает; другой торгует, пашет землю и, трудясь до нравственной и физической истомы, вместе с

тем кормит первого, дает ему средства к роскоши, защищает его от внешних врагов... Таковы были отношения между двумя неравными частями русского народа в половине XVIII в., и в это время, когда все громче и громче говорилось и в Европе, а вслед за тем и у нас в России, о правах человеческих, о необходимости образования, — в это время более, чем когда-либо, раздавали крестьян во владении другим, в это время крепче затянул чиновник тот узел, который связывал его с подчиненным. Какими восхитительными красками ни воспой отношение между помещиком и крестьянином, между чиновником, смотрящим на свое место как на вотчину, как на кормление, как сладко ни называй его чем-то родственным, патриархальным, — на деле эту патриархальность не скоро найдешь; по крайней мере в XVIII в. ее не существовало; напротив, обе половины враждебно смотрели друг на друга. Не мудрено при этом quasi-патриархальном складе нашего быта, когда одна часть находилась в крепости у другой, — не мудрено, что голоса, возвышавшиеся в пользу истинного образования, в пользу признания прав человеческих, в пользу свободного развития человека, в пользу необходимости трудиться на благо общее, оставались, и прежде половины XVIII в. и после того, голосами вопиющими в пустыне и не были слышны ни тою, ни другою частию: одна часть не хотела слышать этих воззваний потому, что в таком случае ей нужно бы было расстаться с опекою над другою, а другая... другая, пожалуй бы, и рада слышать их, да что толку в этом для нее?.. Эти воззвания к ней походили на приглашение к связанному по рукам и ногам и лежащему пластом в грязи, выраженное хоть в таких словах: пойдём, любезный друг, гулять! — Не мудрено, что народные училища, на которые возложен был труд распространить в России образование, шли чрезвычайно туго, и нет ничего удивительного, если пермские народные училища разделяли участь с своими собратьями; ибо тот общественный

склад, о котором мы говорили, лежал со всеми своими темными сторонами и на почве пермской.

Затем, говоря о пермском народе, г. Фирсов замечает, что здесь условия были в некоторых отношениях еще неблагоприятнее: отдаленность края от высшей власти способствовала увеличению произвола чиновников и их безнаказанности, вся страна сделалась жертвою немногих тунеядцев, сам народ в течение многих годов не только не смягчил нравов своих, но закалился в грубости, тем более что население было составлено из различных элементов, враждебных друг другу. «Одно было у них общее, — говорит автор, — это недоверие ко всему, что носило мундир». Переходя отсюда к пермским училищам, г. Фирсов заключает (стр. 183):

«При таких условиях масса народная не могла почувствовать образованию, даже если хотела принять его, по одному только тому, что оно предлагалось боярами. Ее можно было только силою заставить отдавать детей в училища, — и силою, приказом это и сделано; потому что хотя и старались тогда уверять, что городские общества добровольно изъявили желание завести у себя училища народные, но это было говорено для красоты слога; на самом же деле малые народные училища открыты по приказанию генерал-губернатора Волкова, что подтверждает очень наивно рапорт к нему чердынского городского головы. Да притом массе народной, при ее забитости, духовном растлении, недоступны были те начала, с которыми выступали народные училища; она если и понимала нужду в образовании, то под образованием она разумела простую грамотность, умение читать и писать в той степени, чтобы хотя поспорить с подьячими. Таким образом, легко объяснить, почему некоторые простолюдины в Пермском краю не хотели отдавать детей в малые народные училища, тогда как охотно посылали их на выучку к каким-нибудь книжникам, за дешевую цену сообщавшим книжную мудрость».

Нельзя не пожелать, чтобы г. Фирсов изложил, как обещает, дальнейшую историю пермских училищ, и вообще — чтобы он писал сколько возможно больше и чаще. В таких именно статьях, в таких взглядах нуждается наша литература.

Есть еще в «Пермском сборнике» довольно значительный сборник песен, сказок и загадок, собранных в Чердынском уезде, и описание свадебных обрядов города Чердыни, составленное г. Предтеченским. Составитель описания обрядов доказывает, что в пермском населении сохранилась еще память о древних свадьбах *уводом и покупкою*, о которых говорится в летописи. Самые обряды, впрочем, не представляют ничего особенно оригинального и любопытного; в числе сказок есть любопытные, как, например, 8-я сказка: о крестьянине и незнакомом человеке.

В смеси довольно любопытны воспоминания о Феонове, учителе пермской гимназии тридцатых годов, местном сатирике и пасквильянте. Редакция обещает полную биографию Феонова, и потому мы теперь не станем о нем распространяться. Скажем только, что, по словам заметки, помещенной в «Сборнике», Феонов «подвергся жесточайшим преследованиям, вполне достигшим цели», за стихотворение «К лицемеру», напечатанное в 1825 г. в «Вестнике Европы». В стихотворении изображается лицемер, святоша, и больше ничего, — но тогдашний губернатор Тюфяев принял его на свой счет!..

Любопытно также в приложениях письмо Никиты Демидова заводским приказчикам, писанное в 1788 г. Оно любопытно по манере выражения: через каждые две строчки бранное слово, а иногда и такая тирада: «Проснись, отчаянный, двуголовый архибестия, торгаш и промышленник озерный и явный клятвопреступник и ослушник! Ребра в тебе, ей-же-ей, боюсь, не оставлю за такие паршивые малые выходы!..» и пр. (стр. 57).

Заклучим нашу рецензию опасением, что «Пермский сборник» многих оттолкнет от себя своею высокою ценою. В нем около тридцати печатных листов, а цена его три рубля. Очевидно поэтому, что на большой успех книги сами издатели мало рассчитывали; но, во всяком случае, жаль будет, если такое издание не пойдет.

Современник.
1859. № 10. С. 357-372.

А. Н. Пыпин

Пермский сборник
Повременное издание
Книжка II, Москва. 1860

Мы уже говорили прежде о первом выпуске этого издания и отдали справедливость его дельному составу; вторая книжка столько же серьезна и опять сообщает много сведений об истории, этнографии и сельском быте Пермского края. Впрочем, истории, которые рассказываются здесь, не очень стары; они относятся уже к восемнадцатому столетию и к нашему благополучному времени, и конечно, не проигрывают от этого в интересе. В «Сборнике» приведено несколько документов о Пугачевском бунте, об осаде города Кунгура в 1774 г.; передается биография архимандрита Иакинфа, деятельность которого относится ко второй половине прошедшего столетия; г. Зырянов рассказывает о смутах, происходивших в Шадринском уезде в 1842 г., — все домашние истории, в которых хорошо отражается внутреннее положение страны, отдаленной от центра государства и часто делавшейся жертвой безурядицы. По словам статьи об архимандрите Иакинфе, «в прошедшем пермского края было много личностей, которые по разным причинам невольно останавливают на себе внимание исследователя старины: поставленные вне всяких условий умом, нередко деньгами, а иногда про-

сто грубою физическою силою, они творили чудеса, которым теперь с трудом веришь». К числу таких личностей принадлежал Иакинф, бывший настоятелем Долматовскаго, а потом Пыскорского монастырей; с именем его тесно связаны воспоминания о народных волнениях, известных под названием «Дубинщины» и о Пугачевщине в зауральской части Пермской губернии. Иакинф, сын священника, переселившегося в Тобольскую губернию из Великороссии, был человек неученый, но отличался беспокойной жаждой деятельности, способностью хозяйничать и держать в ежовых рукавицах своих подчиненных, что, конечно, обратило на него внимание начальства, оно скоро воспользовалось его талантами. Он был сначала экономом архиерейского дома в Тобольске, потом сделан был архимандритом и принимал большое участие в управлении епархией; особенное умение водворять порядок убеждением в мерах строгости он показал в 1762 г., в эпоху «Дубинщины», когда обнаружилось сильное волнение в монастырских вотчинах, желавших освободиться от монастырской власти. Недовольные были так озлоблены, что хотели истребить всех монахов Долматовского монастыря, а в особенности архимандрита Иакинфа; крестьяне вооружились чем попало и держали монастырь в страхе, — но архимандрит не оробел, призвал вовремя военную команду и бунт был укрощен с обыкновенной жестокостью: больше полутора человека были нещадно биты кнутом и плетью. Пугачевщина снова подняла недовольное население этого края, и под стенами Долматова явилось до трех тысяч русских и башкирцев; им хотелось овладеть укрепленным монастырем, который был бы для них выгодным военным пунктом: мятежники встречены были множеством простого народа, который с белыми перевязями через плечо, стоял толпами по обеим сторонам дороги. Но Иакинф заранее позаботился укрепить монастырь сильнее прежнего, и хотя сам он, может быть из предосторожности, еще прежде выехал

из монастыря, Долматов выдержал осаду. Он воротился туда уже после водворения спокойствия, но все-таки с военным конвоем. Заботясь о монастыре, Иакинф, несмотря на отчисление вотчин от монастырей, сумел удержать за Долматовым разные угодья, не забывая при этом и своих собственных выгод. Управление его было совершенно деспотическое. В 1765 г. дошли до Петербурга с жалобами двое из его духовенства на жестокое обращение архимандрита, который «наказав их плетью, принудил в окровавленных одеждах совершать литургию». В Петербурге, разумеется, велели исследовать дело на месте, а местная канцелярия, конечно, признала эти жалобы клеветой. Еще несколько раз жаловались на Иакинфа, но дело опять кончалось ничем, изветы объявлялись затейливыми; жаловались на него и в Пермь, но наместническое правление отсылало его подчиненных к нему же, советуя только растворять строгость «благоснисхождением». Кончилось тем, что архимандрит был в 1793 г. убит крестьянами. Биография этого архимандрита любопытна вовсе не как исключение, но как довольно обыкновенная черта из нашей провинциальной жизни, прошлого столетия, история нашей областной администрации и крестьянского быта богата примерами подобного необузданного самовластия, долго и безнаказанно угнетавшего не только простой народ, но и другие сословия и наконец вызывавшего всеобщее раздражение: восемнадцатое столетие имело в этом отношении свои корни в семнадцатом веке и вообще в старой России, и передало свои результаты позднейшим поколениям. В этой истории мы найдем много фактов для объяснения народного характера, как он представляется нам в настоящую минуту. Рассказ г. Зырянова о событиях в Шадринском уезде в 1842 г. передает современную историю, в том же роде: крестьяне возмущались целыми селами, потому что между ними разнесся слух, что их хотят продать «под барина»; они по-своему поняли

распоряжения правительства, обвиняли своих голов и писарей в предательстве и отказывались от повинования. Виной всех беспорядков были, конечно, притеснения ближайших властей, которые не имеют доверия поселян и от которых последние не ожидают добра: оттого и благотельные распоряжения часто не достигают своей цели. Шадринцы прежде всего заподозрили своих сельских и окружных начальников... Они, впрочем, скоро были усмирены военною командою, которая их вразумила.

Нынешний выпуск «Сборника» включает также много любопытных этнографических материалов. Г. Рогов составил довольно подробное описание быта пермяков, первую часть которого он напечатал прежде в журнале «Министерства Внутренних дел». Настоящая статья посвящена описанию их материального быта, свадебных и других обычаев, праздников и т. д. При этом автор приводит много песен, конечно, не пермяцких, а русских, перенятых пермяками. Г. Бурдин, крестьянин Пермской губернии, сообщил «причитанья» по покойникам в Кунгурском уезде; г. П-ий напечатал много свадебных песен, с описанием обрядов, сохранившихся в Чердынском уезде. Несмотря на то, что у нас издано уже много свадебных песен, пермские песни остановят на себе внимание людей, занимающихся изучением народного быта, потому что весьма хорошо сохранились: в пермских захолустьях народные обычаи имели, конечно, больше возможности остаться нетронутыми в их старинной форме; вместе с ними и песни меньше подверглись нововведениям и порче, которые приходят с новыми обычаями. Во многих из этих песен еще слышится особенно живо связь с народным бытом, с которым они еще не расходятся, как это случается в других местах. «В сказках и притчах», записанных г. Зыряновым, находятся рассказы о донских казаках, воевавших с басурманским султаном, о лесовиках, богатыре Аксенке и легенды вроде издан-

ных г. Афанасьевым, о солдате и нечистом духе, о наказании неблагодарных детей и т. п. Их, впрочем, собрано немного.

В третьем отделе «Сборника», посвященном промышленности и торговле Пермского края, приведены сведения об Ирбитской ярмарке, ее истории и торговых оборотах в настоящее время. Теперь это главный торговый пункт между Россиею и Сибирью: по сумме оборотов Ирбитская ярмарка уступает только нижегородской. В 1854 г., до Крымской войны, сумма привоза превышала 37000000 руб. сер.; во время войны она сильно упала и в 1856 г. доходила только до двадцати миллионов. Не меньше интересна другая статья, представляющая «примеры исследования быта крестьян в хозяйственном отношении». Автор статьи в самом начале отказывается следовать официальным статистикам в определении хозяйственного положения крестьян и приводит тому совершенно благоразумные основания. Вот как рассказывает он о собирании официальных статистических сведений.

«Статистические сведения о посевах у крестьян хлеба, урожаях, числе скота и прочих предметах экономики крестьянской, собираемой по распоряжению правительства, редко бывают верны, даже приблизительно. Это происходит частью от нежелания крестьян выказать настоящее свое имущество по разным причинам, частью от неумения их выразить употребительными мерами количество и число припасов, коих они к тому же сами почти никогда не меряют, почитая это некоторым образом за грех. Всем известно, что наш пчеловод-крестьянин никогда не скажет, сколько у него чурок (ульев) в лесах и ни за что их не укажет, из боязни, чтобы злой глаз не «изурочил» (то есть не сглазил). Точно так же «лесник» (зверолов, охотник) только тогда покажет шкурки добытых им зверей, когда принесет их снятыми и высушенными на рынок, и то старается продать в разницу, дабы не

удивлялись большому числу шкурок, которые он даже и сам боится считать. Если векошника встретите в лесу, то ни за что не узнаете, сколько у него белок в пестере (ранец, плетеный из лыка), а куница завернута у него в несколько тряпок и так укрыта, что ее не скоро и найдешь в нем. Даже застреленного на облове и убитого в тенетах волка, — причем бывает множество тенетчиков, ревунов (загонщиков) и стрелков — тотчас положат на розвальни, покроют сеном и тенетами, и так провезут, молча и без всякого шума, в деревню до дому, где обыкновенно снимают шкуры. Такая скрытность необходима, по мнению крестьян, для будущего успеха ловли. Иначе, если не принадлежащие к облове люди, особенно в деревнях бабы и девки, обхают и изурочат убитого волка, то другие в тенёты уже никогда более попадать не будут. Предрассудки эти так глубоко укоренились в народе, что от них несвободны даже довольно образованные люди. Мне знаком один священник, искусный и деятельный пчеловод и вместе почтенный и набожный человек. «Сколько же у вас добыто ныне меду?» — спросил я его однажды. «Да так, слава Богу, есть немного!». «Да сколько же?». «Бадьишки с две...». А между тем мне известно было, что кладовая его заставлена полными бадьями. Как же тут добраться до истины?.. Причины, глубоко укоренившие скрытность в характере нашего крестьянина, замаскированную, в свою очередь, дикими и бессмысленными на первый взгляд предрассудками, ясны в наше время для всякого мыслящего человека; а потому я, проходя их молчанием, прямо обращаюсь к результатам этой скрытности, насколько они относятся к русской статистике».

Мы еще недавно читали в газетах, каким образом собирались еще в нынешнем году статистические сведения в Калужской губернии: собиравший их грамотей счел долгом поставить цифры во всех графах присланной ведомости, и в одном маленьком городке,

принадлежащем, конечно, исключительно греко-русской церкви, насчитал несколько десятков человек католического и протестантского духовенства обоего пола, а в особом примечании заметил, что такового в городе совсем не находится; в числе раскольников отметил сколько-то евреев и т. п. Автор статьи в «Сборнике», чтобы исполнить свою задачу, оставил все официальные пути и собирал сведения частным образом через людей, не состоящих к крестьянам в начальнических отношениях, и потому довольно надежных. Он делит крестьян на несколько разрядов по степени их достаточности, для каждого берет несколько примеров и подробно перечисляет доходы и расходы каждой семьи, принятой им за образчик. Совершенно справедливо замечает он, что для точности данных о силе и достатке крестьян нужно брать в расчет весь годовой оборот прихода и расхода крестьян и по денежному и по материальному капиталу их, собирать сведения не к сроку, а постепенно, чтобы можно было характеризовать хозяйственный быт крестьян в периоды многолетние, а не только годовичные. В виде опыта представляет он свои материалы, и создается опять, что и при этом способе более верно может быть частное, а не официальное исследование.

В смеси помещено много любопытных мелких статей и заметок о пермских нравах, народных промыслах и хозяйстве и проч. «Сборник» вообще остался верен своему дельному направлению и мы от души желаем успеха предприятию его редакции.

Современник.
1860. № 5. С. 62-66.

М. Л. Михайлов

Пермский сборник

Повременное издание

Книжка первая. Москва. 1859

«История Пермского края», говорит программа издания, первая книжка которого лежит перед нами, «произведения и различные особенности его природы, местные условия, более или менее благоприятные для его благосостояния, его промышленная деятельность, образ жизни и язык различных племен, населяющих губернию, — вот предметы, изучению которых посвящается предпринимаемое в городе Перми издание «Пермского сборника». Нам неизвестно, кому принадлежит первая мысль этого предприятия, неизвестно имя редактора нового издания; но все заставляет предполагать в них людей истинно просвещенных, понимающих великую пользу, какую могут приносить для изучения России подобные местные сборники. Издатель не назначает определенного срока для выпуска следующих томов, но, нет сомнения, наша публика сумеет оценить дельное предприятие и даст средства явиться в скором времени второй, третьей и т.д. книжкам. Большая часть статей, помещенных в первой книжке, представляют общий интерес, не говоря уже об интересе ученом. Сборник разделяется на четыре отдела. В первом, посвященном историческим статьям и материалам, касающимся пермского края, мы находим как введение «Краткий исторический очерк заселения и цивилизации пермского края», составленный г. Александром Крупениным. Автор сумел в этом небольшом очерке представить главные черты постепенного образования населения пермского края, развития главнейших, составляющих характеристическую сторону его, отраслей промышленности, введения и успехов христианства, заведения училищ и распространения образованности в народе. «Общий вывод из всего этого, — заключает автор

свою статью, — громко говорит в пользу жителей нашей отдаленной области. Составленное из разнородных стихий, из людей большею частью пришлых, но поэтому самому уже более развитых, чем оседлое земледельческое население внутренних провинций, сплоченное сколько мерами правительства, столько же единством интересов и необходимостью дружного стремления к совокупной разработке представляющихся средств к жизни, население пермского края сделалось деятельным, сметливым, переимчивым. Конечно, духовно-нравственное развитие этого населения не везде представляет зрелище утешительное... массы нуждаются еще в образовании, более ясном сознании человеческого достоинства и с первого взгляда кажутся довольно грубыми. Но где же в России не повторяются подобные явления? Еще настает только время просветления, пробуждения России от векового забвения, ясного понимания язв и недостатков общественных. Еще только подняты вопросы общечеловеческие и разрешение их надо предоставить времени; вдруг, ни с того ни с сего ничего не делается. По крайней мере значительно развитое, в сравнении с другими местностями, внешнее благосостояние и общее стремление к улучшению своего быта служит порукой, что здешнее население не остановится на пути прогресса и скорее чем где-либо достигнет той цели, к которой так горячо стремится каждое русское сердце, — истинно человеческого образования». В этом случае нам хочется от души верить г. Крупенину. Самый сборник, в котором он высказывает эти мысли, есть то же свидетельство в пользу большого нравственного развития пермского края сравнительно с другими нашими провинциями. Если бы везде находились люди с таким желанием изучать прошлые судьбы и настоящее состояние своей местности, с таким желанием совершенствования своему краю, пример какого представляет «Пермский сборник», счастливая будущность, о которой

мечтает вместе со всеми истинно честными умами г. Крупенин, много приблизилась бы к нам.

Вслед за статьею г. Крупенина напечатаны две статьи об эпохе, крайне интересной для нашей новейшей истории, и до сих пор совсем почти не разъясненной. Это «Пугачевский бунт в Шадринском уезде и окрестностях его», статья г. Александра Зырянова, и «О мерах предосторожности, которые принимаемы были пермскими заводами во время Пугачевского бунта в 1774 г.», статья г. Д. Планера.

До сих пор «История Пугачевского бунта» Пушкина остается единственною попыткой изобразить в полной картине эту мятежную пору. Как поверхностна вышла эта картина из-под пера Пушкина, каким ложным светом осветил он ее, чувствовалось многими при самом первом ее появлении. Теперь, когда время от времени начинают выходить издания домашних и правительственных архивов, подробности события, опущенные (должно думать, не преднамеренно) Пушкиным, труд его все более и более бледнеет. Собственно говоря, это и не исторический труд в строгом смысле, а дилетантически небрежный очерк, без должного вникания в сущности событий, без серьезного обсуждения фактов. Художественность изложения может, пожалуй, обмануть с первого разу, и заставить приписать «Истории» Пушкина достоинства, которых у нее нет; но это лишь на первый раз. Замечательнее всего то, что Пушкин, имевший возможность слышать еще многое об этой замечательной эпохе из уст очевидцев, возможность, которой уже не существует для исследователей нашего времени, ничем не воспользовался из этих устных преданий. В этом случае как будто изменила ему его художественная натура. Или он приписывал больше важности писанным документам, каким бы официальным характером они не отличались, и не очень доверял рассказам стариков? С этими рассказами многое безвозвратно пропало для картины, которую будет нам рисовать будущий историк этого времени. Свидетельства очевидцев

важны именно тем, что они дают должный колорит и характер фактам, которого лишает их изложение официальное. Вспомним, например, отрывок из записок Мертваго в «Русском вестнике». Автор говорит, по-видимому, лишь о себе, а между тем его личные приключения для нас дороже, чем подробные реляции о передвижении войск, о количестве пленных и проч. Там, несмотря на отрывочные, мелкие по-видимому, сведения — яркие черты эпохи; здесь, при всей обстоятельности и последовательности известия — лишь намеки на истинный характер времени. Не знаем, есть ли еще чьи-нибудь записки о Пугачевщине в роде записок Мертваго; если есть, они, вероятно, не погибнут и явятся рано или поздно в свет. Об них нельзя хлопотать так, как о документах и материалах, которые знаешь, где искать. Вот собрание этих-то материалов должно быть пока главною заботой. Пересмотреть все местные архивы, если возможно даже сохранившиеся частные корреспонденции в тех краях, где было волнение, извлечь из них все замечательное и сохранить от гибели — было бы большою заслугой для истории. У нас до сих пор безвозвратно гибнут не одни устные рассказы. Обременение наших архивов громадными переписками и делами, не представляющими ровно никакого значения, невольно заставляет смотреть очень равнодушно и даже с пренебрежением на эти бесполезные массы бесполезно исписанной бумаги. Строгого разбора и отделения важных дел от неважных не существует, и при каком-нибудь несчастном случае, пожаре, наводнении, гибнет часто весь архив, а если что и спасается, то спасается случайно. Нам известно, например, что в уфимском губернском архиве есть два довольно толстых дела, относящихся к мелким беспорядкам, которыми отзывался пугачевский бунт и после потопления его, но ни одного листа не осталось от бумаг, относившихся к самому времени бунта. Куда они делись? Как можно предполагать, их истребил, вместе с ненужным письменным хламом, большой пожар, бросившийся между прочим и на присутственные места. Вероятно, не

все в этом пожаре погибло, потому что иначе как бы уцелели два помянутые дела? Но из того что уцелели именно лишь они, ясно, что все зависело от случайности. Поэтому нельзя не благодарить от всей души редакции «Пермского сборника» как за напечатанные в первой книжке материалы, так и за обещаемые для следующих книжек. В выноске к статье г. Зырянова, составленной на основании найденных им в местных архивах дел, редакция говорит, что «...располагает достаточным количеством статей, относящихся по своему содержанию как ко времени пугачевского бунта, так и к происходившим в другие времена волнениям в народонаселении той или другой местности в пермском крае. Все эти статьи составлены на основании данных, большею частью доселе неизданных, и если в них проскользнет иногда недостаток современного взгляда на события и искусства группировки их, то без сомнения статьи эти имеют по крайней мере всю цену материала для специалистов-историков». В этой же выноске мы видим и просвещенный взгляд самой редакции на эпоху Пугачевщины. Единожды выразив его, она не только может, но и должна не стесняться не совсем правильными воззрениями авторов статей об этом времени. Тут главное — факты; а ими, например, очень богата не отличающаяся особенно проницательностью статья г. Зырянова, и читатель все-таки останется за нее чрезвычайно благодарным. Переделывать эти неправильные взгляды не всегда возможно, исключать их тоже, потому что часто они бывают тесно связаны с изложением фактов, и тогда требовалось бы перестраивать совершенно самое это изложение. Взгляд самой редакции таков: «Пугачевский бунт, — говорится в выноске, — не был явлением одной только местности — Яика; напротив, он охватил весь восток европейской России; повсюду поднялся народ против тогдашней власти и, между прочим, это волнение обнаруживалось более или менее в каждой местности и пермского края. Было бы конечно односторонне и крайне поверхностно объяснять причину этого явления тем, что, вот

де некто злодей Емелька Пугачев назвал себя императором Петром III, а простой народ вдался в обман и восстал против законной власти; утверждать так значило бы отрицать всякой человеческий смысл у волновавшегося миллионного населения. Между тем при обнародованном запасе материалов об этом предмете трудно еще дать положительный ответ на то, из каких дурных соков народного быта скопился этот недуг, как видно зачавшийся в общественном теле задолго до 1773 г., выступавший наружу и прежде этого времени, да и после, только с переменою своего названия и в неодинаковых размерах. Наука вполне объяснит это явление конечно только тогда, когда в обладании ее будут находиться все примыкавшие к нему частные события».

Из двух статей «Пермского сборника» о Пугачевщине особенно интересна и обильна фактами статья г. Зырянова. Г. Зырянов с особенною подробностью рассказывает осаду мятежниками Долматова монастыря, расположенного на возвышенном левом берегу реки Исети, в 158 верстах от Екатеринбурга, и приводит замечательную полемику между осаждающими и осажденными. На требование предводителя осадившего монастырь отряда покориться и признать в Пугачеве законного государя, монахи отвечали убеждениями мятежникам возвратиться к порядку и спокойствию. Эти убеждения отличались то ироническим характером (в начале), то богословско-философским. Пуще всего опирались осажденные в своих рассуждениях на то, что препровожденный к ним манифест рукописный, а не печатный. «Как неизвестно (писали они) что всякой монарх вступает на престол правления тишиною и весьма полезным всему обществу спокойствием; а как ваш мнимый государь Петр III, император, в своем ложном и то письменном, а не печатном манифесте, всему обществу в сведение не предъявил, где он и в каких местах чрез двенадцатилетнее время находился и для чего только в одну Оренбургскую губернию вкрался, простых, нашу братию, мужиков, особливо от

прочих мест ослепленных не везде прельщать и приводить в конечную пагубу и награждать склонившихся к нему — крестом и бороною, травами и морями и всякою вольностью, чем мы и без его награждены от милостивой нашей монархии довольствуемся; крест Спасителя нашего всякой из нас православный христианин чтит и покланяется, а бороды природные у всякого по человечеству имеются; растущие на ней волосы по своей воле кто стрижет и бреет, а иной и отпускает, в том принуждения никому нет; травами же и морями мы без награждения вашего довольны и недостатка никакого не имеем». Видя, что голословные убеждения не действуют, монахи вздумали образумить осаждающих свидетельством церковным. Они писали: «А ежели кровопролитное злодейство с нами делать усилится, то возбранная и Победительная Воевода, Пречистая Благословенная Богоматерь нас защитить может. Так спасла царствующий град Константинополь от Скифского воеводы, свирепого зверя кабана и потопила в море многочисленные его полки. Сверх того, она ж, Пресвятая Богоматерь, при зачатии здешней обители, чрез чудотворный ее образ, который и ныне здесь в обители, какие okazала верному сыну церкви и отечества монаху Долмату благодетельства, о том прилагается при сем в кратком показаны повесть...». Но и это не помогло. Походный атаман Пестерев, управлявший осадой, отвечал на совет прочесть повесть о монастыре очень неуважительно. «Полученное ваше вторичное письмо (писал он монахам), в коем изволите напрасно продолжительные о храме Божиим и о прочем прописывать законы и все доказательства выбирать, токмо нам никогда и свободного времени нет, как желаем вас благополучными получить в склонность, а без склонения и усердного поклонения не отойдем, а единственно имеете ожидать сей в половине ночи на себя храбрый пушечный удар...». Осада вероятно кончилась бы плохо от осажденных, если б на помощь к ним не подоспел генерал-поручик Декалонг со своими солдатами.

Остальные статьи исторического отдела не представляют для большинства такого интереса, как три первых, но зато в них много любопытных данных для будущих историков пермского края, назовем между прочим статью г. профессора Ешевского «Заметка о Пермских древностях», к которой приложено четыре таблицы рисунков. Менее всего удовлетворила нас статья г. Фирсова «Открытие народных училищ в Пермской губернии». Два-три интересные факта тонут тут в бездне многословия и пустых подробностей.

Второй отдел «Пермского сборника» посвящен этнографии, и здесь находим мы превосходное по множеству помещенных в нем народных песен описание свадебных обрядов города Чердыни, составленное г. Предтечинским из материалов, полученных редакцией от бывшего учителя чердынского уездного училища, г. Мальцева. Менее интересны, но заслуживают тоже внимания песни и сказки, записанные в Шадринском уезде. Из собранных г. Мальцевым песен мы приведем одну, полную грустной поэзии русского домашнего быта. Она принадлежит к числу так называемых плачей:

Поднимались да тучи грозныя
Со все да со четыре стороны —
Со северныя сторонушки и с полуденныя,
Со восточныя и со западныя.
Все тучи да прокатилися,
Едина туча да воротилася,
Воротилася да становилася
Над батюшков да над широкой двор,
Над матушкин да над высок терем.
В те поры я прилучилася
Среди батюшкова широка двора.
Как и грянули громы рьянские —
В те поры-то я испужалася:
Подсекло мои да резвы ноженьки;
Просветили молоньи светлыя —
В те поры да приужахнуло ретиво сердце,
Опалило да трубчату косу;

Как и вянули (подули) да ветры буйные —
 Разбило мои да русы волосы
 По единому волосочику;
 Лянули (хлынули) да дожди частые —
 Замочило мою девью красоту.
 В те поры у меня молодешеньки
 Замутились да очи ясные,
 Покатились да горючи слезы.
 Я тожно (тогда) млада догадалася...
 То каки да тучи грозный?
 То пришли да сваты свататься
 К моему родиму батюшку.
 То каки да громы рьянские ?
 Запоручили мою буйную головушку.
 То какая молонья светлая?
 То засвечены да свечи воску ярова
 Перед чудными пред иконами.
 То каки да ветры буйные?
 То наехали мои да милы подруженьки.
 То каки да дожди частые?
 То мои да горючи слезы.

В отделе «Смеси» мы с особенными сочувствием остановились на воспоминаниях г. Киттары о докторе Грале, одном из тех чистых и благородных деятелей на пользу общую, память о которых сохраняется долго благодарным потомством. Редакция «Сборника» предполагает знакомить своих читателей с такими личностями, жившими и действовавшими в пермском краю. К воспоминанию о Грале прибавлена статейка «Нечто о Феонове». Феонов был учитель главного народного училища, а потом гимназии в Перми. Он отличался большим остроумием и писал очень забавные стихи. Вот, между прочим, один из рассказанных в статейке анекдотов. Феонов, заболевши, послал просить к себе доктора Граля. Посланный возвратился с известием, что Граль ставить пиявки губернатору Тюфяеву (теперь давно уже умершему) и раньше как через час быть не может. Фео-

нов, весьма не любивший Тюфяева, написал по этому случаю следующую эпиграмму «Доктору Филантропу».

Ах, Граль! Как жаль,
 Что мало знаешь ты людей!
 Пиявки ставишь там,
 Где нужно ставить змей!»

Издание «Пермского Сборника» очень хорошо.

Н. А. Шелгунов

[О «Пермском сборнике»]

В отделе третьем «Пермского сборника», посвященном географии, статистике, естественным наукам и сельскому хозяйству, помещена между прочим статья г. Теплоухова «Краткое описание лесохозяйства в пермском майорате графов Строгоновых». О ней помещаем суждение специалиста.

Статья эта, составленная г. Теплоуховым, главным лесничим пермского майората графов Строгоновых, интересна не столько сама по себе, сколько по отношению к другому вопросу вообще к лесному делу России. Грешно сказать, чтобы Россия могла щеголять своим лесным хозяйством, лесничие казенных лесов, вооружившись всеми атрибутами своей высокой науки, прозванной когда-то г. Шелеховым чрезвычайно удачно сосновой метафизикой, утверждают, на основании учения германских лесоводов, что леса могут процветать только в руках правительства, а частным владельцам даже расчетливее истреблять свои леса. В подтверждение такого мнения, немецкие учебники представляют даже целые математические выкладки, доказывающие как нельзя убедительнее, что если частный владелец понимает не сколько лесоводство, то он должен непременно превратить свой лес в пашню. Приглядываясь к лесам России,

начинаешь несколько сомневаться в непреложности такого учения, не веришь в целостность казенных лесов, и доходишь до убеждения о необходимости продажи казенных лесов в частные руки. Что в этой идее нет ничего особенно смелого и что частные владельцы в состоянии сохранить леса лучше, чем казна, убеждает частью и статья г. Теплоухова. Вот в чем именно, по нашему мнению, заключается ее главный интерес.

Первая мысль о введении хозяйства в лесных дачах пермского майората принадлежит графине Софье Владимировне; но для этого нужно было иметь знающих людей и устроить толковую администрацию. Графиня поручила дело г. Теплоухову, изучавшему лесоводство в Саксонии, в Тарантской академии. Г. Теплоухов начал с приготовления лесничих в школе земледелия и горнозаводских наук графов Строгоновых в С.-Петербурге. Летом он занимался со своими учениками лесной съемкой, лесоустройством и другими практическими работами по лесному хозяйству, а зимой знакомил их с теоретической стороной предмета.

В течение восьми лет — с 1839 по 1847 год — г. Теплоухов приготовил двадцать пять съемщиков и лесничих, которые были отправлены в Пермскую губернию, и переселился наконец и сам туда же. Это было в 1847 г. Как всякое серьезное занятие, лесоустройство подвигалось медленно, постепенно, опираясь беспрестанно на опыт. Приходилось иметь дело не столько с лесами, сколько с народом, привыкшим считать леса своими.

Работы начались с подробной съемки всего имения на план, а как велик был этот труд, можно судить из того, что во всем имении считается 1,024,502 десятины земли единственного владения и в том числе 525,685 десятин лесу.

В этой работе заслуживает особенного внимания то, что для уравнивания земляных участков, находившихся в пользовании крестьян, и для равномерной раскладки денежных сборов уголья крестьян снимались особо. Подоб-

ная работа в частном имени тем более замечательна, что в пермском майорате считается 167,230 жителей — и из них 78,064 человека мужского пола — размещенных в 2680 отдельных жителях. При осмотре имения, в начале работ, было найдено — в местах малонаселенных изобилие и даже излишек в лесу, а в населенных частях — крайний в нем недостаток. Нетронутые рощи, большею частью перестойные, отличались всеми недостатками первобытных лесов, участки же, из которых делались отпуска леса, были испорчены беспорядочной выборочной рубкой. Деревья ценных пород и крупных размеров начинали совершенно исчезать, крестьяне пилили и рубили лес без всякого ограничения, — кто где хотел.

Вместе со съемкой прорубались в лесах просеки: обводные, деляночные, лесосечные, пожарные и дорожные. Этим начато было собственно лесоустройство. Длина всех просек составляет более четырех тысяч верст.

Для прекращения истребления лесов и для легчайшего их охранения принята с 1850 г. мера, указанная местными обстоятельствами, и действительность которой давно уже признана в казенных лесах, именно: образование больших сплошных лесных площадей под названием заказных лесных участков. В заказники заведено 216,973 десятины лесу, 4,126 десятин крестьянских пашен и 4,366 десятин крестьянских покосов. В замене угодий, поступивших в состав заказных рощ, крестьяне получили вознаграждение частью из пустопорожных мест, т. е. болот и земель, негодных для роста деревьев; а частью оставлены без всякого вознаграждения, если пользовались землями самовольно или имели много других угодий. Такая мера может быть очень хороша и находит себе полное оправдание в теории местного кадастра и местного лесоустройства, но выполнение ее на деле едва ли могло нравиться крестьянам. Неужели замену пахотных и сенокосных пространств лесными болотами и землями, негодными для роста деревьев, можно

назвать вознаграждением, и что значат какие-нибудь восемь тысяч десятин, когда площадь имения считается тысячами тысяч. Обстоятельство это объясняется лучше всего известной слабостью лесничих возможно увеличивать пространство лесных дач. Этой болезнью страдают особенно саксонские лесничие и их ученики. В Саксонии, например, где недостаток пахотной и сенокосной земли заставляет жителей переселяться в Америку, а лесов так много, что на каждое семейство приходится 2,06 акра, казенные лесничие, для округления границ лесов, а больше из любви к посевам и к посадкам, скупают от частных владельцев земли и делают на них лесные культуры. Такой же любовью к лесу, ради леса, отзывается и пермское лесоустройство, по которому на заброшенных покосах, в ельниках, или на бывших выгонах, предположено делать искусственное разведение рошей «посадками». Для непосвященных в таинства «лесной науки» может быть совершенно непонятным, почему г. Теплоухов написал слово посадки курсивом, а между тем в курсиве-то и высказалась вся лесоводственная глубина. Ученому лесничему тут все ясно, пред ним воскресают все давно забытые и давно умершие споры о преимуществах посевов пред посадками и посадок пред посевами, ему ясно рисуется и вред от мышей и *cuniculio pinii* и наконец победа, одержанная посадками не только в Германии, но даже и в пермском майорате. Теперь всякому не лесничему должно быть совершенно ясно, что по местным обстоятельствам пермской губернии посадка там и выгоднее и благонадежнее посевов. Но этого еще мало; любовь к культурам завела пермских лесничих так далеко, что искусственным лесоразведением они думают положить основание лесопольному хозяйству, которое, по мнению г. Теплоухова, при хорошем направлении и достаточном числе образованных лесничих обещает у нас в России огромные выгоды для владельцев лесов и земледельцев. «Можно сказать, — замечает далее автор, — что наши предки, со времен Рюрика, трудились толь-

ко над одною частью лесопольного хозяйства, т. е. разводили пашни на месте срубленных лесов. Теперь же русским лесоводам предстоит дополнить это хозяйство, т. е. поля, потерявшие плодородие, обратить в лесные роши». Идея вполне справедливая, в применении к Пермской губернии и вообще к лесистым местностям, но едва ли могущая быть общим правилом для всей России; достаточно быть знакомым несколько с условиями курской и воронежской губерний, чтобы не делать из лесопольного хозяйства такое общее лекарство для всех истощенных русских пашен.

Администрация в лесах графов Строгоновых устроена так хорошо, что может служить полезным уроком для многих из наших лесовладельцев. Всех должностных лиц состоит при лесах 243 человека, т. е. один главный лесничий, шесть окружных и заводских лесничих, три помощника, двадцать семь смотрителей (непосредственные начальники лесной стражи), двадцать объездчиков и 174 стража.

При введении порядка в охранении лесов главное внимание было обращено на предупреждение пожаров, этого первого бича русских лесов, и дело начали с запрещения расчистки огнем лесных новин.

Замечательна незначительность числа разных самовольств, сравнительно с числом самовольных порубок в казенных лесах; в 1856 г. лесной стражей было уличено 5087 виновных против лесных правил, установленных для лесов Строгоновых, в том числе тридцать три человека из государственных крестьян. Своевольство государственных крестьян сопровождается обыкновенно насилием и буйством, поэтому сторожа и смотрители лесов, боясь за свои плечи и головы, ловят их редко.

Чтобы обрисовать лучше тонину внутреннего распорядка и степень влияния на него саксонских лесных учреждений довольно будет сказать, что в проступках против установленных лесных правил принято восемьдесят шесть степеней.

На потребности горных заводов и жителей имения было отпущено в 1856 г.: дров 113,084 куб. саж., березнику на лучину 2,668 куб. саж., строевого лесу 344,457 бревен, поделочного 33,782 бревна, липовых деревьев на лубья и мочало 26,841, лыка на лапти 4,777 возов; жердей и кольев 457,102 шт., мелкого березняка на оглобли и на другие поделки 102,078 шт.

Относительно экономии в употреблении лесных материалов г. Теплоухов говорит следующее: «Все строения возводятся на фундаментах или стойках; в холодных постройках, вместо цельных бревен, употребляют тес. Прежде крестьяне брали на дрова только стволы деревьев, а на корчевание пней не хотели употреблять труда и даже не знали пользы корчевания. Ныне дорожат они и пнями и кореньями; собирают на дрова всякий валежник, даже сучья. И вся эта экономия основывается не столько на недостатке и дороговизне леса, сколько на желании и твердой воле помещика — оградить свои леса от истребления и упрочить навсегда хорошее их состояние».

Нельзя не поблагодарить г. Теплоухова за сообщение этой статьи — она может послужить полезным уроком и не для одних помещиков.

*Русское слово.
1859. № 10. С. 37-49.*

С-н

Пермский сборник

С оживлением вообще нашей литературы оживилась и усилилась умственная деятельность в наших провинциях. То там, то здесь беспрестанно задумываются и приводятся в исполнение новые литературные и учено-литературные предприятия. «Саратовский сборник», «Южный сборник», «Волжский вестник», «Киевский телеграф» и тому подобные издания, совершаемые чисто местными средствами, лучше всего доказывают, что,

несмотря на размножение столичных журналов и газет, по-видимому притягивающих к себе все наличные средства литературы, в деятелях нет недостатка. Перед нами первая книга «Пермского сборника» — издание, которое, без сомнения, заинтересует не одних пермских жителей, но которое займет довольно видное место в русской литературе, если только будет продолжаться в том же направлении, с тою же добросовестностью, с какою издана первая книжка. Цель «Пермского сборника» — знакомить со всеми сторонами прошедшего и современного состояния интересного Пермского края. Издатель не обязывает себя перед публикой срочным изданием книжек «Пермского сборника», из которых каждая должна составлять отдельное целое и отвечать сама за себя. По принятому издателем плану, каждая книжка делится на четыре отдела: отдел первый — история, куда войдут: статьи, касающиеся различных национальностей, вошедших в состав пермского народонаселения, их образа жизни и т.д., статьи, имеющие своим предметом отдельные события, отозвавшиеся тем или другим образом на состоянии края, исторические очерки отдельных местностей, городов, селений, заводов и т.п., биографии замечательных личностей, исторические очерки администрации, административных и общественных учреждений, археологические заметки и пр. Второй отдел посвящается этнографии. Сюда должны войти, сверх обработанных статей и исследований, песни, сказки, предания, словари местных наречий и т.д. В третьем найдут место статьи, относящиеся к географии, статистике, естественным наукам и сельскому хозяйству, наконец, в четвертом — смесь и прибавления.

В вышедшей теперь книге «Пермского сборника» самый богатый по числу статей отдел — историко-археологический. Кроме одной статьи общего содержания, именно «Краткого очерка заселения и цивилизации Пермского края» Алекс. Крупенина, все остальные представляют частные исследования, разработку самих

материалов, большею частью до сих пор неизвестных, и мы не задумываемся отдать преимущество такого рода монографическим исследованиям перед статьями, которые хотели бы представить полную картину страны или ее истории, когда нет еще многих данных, и приходится ограничиваться одними догадками или предположениями. Как часто бывают неверны подобные общие изображения, к сожалению, доказывает сама статья г. Крупенина. Достаточно сличить отзывы автора (стр. 30) об общем сочувствии, с каким встречено было пермскими жителями основание главного народного училища в Перми, с теми фактами, которые приведены г. Фирсовым, заимствовавшим их из подлинных документов, и которые ярко характеризуют и безотрадное положение училища, и равнодушие к нему населения, и безурядицу управления. О статье г. Фирсова мы скажем, впрочем, несколько слов далее. Чрезвычайно интересны две статьи «Пермского сборника», относящиеся к истории пугачевского бунта. Вот что говорит издатель в примечании к первой из них: «Редакция „Пермского сборника“ располагает достаточным количеством статей, относящихся по своему содержанию как ко времени пугачевского бунта, так и к происходившим в другие времена волнениям в народонаселении той или другой местности в Пермском крае. Все они составлены на основании данных, большею частью не изданных...» и пр. (стр. 47). Статьи: г. Зырянова «Пугачевский бунт в Шадринском уезде и окрестностях его» и г. Планера «О мерах предосторожности, которые принимаемы были пермскими заводами во время пугачевского бунта в 1774 г.», составляют часть имеющегося в редакции материала, и материала тем более ценного, что его до сих пор недоставало историку царствования Екатерины II. Статья г. Зырянова составлена на основании подлинных дел, хранящихся в архивах различных присутственных мест Пермской губернии. Она бросает яркий свет на состояние края в 1773 и 1774 г. Волнение быстро распростра-

нилось в Шадринской области. В то время причислявшейся к Оренбургской губернии. Уже в декабре 1773 г. обнаружилось восстание между башкирцами. Скоро к ним присоединились русские слободы, а военных сил для защиты края почти не было: их нужно было ждать из Сибири или призвать к оружию местное население, крайне ненадежное. Местное начальство Исетской провинции, в которой главным городом был Челябинск, набрало из крестьян 1300 человек, названных казаками и вооруженными чем можно было. Значительная часть новобранцев при первом же случае перешла на сторону мятежников. Шайки бунтовщиков встречаемы были в селениях с большим сочувствием; даже священники забывали свою присягу и во многих местах встречали с крестами мятежников. Скоро Челябинск был осажден и едва было не взят с изменою челябинских же казаков. Возмутительные листы самозванца взволновали всю окрестность. Повсюду, где было можно, образовывались новые шайки. Скоро, кроме Челябинска, был осажден и другой важный пункт Исетской провинции — Далматовский мужской монастырь. Сюда явились мятежники из-под Челябинска, по приглашению некоторых тамошних крестьян. К Далматову привлекало их многое. Монастырь был укреплен и в случае успеха доставил бы мятежникам хороший опорный пункт для дальнейших действий, в монастыре предполагались сокровища, наконец, местные жители готовы были помогать мятежникам. Далматовский монастырь владел большими вотчинами, и за 12 лет до Пугачева монастырские крестьяне подняли так называемую дубинщину. Их ненависть была обращена особенно против архимандрита Иакинфа, и правительство по усмирении восстания отобрало в экономическое управление монастырские вотчины. При Пугачеве настоятелем монастыря был тот же Иакинф. Не дожидаясь мятежников, он уехал в Тобольск за помощью и оттуда письмами увещевал братию к мужественной обороне. Мы не будем останавливаться на под-

робностях осады и освобождения, но не можем не указать на любопытную переписку между предводителями мятежников и осажденными, вполне приведенную г. Зыряновым. Она интересна потому, что показывает, как легко было действовать смелому самозванцу среди неразвитого и невежественного сообщества. Вот, например, как отвечали далматовцы на первое увещательное письмо мятежников: «От долматовского общества — известного государственного злодея, бунтовщика и беглого с Дону казака Емельки Пугачева — походному атаману Прохору Пестереву: „О благополучии вашем известие сюда от вас, через мужика, здешнего крестьянина, прислано, в коем смешнова достойные прописаны бредни, чему никоим образом статься не можно, да и помыслить ужасно, чтобы покойному государю императору Петру Третьему прежде чаемого общего воскресения из мертвых одному воскреснуть. Правда, будет общее всем воскресение, но как святое писание нам доказывает, что праведные воскреснут в живот вечный, а грешные на мучение вечное, и так разумеется, что тем воскресшим не понадобится тогда ни царю престола своего, ни богатому имения своего, а воздаст Бог каждому по делам его. А сия гнусная чучела, назвавшись таким ужасным для России именем, наподобие якобы воскрес из мертвых и желает похитить самим Богом узаконенную власть грабежами, разбоем и кровопролитием, чего в целом свете не слыхано. А как не безызвестно, что всякий монарх вступает на престол правления тишиною и весьма полезным всему обществу спокойствием; а как ваш мнимый государь Петр III, император, в своем ложном и то письменном, а не печатном манифесте, всему обществу в сведение не предъявил, где он и в каких местах через двенадцатилетнее время находился и для чего только в одну Оренбургскую губернию вкрался, простых, нашу братью, мужиков, особливо от прочих мест ослепленных не везде прельщать и приводить в конечную пагубу и награждать склонив-

шихся к нему — крестом и бороною, травами и морями и всякою вольностию, чем мы и без его награждения от милостивой нашей монархини довольствуемся; крест Спасителя нашего всякий из нас православный христианин чтит и поклоняется, а бороды природные у всякого по человечеству имеются; растущие на ней волосы по своей воле кто стрижет и бреет, а иной и отпускает, в том принуждения никому нет, травами же и бородами мы без награждения вашего довольны и недостатка никакого не имеем. Он же бы ваш называемый государь Петр Третий, император, мог в главный столичный город Москву легко вступить, которой, как вы пишете, якобы уже и покорен, а когда он (яко государь) был сперва на столице, то бы мы добровольно ему преклонились и никакого препятствия делать не стали...» и пр. Последние слова совершенно напоминают грамоты городов во время смут междоусобия. Кто признан Москвою, тот признается и областями. Еще большим колебанием и нерешимостью отличается третья и последняя отписка далматовцев к атаману мятежников. Здесь уже ни слова не говорится ни о самозванстве, ни о Пугачеве. «Вам дается знать, — пишут далматовцы, — когда он, его императорское величество (ежели он жив и имеет, по отрицательном своем от российского престола под клятвою письме, законную причину воспринять паки скипетр Российской Империи), во-первых, прибыл, подобающе честию и славою в столичный город С.-Петербург или Москву и оттоль бы слал, за подписанием своей руки, печатные манифесты, то бы могли без всякого сомнения верить и без препятствия в должное подданство придти. А то, рассудите вы сами, “что мы, будучи обязаны присягою должного подданства всероссийской монархии, государыне императрице Екатерине Алексеевне, и ея законному наследнику, как можем увериться, пришедшему неведомо отколь, не в столицу российскую, но в один Оренбургской губернии край и в полые места человеку, без всякого до-

казательства назвавшемуся таким большим по России именем, ибо и апостол в своем послании говорит: не всякому веруйте...» и пр. Как на дополнение к статье г. Зырянова, укажем на статью протоиерея Плотникова за 1859 г., составленную по монастырским документам и потому представлявшую несколько новых подробностей против рассказа г. Зырянова, но в то же время отличающуюся несколько односторонним взглядом на расположение светских властей при защите монастыря.

Вторая статья «Пермского сборника», относящаяся к истории пугачевщины в Пермской губернии, извлечена из дел горнозаводского управления. Заводское начальство, ввиду грозившей опасности, немедленно приняло необходимые меры предосторожности и прежде всего старалось обезоружить заводское население, слишком ненадежное. Так, в январе 1774 г. на аннинском заводе, самом близком к возмущившимся селениям, предписано было «у служителей и обывателей имеющиеся сабли и копыя отобрать, а чтобы они из находящихся у них топоров и кос-горбуш сделать сабли не могли и с оными против нас к сопротивлению идти, то всему тому учинить обыск и по обыску описать и взять, а им, служителям и обывателям, для домовою надобности, оставить только в пятом доме по топору». Статья имеет в виду преимущественно события по заводам; но из дел оказываются и некоторые подробности, относящиеся к действиям против мятежников и в других местностях Пермской губернии. В связи с предыдущими статьями находится и заметка г. Зырянова об Улугушской крепости, устроенной жителями деревни Улугушской Шадринского уезда, для защиты от взбунтовавшихся башкирцев.

Статья Г. Фирсова «Открытие народных училищ в Пермской губернии» составляет введение к предпринятому труду «Историко-статистическое описание учебной части в Пермской губернии». Источниками служили описание открытия главного народного училища, со-

ставленное первым директором пермского училища пастором Герингом, и дела пермского приказа общественного призрения, с 1785 по 1791 г. Акт открытия сопровождался торжественными речами и описаниями, в которых, как и следует ожидать, много говорено было о быстрых успехах образования в России. «Если чудился некогда свет глубокому просвещению древней Греции, которое приобрела она в многие века, то Россия неоспоримое имеет право присвоить себе пред нею первенство в степени оно, до которого достигла во время, не составляющее и одного столетия. Ибо, воедино благоденственное царствование Екатерины Вторыя, Империя Российская, пред очами всего света, столько получила приращения в знаниях и искусстве, что если б древний грек был свидетелем такового события, то бы приписал оное действие многих веков». Не забыт был и чисто местный элемент — полудикие инородцы, призываемые к участию в славе просвещенных сынов России. 22 сентября 1786 г. открыто было главное народное училище в Перми, через три года — малые училища в семи уездных городах губернии. Из приказа общественного призрения отпускались суммы на содержание училищ; некоторые частные лица сделали пожертвования. Учителя в главное училище были присланы из С.-Петербурга. Начавшееся дело образования встретило для себя сильное препятствие столько же со стороны общества, смотревшего на училища с равнодушием, если не с неприязнью, сколько и со стороны дурно устроенного управления. Училища зависели в своих средствах от приказа общественного призрения, и часто удовлетворение самых необходимых потребностей училища останавливалось, за неимением этих средств. Первые директора не могли израсходовать без длинной переписки с приказом денег на бумагу, потребную для двух полугодичных рапортов о состоянии школ (стр. 168). Преподаватели с трудом иногда добивались своего заслуженного жалования и жаловались на крайнюю нищету. Содержание ка-

зенных воспитанников было чрезвычайно скудной, и одна крайность могла заставлять родителей отдавать своих учеников в училище. В главном училище в конце 1786 г. было 36 учеников, в семи малых училищах Пермской губернии — 237. Статья г. Фирсова очень любопытна как по сообщаемым ею подробностям, так и по общей характеристике состояния училищ и причин, вызвавших это печальное состояние. В приложении помещено несколько писем П. В. Заводовского, председателя комиссии об учреждении народных училищ, и несколько других документов, извлеченных из местных архивов. Относительно древностей мы находим в историческом отделе «Пермского сборника» две статьи священника Словцова: «Описание устройства деревни в Соликамском краю в XVI веке», составленное на основании современных актов, из которой видно, что деревню размещал отдельный дом с принадлежащим к нему строением, и определение двух древних единиц веса сыпучих тел, которых имена пропущены в записке для обозрения русских древностей, изданной в 1851 г. археологическим обществом. По исследованию о. Словцова, одна из этих мер, именно сапца, была кадь весом в 6 пудов. Эта мера употреблялась в Пермском краю, по крайней мере, до второй половины XVIII в. Другая единица меры, позмог, была частью сапцы, но какою именно, сказать трудно, хотя автору и хотелось бы доказать, что она равнялась $\frac{1}{24}$ части ее, или 10 фунтам.

Статья г. Ешевского «О пермских древностях» составляет род программы для составления археологического описания Пермской губернии, для собирания или приведения в известность археологических данных, относящихся к истории древнейших обитателей Пермского края. Кроме того, сообщено описание и рисунки чудских вещей, находящихся в собрании г. Ешевского. Г. Зырянов поместил небольшую заметку о курганах Шадринского округа.

Этнографический отдел почти весь занят большою статьей г. Предтеченского «О свадебных обрядах города Чердыни». Со всеми подробностями описаны многочисленные обряды, до сих пор существующие на чердынских свадьбах; приведены и самые песни (числом 67), поющиеся в это время. В заключение своей статьи г. Предтеченский говорит следующее: «Количество обрядов, удержавшихся в чердынской свадьбе, вообще говоря, довольно малозначительно в сравнении со всею массою общественных и общеупотребительных в простонародной русской свадьбе обрядов, в сравнении даже с тем богатством их, которое хранится в самих пределах Пермской губернии. Нет надобности поименовывать их: довольно заметить, что ни в начале, ни в середине, ни в конце свадебного действия многие обряды вовсе не употребляются, равно как и те типические речи и причитанья, которые так хорошо рисуют древнее время.

Оттого личности свекрови, тысяцкого, свахи друзей, одни из самых характеристических личностей в древнем родовом нашем быте, в чердынской свадьбе являются довольно бесцветными. Наконец, и те обряды, которые удержались в чердынской свадьбе под влиянием новейшей гражданственности, до того сгладились, что мало уже отличаются от формальных или обрядовых действий, сложившихся под условием быта современного, и часто трудно заметить, тот или другой факт должен ли быть понимаем как обряд и остаток старины или он есть произведение позднейшей, к нам ближайшей гражданственности» (стр. 107). Кто прочел со вниманием любопытную статью г. Предтеченского, тот едва ли вполне согласится с заключениями почтенного автора. Нам кажется, он уже слишком требователен. Если в обрядах других местностей Пермской губернии отдаленная старина выступает с большею яркостью, с более определенным и ясным характером, нам остается только жалеть, что автор, очевидно близко знакомый с делом, не привел этих более резких фактов для сличения с чер-

дынскими обрядами; но мы не можем согласиться, чтобы и эти последние были бесцветны и сгладились почти совершенно под влиянием новейшей гражданственности. Две древнейшие формы брака: умычка и покупка невесты, оставили резкий след на свадебных обрядах Чердыни, и в этом согласен и сам Предтеченский. Если внешняя сторона многих песен ясно носит на себе печать нового времени, то этого никак нельзя сказать об их содержании. Жаль, что г. Предтеченский оставил без описания некоторые подробности, показавшиеся ему слишком циническими.

Вслед за статьею г. Предтеченского помещено несколько песен, сказок и загадок из большого собрания, доставленного в редакцию г. Зыряновым и не вошедшего вполне, по недостатку места, в первую книжку «Пермского сборника». Большая часть песен имеет чисто местный характер. Из сказок особенно любопытна одна, в которой незнакомый человек расспрашивает у крестьянина-дроворуба, по скольку он зарабатывает в день и куда деваает эти деньги. Крестьянин отвечает, что зарабатывает по три полтины, из них «перву полтину заемну плачу, а втору взаймы даю, третья же так уходит» (последнее, как кажется, передано не совсем верно; сколько нам известно, должно читать так: «третью полтину псу под хвост бросаю»). Смысл и развязку сказки пусть прочтут любопытные в самом «Пермском сборнике». Как сказки, так и песни напечатаны с соблюдением особенностей местного наречия.

В отделе статистики г. Планер поместил историко-статистическое описание Пермских казенных медеплавильных заводов, в котором, по возможности, извлек из заводских архивов полные сведения о количестве добываемого металла со времени основания каждого завода, о жаловании служащим и о плате за труд рабочим. Сведения о состоянии и действии заводов доведены до 1858 г. Г. Теплоухов, главный лесничий в пермском майорате графов Строгановых, представил описание введения ра-

ционального лесохозяйства и настоящего его состояния в майорате. Майорат графов Строгановых занимает 14000,000 земли. Рациональное лесоводство введено, впрочем, не во всем майорате, а только в тех землях, которые находятся в единственном владении; но этих земель 1024502 десятины, из которых 525685 занято лесами. Какое огромное количество лесного материала требуется ежегодно, можно судить уже по тому, что население майората по 10-й ревизии состояло из 167239 душ обоего пола, что в нем считается 2680 отдельных жилищ, то есть заводов, сел, деревень и однодворков (в лесах) что крестьянских дворов 25794, господских для служителей 166, общественных 158 составляющих собственность служителей 338, мастеровых 1656, солдат 798 духовных лиц 66, купцов и мещан 17, что у крестьян существует 1141 техническое заведение, и т. д. и т. д. Введение рационального лесохозяйства, историю которого рассказывает автор, и которое вынуждалось самою необходимостью, не обошлось, разумеется, без довольно значительных затруднений. Нужно было приготовить способных людей для приведения в известность и для охранения лесов, нужно было бороться с предрассудками и злоупотреблениями всякого рода, с отсутствием сознания в необходимости лесохранительных мер. Как видно из показаний автора о настоящем состоянии лесного хозяйства в майорате, положено уже прямое начало рациональному лесоводству. Леса приведены в известность и разделены на участки. Просеки простираются на 4041 версту; для наблюдения за лесами составлен особый штат из 243 человек; наконец, с возможною немногосложностью устроено лесное судопроизводство и система штрафования за нарушение принятых правил.

К статистическо-этнографическому отделу относится очерк юго-западной половины Шадринского уезда, составленный священником Тихоном Успенским и помещенный в отделе смеси. С особенною полнотою

останавливается автор на быте населения Шадринского уезда, на его занятиях, характере, привычках и т. д.

В этом же отделе дано место и воспоминаниям о замечательных людях Пермского края. Нельзя не порадоваться высказанному редакцией намерению, по возможности, спасти от забвения память тех лиц, которые оставили по себе след в общественной жизни Пермского края и тем или другим образом имели влияние на окружавшее их общество. Русский человек, кажется, довольно забывчив и на хорошее, и на дурное; по крайней мере, он не охотник делиться своими воспоминаниями. Память о многих лицах, приковывавших к себе внимание общества, слабеет с их смертью и часто бесследно исчезает вместе с современными им поколениями. Такова особенно участь большей части провинциальных деятелей. Не раз приходится подумать, что коротка память у русского общества и у русского человека. На первый раз редакция «Пермского сборника» представляет воспоминания о двух лицах, которых память до сих пор еще довольно свежа в пермском обществе. Одно из этих лиц — доктор Граль, умерший в 1835 г. и сорок четыре года посвятивший на служение пермскому обществу. Как велики были общее уважение и признательность, которыми окружали Граля пермские жители видно из того, что его смерть и похороны были действительно событием в жизни губернского города. Не только все городское население от мала до велика провожало почившего до его последнего жилища, но были приезжие за 100, за 200 верст, сошлись крестьяне из всех окрестностей. Воспоминания о докторе Грале драгоценны преимущественно для пермских жителей. Воспоминания о Феонове далеко не лишены общего интереса. Феонов был сначала учителем Пермского главного народного училища, потом учителем пермской гимназии. Живая, талантливая натура, он сгорел в бесплодной борьбе с пошлостью и грубостью провинциальной среды, куда забросила его судьба. Его стихотворения по-

мещались в наших журналах двадцатых и тридцатых годов и были очень не дурны для своего времени; но не этими стихотворениями замечателен Феонов: более важное значение имели его сатиры на современное пермское общество, его злые и меткие эпиграммы на пермских временщиков. Феонов погиб потому, что не побоялся клеймить сатирой Тюфяева, тогда всемогущего в Перми и до сих пор оставившего недобрую память во всем крае. До какой степени смел был Феонов, лучше всего доказывает следующий случай: в 1825 г., на торжественном акте гимназии, обращаясь к присутствовавшему Тюфяеву, он прочел свое послание «К Лицемеру», в котором Тюфяеву невозможно было не узнать своего портрета. Не довольствуясь этим и вопреки всем убеждениям, он напечатал это обличительное послание в «Вестнике Европы» за октябрь 1825 г. Выписываем небольшой отрывок из ненапечатанной сатиры на того же Тюфяева тотчас разошедшейся по Перми:

О, чудотворец наш Кирилл!
В Перми ты много натворил:
От Ягошихи и до Слудки
Построил тротуары в сутки;
Наставил буток среди улиц;
Велел брать в часть коров и куриц;
Вкопал столбы для фонарей,
Завел пожарных лошадей
(Возить питомиц на гулянье!)
И подавать велел сигнал,
Когда пожар уж перестал...
Воздвиг ротонды, пирамиды,
Ну, просто, прелесть, что за виды!
Неаполь, Греция и Рим,
Мы знать вас больше не хотим!
У нас своих затей немало,
Каких у вас и не бывало... и т. д.

Пермское общество было поражено неслыханною смелостью, и большинство сочувствовало Феонову.

Правда, это сочувствие выразилось в своеобразной форме. Феонов не нашел поддержки, а тем менее защиты в обществе. Большинство считало его за юродивого, за Божьего человека, с благоговением ловило его слова, готово было, как говорит автор заметки о Феонове, искать пророческого смысла в его речах. С этой репутацией юродивого и сошел Феонов в могилу. Иначе и быть не могло: только Божий человек мог смело бросить перчатку всему окружающему, бороться без усталости и без надежды на победу, бороться потому только, что не мог сжиться с окружавшей действительностью, что упорно отрицало разумность и законность этой действительности. Сколько подобных юродивых погибло неизвестно в разных концах России, приготавливая более твердую почву для будущих поколений, которые часто не могут, если бы даже и хотели, помянуть благодарным словом этих тружеников, не могут потому, что не знают даже имен их. Сатиры и эпиграммы Феонова погибли во время общего пермского пожара 1842 г. Может быть, редакции «Пермского сборника» и удастся собрать кое-что, сохранившееся в устной памяти. Дай Бог, но, во всяком случае, хорошо и то, что сознается необходимость, общественная важность спасти от забвения память бойцов против неправды и невежества.

Для характеристики нравов XVIII столетия не без некоторого интереса письмо Никиты Демидова, от 17 января 1788 г., помещенное вместе с одним предписанием Акинфия Демидова (1742), в прибавлениях к «Пермскому сборнику». Письмо Никиты Демидова адресовано к караванным и заводским приказчикам и содержит в себе распоряжения относительно заводских работ. Демидов нашел много злоупотреблений, и вот в каком тоне пишет он к приказчикам: «Проснись, отчаянный, двухголовый архибестия, торгаш и промышленник озерный и явный клятвопреступник и ослушник, смело-отчаянный кыштымский Блинов! Ребра в тебе, ей-же-ей, божусь, не оставляю за такие паршивые малые

выходы, за торги и промыслы с озерами и за явную такую ослушность и клятвопреступство, и хотя б у тебя десять голов на плечах было, у смело-отчаянного сквернавца Блиненка, то истинно, за все такие вышеописанные дурности и ослушности, все головы твои посломаю и, как рака, раздавлю и вечно в навоз как каналью ввергну. Прочие же ваши резоны о выходах и о прочем, так что б о сварях более не писать, наставляя меня, архибестии, учите и о прочем же мараєте смело-отчаянно-яко нечестивейшие и смелые — все оные резоны бросил в дерьмо. Цыц и пере-цыц, якобы нельзя умножить выходы и переделы, и так меня о сварях учить и мыслить бояться и страшиться, и на весь сей пункт правдиво и обстоятельно писать ко мне». Все огромное письмо написано в этом же роде.

Будем ждать следующих книг «Пермского сборника». Чем более будет в них новых, не изданных материалов для истории, статистики и этнографии, чем более будет исследований на основании местных данных, тем вернее будет обеспечен успех издания.

*Отечественные записки
1859. № 8. С. 134-144.*

В. С. Верхоланцев

Верхоланцев Владимир Степанович (1879, Томск — 1947, Пермь) — педагог, пермский летописец. Закончил Пермскую духовную семинарию, затем Казанскую духовную академию (1905) и историко-филологический факультет Пермского университета (1922). С 1912 г. активно занимался краеведением. В 1913 г. вышли в свет его книги «Летопись г. Перми с 1890 по 1912 год» и «Город Пермь, его прошлое и настоящее». Был членом Пермской губернской ученой архивной комиссии и хранителем ее архива (1912—1918), членом Пермского научно-промышленного музея и заведующим библиотекой музея (1912—1926), членом Общества философских, исторических и социологических наук при Пермском университете (1917—1931), Кружка по изучению Северного края и Пермского общества краеведения. В 1912—1918 гг. входил в состав редакции «Известий Пермского епархиального церковно-археологического общества», где в 1915 г. опубликовал «Перм-

ский летописец священника Гавриила Сапожникова» — первую летопись г. Перми. Публиковался в «Пермских епархиальных ведомостях».

Литература. Периодическая печать

Начало появления в Перми периодической печати нужно отнести к 1838 г., когда впервые в Перми появляется официальный орган «Пермские губернские ведомости». Сначала они представляли из себя исключительно официальные сведения, а впоследствии к ним был присоединен и неофициальный отдел, состоявший большей частью из небольших статей по истории Пермского края. В восьмидесятых годах прошлого столетия деятельными сотрудниками неофициального отдела являются Д. Д. Смышляев и А. А. Дмитриев, помещающие в них ежегодно ряд статей по истории Пермского края. Тогда же в «Пермских губернских ведомостях» начинают появляться корреспонденции из разных мест Пермского края.

Но особенно «Пермские губернские ведомости» оживляются с ноября месяца 1894 г., когда по инициативе начальника Пермской губернии П. Г. Погодина происходит их коренная реформа. С этого времени они начинают выходить в значительно увеличенном размере и становятся в ряд лучших провинциальных газет. В них начинают печататься передовые статьи, телеграммы Северного телеграфного агентства, последние известия разных газет и журналов, внутренние и иностранные известия, значительно расширенный отдел местной хроники, фельетоны литературно-исторического и библиографического содержания, отдел «Среди газет и журналов», корреспонденции из провинции, иногда библиография и смесь. К сотрудничеству в газете привлекаются лучшие литературные силы губернии. Так, начинает выступать местный даровитый поэт С. А. Ильин, интересные фельетонисты Кричевский и Скугарев (псевдоним Гукс); местный историк А. А. Дмитриев продолжает помещать здесь свои статьи по истории

Пермского края, а преподаватель гимназии Синицын пишет ряд очерков периодической печати. В 1906 г. «Пермским губернским ведомостям» угрожает некоторый кризис, они временно сводятся опять к одному почти официальному отделу, и программа их значительно суживается. Только с 1909 г. в них начинает уделяться внимание изучению местной жизни и обсуждению общественных вопросов.

В конце девяностых годов прошлого столетия в Перми появляется орган либеральной прессы «Пермский край», который, просуществовав несколько лет, прекращает свое существование и возобновляется с 1 ноября 1905 г., но он скоро опять прекращается и возникает опять ненадолго 19 марта 1906 г. под именем «Камский край». В 1910 и 1911 гг. продолжалась неоднократная попытка появления «Пермского края», но вскоре он прекратил свое существование.

С февраля 1906 г., когда развилась в Перми партийная жизнь, начал выходить «Пермский вестник» — орган союза русского народа, просуществовавший недолго. Он возобновил свое существование в июне 1912 г. как орган новой партии «националистов», появившейся в Перми, но просуществовал только до конца ноября того же года.

Кроме того, в Перми издаются «Пермские епархиальные ведомости», орган епархиальной жизни, издаваемые с 1867 г. За 45-летний период существования «Пермских епархиальных ведомостей» в них помещено много статей по истории Пермского края и, в частности, Пермской епархии. Выходят они три раза в месяц, каждое 1, 11 и 21 число.

17 апреля 1871 г. Пермской губернской земской управе разрешено издавать «Сборник Пермского земства» книжками в неопределенные сроки. Первым редактором его был первый председатель Пермской губернской земской управы Д. Д. Смышляев, а с начала 1900-х гг. он был заменен еженедельным изданием «Пермской

земской недели» под редакцией Д. М. Бобылева, известного писателя по земским вопросам Пермской губернии. «Земская неделя», представляя из себя орган Пермского губернского земства, знакомит с деятельностью земств Пермской губернии и с жизнью крестьян.

Кроме того, в Перми периодически выходят «Труды Пермского научно-промышленного музея», в котором помещаются научные статьи, и «Труды Пермской губернской ученой комиссии», в которых находят себе место статьи по истории Пермского края.

Помимо перечисленных, в Перми выходят следующие периодические издания: «Врачебно-санитарная хроника Пермской губернии» (с марта 1908 г.), «Северная лесопромышленность» (с 1 января 1910 г.), «Известия счетоводного общества Пермско-Уральского края» (с сентября 1911 г.), «Искусство и жизнь» (с 16 октября 1911 г.), «Вестник землеустройства северного района» (с 1 января 1912 г.) и «Голос долга» — патриотический журнал (с 1 апреля 1912 г.).

Литература г. Перми

Литература, выходящая в Перми и издаваемая пермскими учреждениями и частными лицами, главным образом имеет своей целью изучение настоящего и прошедшего Пермского края. Первая попытка в этом отношении была сделана пермским губернатором Модерахом, под руководством которого составлено «Хозяйственное описание Пермской губернии», отредактированное первым директором Пермской гимназии Н. С. Поповым. Это обширный и беспримерный по тому времени труд, заключающий в себе массу материала о Пермском крае. По словам знатока пермской истории Н. К. Чупина, «до появления описания Киевской губернии Журавского ни одна губерния не была так хорошо описана, как Пермская». Первое издание этой книги появилось в Перми в 1804 г. в двух больших томах, второе — в 1811–1813 гг. в трех томах.

Далее в начале сороковых годов XIX в. известный писатель П. И. Мельников-Печерский в своих путевых очерках, помещенных в «Отечественных записках», описывал г. Пермь и Пермскую губернию¹.

Но особенный интерес к изучению Пермского края пробуждается в шестидесятых годах, когда появляются труды таких историков Пермского края, как Н. К. Чупин и Д. Д. Смышляев. В 1859 г. Д. Д. Смышляевым выпущен из печати 1-й том «Пермского сборника», где помещены труды преподавателей Пермской мужской гимназии С. В. Ешевского, М. Я. Киттары и Н. П. Вагнера (потом профессоров Московского университета), Н. А. Фирсова (потом профессора Казанского университета), Я. И. Предтеченского и А. Д. Крупенина. Сборник вызвал лестный отзыв известного критика Н. А. Добролюбова как первый труд местной литературы. В следующем 1860 г. Д. Д. Смышляев издал 2-й том «Пермского сборника», но затем, за отъездом Д. Д. Смышляева за границу, издание прекратилось.

В 1873 г. известный знаток Пермского края, директор горного училища в Екатеринбурге Н. К. Чупин начал печатать в приложениях к «Сборнику Пермского губернского земства» и отдельно свой замечательный труд: «Географический и статистический словарь Пермской губернии».

Через два года (в 1875 г.) в печати появляется чрезвычайно ценный труд Д. Д. Смышляева «Источники и пособия для изучения Пермского края».

В 1879 г. в Перми вышел первый опыт истории Пермской епархии — «Великопермская и Пермская епархия» протоиерея Е. А. Попова — труд, ценный в том отношении, что большей части описанного очевидцем был сам автор, но не чуждый крупных недостатков и теперь устаревший.

¹ Эти путевые очерки вошли в полное собрание сочинений П. И. Мельникова, изданное при «Ниве» Маркса.

В следующем, 1880 г., статистическое бюро Пермского губернского земства выпустило обработанные местным статистиком Е. И. Красноперовым «Материалы для сельскохозяйственной статистики Пермской губернии» (выпуск 1-й — Красноуфимский, выпуск 2-й — Шадринский и выпуск 3-й — Верхотурский уезды).

Директор народных училищ Пермской губернии и председатель Пермской ученой архивной комиссии В. Н. Шишонко начал издание материалов о Пермском крае, напечатав 1-й том «Пермской летописи» на средства Пермского губернского земства. В настоящее время вышло семь томов этого издания — представляющих чрезвычайно ценный материал по истории Пермского края.

Второй председатель Пермской ученой архивной комиссии инспектор народных училищ Пермского уезда А. А. Дмитриев с 1889 г. приступил к изданию точно таких же ценных материалов по истории Пермского края под именем «Пермской старины». Всего этого издания вышло восемь выпусков (1-й в 1889 г., 2-й и 3-й в 1890 г., 4, 5, 6-й в 1894 г., 7-й и 8-й в 1897 г.). В 1888 г. в Перми возникает Пермская ученая архивная комиссия, задавшаяся целью изучения Пермского края. В 1892 г. она выпустила 1-й выпуск своих «Трудов», в 1893 г. — 2-й, в 1896 г. — 3-й, в 1901 г. — 4-й, в 1902 г. — 5-й, в 1903 г. — 6-й, в 1904 г. — 7-й, в 1905 г. — 8-й и 9-й, а в 1913 г. — 10-й выпуск. В этих «Трудах» помещено много ценного материала по истории Пермского края и список заслуживающих внимания архивных дел разных учреждений Прикамья.

Кроме того, Д. Д. Смышляев приступил к изданию таких же материалов под именем «Пермского края», которых вышло три тома (в 1892 г., в 1893 г. и в 1895 г.). Последний том вышел уже после смерти автора, под редакцией А. А. Дмитриева.

Исполнившиеся юбилеи средних учебных заведений г. Перми вызвали литературу по истории этих

учреждений. Так, по поводу исполнившегося 100-летия с года учреждения народного училища в г. Перми и мужской гимназии были напечатаны преподавателями гимназии «Историческая записка о Пермской мужской гимназии за 100 лет» А. А. Дмитриева (1886 год) и «Старейшее учебное заведение в г. Перми» А. В. Зверева (1908 г.). В 1886 г. преподаватель Пермской Мариинской женской гимназии В. К. Семченков напечатал «Исторический очерк Пермской Мариинской женской гимназии за 25 лет ее существования (с 1861 по 1886 г.)». 100-летний юбилей духовной семинарии вызвал появление в свет вторичного издания обстоятельного труда одного из ректоров семинарии архимандрита Иеронима (Лаговского) «История Пермской духовной семинарии» в двух темах, «Краткой исторической записки о Пермской духовной семинарии за 100 лет существования» — преподавателя духовной семинарии Н. Н. Новикова и «Список кончивших курс в Пермской духовной семинарии» священника И. Шестакова. В 1886 г. в печати появился исторический очерк Пермского первого городского училища П. Н. Серебренникова.

Кроме того, заслуживают большого внимания следующие отдельные труды по истории Пермского края: «Исторический очерк Пермского края» (1896 г.), «Очерки по истории губернского города Перми» (1889 г.) А. А. Дмитриева, «Исторический очерк Пермской епархии» священника И. Шестакова (1899 г.), «Пермская губерния в сельскохозяйственном отношении», издание губернского земства под редакцией П. А. Голубева (1894 г.), «Пермяки» профессора Казанского университета И. Н. Смирнова и труд под таким же названием земского начальника Яновича, «Описание Пермской губернии в почвенном отношении» профессора Казанского университета Ризоположенского и др.

В 1901 г. вышла подробная географическая карта Пермской губернии, составленная И. Я. Кривошековым.

Попытка сделать географический очерк Пермской губернии была сделана также И. Я. Кривошековым, а затем инспектором Екатерино-Петровского городского училища в Перми Н. А. Бояршиновым в его учебнике по географии Пермской губернии, вышедшем впервые в 1910 г. и в расширенном и дополнительном виде в 1912 г. Особенно количество трудов по изучению Пермского края увеличилось в последние три года. В 1910 г. вышел большой и обстоятельный труд «Географическо-статистический словарь Верхотурского уезда Пермской губернии» И. Я. Кривошекова и «Список населенных мест Пермской губернии по уездам». В том же году вышел труд знатока горной промышленности Урала, долгое время служившего на Уральских заводах, Л. Е. Воеводина «Урал и его горная промышленность в пределах Пермской губернии».

Особенно богатая литература о Пермской губернии вышла в 1911 г., а именно: «Очерк истории Прикамья и Приуралья в эпоху закрепощения» (XVI и XVII вв.) В. Н. Трапезникова, «Иллюстрированный путеводитель по рекам Каме, Вишере и Колве», «Путеводитель по Каме, Вятке, Белой и Уральской железной дороге» Горшенина, «Записка князя Г.Е. Львова по вопросу об открытии высшего технического учебного заведения в северо-восточной части России», «Материалы по орнитофауне Пермской губернии» Ф. А. Теплоухова, «1-й артельный солеваренный завод на Урале» и «Ныробский узник» Н. П. Белдыцкого, «Урал и его богатства» Денисова-Уральского, «Труды XIX съезда агрономов и представителей уездных земств Пермской губернии за 10 лет», «Систематический свод постановлений Пермского губернского земского собрания» (выпуск 5-й, 1870–1907 гг.) и «Труды 1-го съезда лесопромышленников Пермского края».

В 1912 г. вышла из печати книга Неопиханова «Железнодорожные пути Урала», а в 1913 г. брошюра В. Верхоланцева «Летопись г. Перми с 1890 по 1912 г.».

Много также исторических сведений о Пермском крае периодически печаталось в адрес-календарях Перм-

ской губернии и епархии. Описание некоторых сторон быта жителей г. Перми можно встретить в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка и Ф. М. Решетникова¹.

*Верхоланцев В. С.
Город Пермь, его прошлое и настоящее.
Пермь, 1913.*

Я. Камасинский (Я. В. Шестаков)

Шестаков Яков Васильевич (1858–1918) — священнослужитель, публицист, этнограф, издатель. Работал учителем в Чердынском уезде и Юсеевской волости Соликамского уезда. Издавал материалы по истории прикамских церквей, путеводители. Автор более 20 краеведческих сочинений.

Эволюция печати г. Перми

Дай Бог поболее журналов:
Плодят читателей они.
Где есть поветрие на чтение,
В чести там грамота, перо,
Где грамота — там просвещение,
Где просвещение — там добро!

Если и в наши дни, когда о «гласности» и «печати» говорят гласно и заявляют в печати, не оглядываясь назад и не опасаясь карающей руки цензуры, — если и в наши дни в большей части губернских городов центральной России нет своей газеты, и обыватели довольствуются суррогатами прессы, вроде губернских официозов, то нет ничего удивительного в том, что в далекой от центра Перми только недавно, сравнительно, население научилось следить за жизнью родины и «интересоваться политикой». Можно смело сказать, что лет 20 тому назад пермяки узнавали новости тогда, когда

¹ Желаящих подробно ознакомиться с литературой о г. Перми и Пермской губернии отсылаем к книге Д. Д. Смышляева «Источники и пособия для изучения Пермского края» (до 1877 г.) и брошюре В. Верхоланцева «Летопись г. Перми с 1890 по 1912 год».

столица их забывала, а интерес к общественной жизни выражался в клубных сплетнях и разнообразных «небылицах в лицах». Выписывать столичные газеты было верхом либерализма, читать их считалось отчасти предосудительным, так как это значило выделяться из общего уровня, чего провинциальная публика вообще не переносить. Время от времени какой-нибудь из дерзких чужестранцев (по терминологии Евг. Чирикова) пускал корреспонденцию в ближайший «обличительный» орган, когда-то живой и интересный «Волжский Вестник», издававшийся в Казани, и тогда 2–3 номера газеты обходили всю чиновную Пермь, пока тема не истрепывалась вместе с газетной бумагой. Но не любовь к гласности передавала номер из рук в руки, а скорее интерес к «продергиванию». Если корреспонденция затрагивала не отдельное лицо, а целую группу или учреждение, начиналось усиленное искание обличителя и бойкот.

Собственно говоря, в это время уже выходили в Перми три собственных периодических издания: «Пермские губернские ведомости», официальная часть с 1838 г., а неофициальная с 1841 г., «Пермские епархиальные ведомости» с 1867 г. и «Сборник Пермского губернского земства» с 1871 г. Если исключить «Сборник», интересовавший лишь земцев, то остаются два экземпляра своеобразной, лишь России свойственной литературы, интересной только местному обывателю.

Что представляли из себя «Пермские губернские ведомости» в первые 20 лет, — видно из следующего отзыва «Пермяка» (см. «Русский дневник» за 1859 г. № 46).

«Пермские губернские ведомости» пока самые обыкновенные ведомости, т.е. несколько листов довольно грубой бумаги, сложенной in 4°, наполненных официальными объявлениями и изредка завершенных статьею неофициального содержания, а большею частью перепечатками из журналов или объявлением о каком-нибудь столичном издании. Бедность неофициального отдела легко объясняется, во-первых, тем, что ре-

дакция «Ведомостей» в руках заурядного чиновника, во-вторых, что пока не располагает никакими суммами, из которых могла бы давать вознаграждение авторам. Но никак нельзя отговориться недостатком в Пермской губернии материалов, а равным образом и любознательных собирателей их. Как пермяк, я могу с некоторою гордостью сказать, что таких людей много в Пермской губернии, даже больше, чем во многих других. Есть много в губернии образованных и трудолюбивых духовных лиц, управляющих заводами и поместьями, смотрителей и учителей уездных училищ. В самой же Перми, кроме двух-трех лиц не служащих, есть несколько учителей гимназии, которые — конечно, при другой обстановке — могли бы быть полезными деятелями на поприще провинциальной литературы.

Чтоб недалеко ходить за доказательствами, укажу на предпринимаемое в Перми повременное издание «Пермский сборник». Мы знаем, что в распоряжении издателя находится материалов уже почти на три книжки. Первая книжка, которая будет чуть ли не в сорок листов, почти изготовлена к печати; поэтому состав ее не есть секрет. Нам известны, по крайней мере, следующие главные статьи, которые должны ее наполнить: 1) «Краткий исторический очерк заселения и цивилизации Пермского края» Крупенина. 2) «Несколько статей о Пугачевщине в Пермской губернии». 3) «О живописи по древним памятникам Пермской губернии» профессора Янишевского. 4) «Сапца и позмог — две древние единицы веса сыпучих тел, употреблявшаяся в Соликамском крае» священ. Словцова. 5) «О постепенном географическом обозрении Пермской губернии» Чупина. 6) «Лесное хозяйство в майорате графов Строгановых» Теплоухова. 7) «Примеры исследования быта крестьян в хозяйственном отношении» А.Т. 8) «Историческо-статистическое описание округа пермских казенных медеплавильных заводов» Планера. 9) «Монография юго-западной части Шадринского уезда» священ. Ус-

пенского. 10) «Свадебные обряды города Чердыни» Предтеченского. 11) «Несколько замечательных старинных рукописей». 12) Перевод сочинения доктора Церренера «*Erdkunde des Gouvernements Perm*», изд. в Лейпциге (первая часть). 13) «Материалы для указателя сочинений и статей, относящихся к Пермской губернии» Муллова.

В числе сотрудников «Сборника» есть, как видно, и не пермяки. Это доказывает сочувствие к изданию образованных людей, которым известны бескорыстные цели издателя.

Мы говорили о богатстве литературных материалов в Пермской губернии, а потому будет кстати сказать, что и любителей чтения у нас довольно. Доказательство опять налицо. С 1859 г. открыты в Перми две библиотеки для чтения. Первая для чтения книг и журналов открыта компанией из четырех человек: чиновников Ильина, Пупкова, почетного гражданина Смышляева и старшего учителя гимназии Залежского, под управлением последнего и в его доме; вторая, для чтения одних журналов, компанией из профессоров семинарии и делопроизводителя статистического комитета Иконникова, под управлением последнего. Первая выписала в настоящем году 22 русских и иностранных(!) журнала, вторая 26 русских журналов. Выбор в обеих библиотеках вообще очень удовлетворителен. Радует искренно такому проявлению разумной жизни в нашем захолустье и не сомневаемся в успехе доброго дела, особенно принимая в соображение условия, объявленные библиотекою Иконникова и К⁰, которые доступны людям всякого состояния, а именно: за право получать для чтения на дом все выписываемые журналы в продолжение первых двух месяцев со дня получения их в библиотеке, платится в год 5 руб., в полгода 3 руб., в месяц 75 коп., за право чтения журналов во все последующие месяцы платится: в год 4 р., в полгода 2 р. 50 к., в месяц 60 к. Желающие могут записаться на чтение каждого журнала

порознь. Подписывающиеся таким образом платят за право чтения журнала в продолжение первых двух месяцев по получении восьмую часть цены журнала, в продолжение следующих месяцев — десятую часть. Таким образом, чтение одного из самых дорогих журналов, каковы: «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», «Современник», «Русский вестник», «Русское слово», обойдется подписчику с небольшим в 2 руб.; годовое же чтение журналов дешевых, каковы, например: «Листок для всех», «Народное чтение», будет стоить 50—25 коп., и это в первые два месяца; в прочее же время чтение самых дорогих журналов будет стоить: в год 1 руб. 65 коп. и журналов самых дешевых 40—20 коп.

Вот и оправдываются слова поэта:

Дай Бог поболее журналов

Плодят читателей они...

«Было бы что читать, а читатели будут, и будут во всех сословиях!»¹.

Так обстояло дело в городе. Что сказать о деревне? Сюда проникали те же «Губернские Ведомости», проникали потому, что выписка их обязательна для волостных правлений. Народные учителя выписывали «Волжский вестник», навлекая на себя подозрение ближайшего начальства в желании «обличать»; некоторые, кто посмелее, выписывали «Русские ведомости» к вящему ужасу исправника; большинство, конечно, обходилось без газеты. Столичные толстые журналы и до сих пор мало доступны сельскому учителю.

При знаменитом герое Тагила, губернаторе Погодине, зародился ежедневный выпуск неофициальной части «Пермских губернских ведомостей». Так как Погодин, привезши с собою целый штат чиновников, позабыл привезти людей грамотных, то редактором новорожденной газеты сделался местный деятель Раф. Ст. Попов. При нем газета стала выходить ежедневно, кро-

¹ Русский дневник. 1859. № 45.

ме дней послепраздничных, но нераздельно с частью официальной. О литературе «обличительной» не могло еще быть и речи.

Печатались агентские телеграммы в кратком виде, патриотические стихи, исторические справки, невинные вырезки из столичной и приволжской прессы и неизбежная смесь с обиходной рецептурой.

Отделение неофициальной части «Губ. вед.» в особый орган составляет уже крупное событие в пермской хронике. В сравнительно короткое время газета изменяется до неузнаваемости.

Несомненно, выдающуюся роль в истории эволюции печати в Перми сыграл г. В.Я. Кричевский (Кри-Кри), и теперь еще работающий в приуральских газетах. Очень трудно писать о живом человеке, с именем которого в представлении пермяка связан целый ряд громких местных литературных событий. Еще труднее дать его деятельности беспристрастную оценку и преподнести ее пермякам, далеким от беспристрастия. Правда — публика негодовала, правда — его нещадно преследовали, почти ненавидели, но несомненно — его читали. Нельзя не признать за г. Кричевским изумительной опытности газетного техника при довольно умеренных способностях литератора. Человек в высшей степени резкий, он в своей деятельности был так нетерпим и пристрастен, как нетерпимы и пристрастны были по отношению к нему его читатели.

При этом литературном зоиле газету стали выписывать даже те, кто не был обязан это делать; при нём же газета получила право на широкую программу и столичный формат.

Нужно сказать, что, будучи душою газеты, Кричевский не дождался редакторства и до конца занимал секретарский пост. Сыграв свою роль «будильника», он дальше был уже не нужен. К тому же тяжелый характер сделал совершенно невозможным его дальнейшее пребывание в Перми.

Его сменил человек более скользкий и умевший угождать и нашим и вашим, — также своеобразный культуртрегер Перми, но главным образом в спортивном отношении.

В описываемую эпоху «Пермские ведомости», несмотря на тесную зависимость от губернского начальства, на цензуру вице-губернатора, на редакторство полуграмотных советников губернского правления, были органом довольно интересным, хотя с очень колеблющимся направлением, в зависимости от колебания губернского барометра. В губернаторство уважаемого пермяками Д. Г. Арсеньева газета достигла возможного для нее расцвета, но затем, в последнее время, при редакторе Балевиче, не дававшем места материалам по истории края, успела совершенно отошсть и опуститься. В настоящее время газета влачит самое жалкое существование.

В 1897 г. родилась в Перми первая частная газета «Пермский вестник». Несмотря на свое «частное» положение, вернее, благодаря ему, она находилась в гораздо более тяжелых условиях, чем полуофициальный орган, где тогда еще царил В. Кричевский. Оказавшись не в силах выдержать конкуренции с «Ведомостями», имевшими обязательных подписчиков и выходившими под губернским покровительством, первая частная газета в Перми отцвела, не успевши расцвести. Группой интеллигентов делались попытки исхлопотать разрешение на издание большой газеты («Кама»), но успеха они не имели, так как на запрос подлежащих учреждений губернского начальство неизменно уведомляло их о «неимении потребности в частной прессе». Только в 1901 г. вновь родилась маленькая, очень юркая и злая газетка «Пермский край», имевшая свою весьма поучительную историю. Мысль издавать частную газету в городе Перми с определенным направлением назрела давно и лишь в конце 1900 г. была приведена в исполнение. В последних числах декабря 1900 года собрались в помещении редакции газеты «Пермский вестник» бывший ре-

дактор «Вятского края» П. А. Голубев, И. С. Сигов, В. Н. Трапезников, священник Я. Шестаков, г. Сандлер и еще два-три лица, близко стоявшие к изданию «Пермского вестника»; на собрании было решено отправить телеграмму издателю «Вестника» С. А. Басову, находившемуся в то время в С.-Петербурге, чтобы он ходатайствовал пред начальником главного управления по делам печати, кн. Шаховским, о расширении программы «Пермского вестника» и о переименовании его в «Пермский край». Разрешение было дано, но без права печатания передовых статей и фельетонов, с чем не согласились Голубев и Сигов, не пожелавшие принимать участие в газете «без галстука». Здесь работа велась корпоративной редакцией «чужестранцев», здесь работал весь цвет трудовой пермской интеллигенции. В чем другом, а в направлении газеты сомнения быть не могло. Правда, в детском упоении российским марксизмом, газета уверяла иногда, что «Россия никогда не была страной земледельческой»¹, но в общем «Пермский край» — одно из интереснейших явлений в жизни русской провинции. К сожалению, газета погибла под давлением грубой десницы нового помпадур. С 1902 г. потребность в частной прессе, о неимении которой уведомляло Петербург губернское начальство, удовлетворяется... «Вестником объявлений» г. И. Заозерского.

«Пермские епархиальные ведомости» начали издаваться 1 мая 1867 г. В первом номере редакция заявляет, что она «не имеет в виду преследовать какие-либо ученые цели, а будет довольствоваться скромною долею провинциальных газетных деятелей на пользу местной церкви и явится органом мысли и деятельности местного духовенства. В нашем епархиальном органе, как

¹ Это не шутка! В одном из №№ «Пермского края» была помещена перепечатка из московской газеты «Курьер» и сопровождается таким, приблизительно, примечанием: «И до сих пор еще некоторые завзятые народники утверждают, что Россия была когда-то страной земледельческой».

имеющем связывать духовенство союзом любви, мира и труда, отнюдь не будут допускаемы состязания и словопрения, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения, пустые споры (1 Тим. VI, 4, 5). Просим всех наших сотрудников ни на минуту не забывать этой апостольской заповеди. Кому неизвестно, что споры, основанные на самолюбии и честолюбии, равно как и всякая литературная брань, никогда никаких вопросов не разрешают, а только запутывают их, а притом раздражают и распаляют злобные страсти». Вот завет редакции «Пермских епархиальных ведомостей» при появлении их на свет Божий. За все время своего существования «Епархиальные ведомости» выходили еженедельно. При первых двух редакторах — архимандритах Александре и Иерониме деятельными сотрудниками были преподаватели духовной семинарии; о. ректор семинарии, архимандрит Иероним, помещал весьма ценные материалы по истории духовной семинарии. Третий редактор, протоиерей А. М. Луканин, не стеснявшийся гонораром сотрудников, всегда имел ценные материалы из жизни Церкви и духовенства епархии. При дальнейших редакторах гонорар не платился, что отзывалось на качестве материалов, потому что печаталось только то, что присылалось бесплатно. В ближайшее к нам время, с переходом редакции неофициального отдела в заведывание К. И. Любимова, снова оживает епархиальный орган, благодаря приливу ценного материала, оплачиваемого приличным гонораром, с одной стороны, с другой — неподвергаемого «усмотрению редактора. Нельзя не отметить и того обстоятельства, что редакция «Пермских епархиальных ведомостей» не всегда следовала заветам виновников бытия епархиального органа. Поставив своею задачею, между прочим, «не допускать на своих страницах состязания и словопрения, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения и т. п.», редакция в управлении епископа Петра поместила ряд писем чле-

нов духовной консистории протоиереев Григория Остроумова и Иринарха Пьянкова по поводу доходности епархиального свечного завода. Письма эти по своей резкости и недвусмысленности в духовенстве вызвали раздражение, а в простом народе вполне заслуженное глумление. Владыка Петр пред самую свою кончину высказался о ненормальности таких явлениях в следующих, на этот раз правдивых, напутственных словах: «Мы, монахи и священники, должны более всего заботиться о своей душе и не увлекаться мирскими делами, прилежать ко храму Господню и усердным служением назидать мирян. Вот и мы, епископы, нередко живем не так; опомнимся только при конце жизни» (см. «Перм. епарх. ведомости» № 15, 1902 г.).

«Труды Пермской архивной комиссии» выходят периодически, по мере накопления материала. За последнее время, благодаря серьезной постановке дела председателем комиссии В.С. Малченко, изданию трудов комиссии пришли на помощь многие уездные земства, ассигновав на эту цель солидные суммы. Просвещенный председатель комиссии г. Малченко совершенно верно проводил ту мысль, что лучшей заслугой пермской архивной комиссии будет помещение на страницах ее органа замечательных материалов из истории Пермского края ибо изучение прошлого способствует выработке сознания задач будущего.

Издается в Перми статистическим комитетом особый адрес-календарь, но ... к нему можно применить стихи из одной старинной поэмы: «В нем многого не очень много и многого недостает».

Обозревая итоги эволюции печати в Перми, мы приходим к такому заключению. Пермская пресса переживает период умственного застоя. Жизнь течет плавно, тихо, медленно. Общий строй ничем не нарушается, никакие «вопросы» не поднимаются, не вылезают отовсюду непрошенные, не тревожат мысли, спокойно почивающей на существующем порядке. Разверните лю-

бой номер «Губернских ведомостей»: $\frac{3}{4}$ его — перепечатки из столичных газет и лишь кое-где слабые намёки на местную жизнь. Дельные передовые статьи исчезли. Фельетоны — редкость. Местная городская жизнь, это — хроника, отражающая мизерный «кусочек настоящей, большею частью декоративной жизни: архиерейские богослужения, командировки и перемещения чиновников. Изредка встречаются отчеты о заседаниях думы и заметки о театре. Не то мы видим в указателе статей «Губернских ведомостей» за прежние годы. Указатель этот, составленный известным земским деятелем Дм. Дм. Смышляевым и продолженный одним лицом, заинтересованным жизнью Пермского края, включает в себе массу статей по истории, этнографии и развитию горного дела на Урале. «Пермские епархиальные ведомости» дали также немало статей о духовных нуждах Приуральского края. Указатель статей «Епархиальных ведомостей» помещен в адрес-календаре епархии за 1894 г. Многим обязан Пермский край печатному слову «Земского сборника», ратующего на своих страницах о народных нуждах. Что касается преждевременно умершей газеты «Пермский край», то она не только беспощадно выводила на свежую воду все то, что проделывали темные силы в захолустях губернии, но однажды — *horribile dictu* — напечатала целый подбор фактов, с очень неприглядной стороны рисующих местную полицию. Все притаили дыхание от изумления, а полицмейстер Н. С. Какорин должен был оправдываться...

Но нужно верить, что тяжелые условия пермской прессы должны измениться к лучшему; с того момента, как будет прорублено окно в столицы чрез северную железную дорогу, Пермь снова обзаведется частною газетою, которая явится действительно выразительницею нужд местного края. Чиновничьи традиции и помпадурское усмотрение сменятся живою молодою мыслью...

В последнее время в Перми, по примеру культурных центров, стали заявлять о себе отдельные литера-

турные силы чрез особые издания своих трудов. Так, изданы сборник «В память врача Е. П. Серебренниковой», «В Парме» Н. П. Белдыцкого и др. Здесь группа местных писателей, большинство которых сотрудники толстых журналов, обращается непосредственно к читателю и предоставляет ему судить о достоинствах и недостатках своей художественной работы. Изданные сборники о Пермском крае получили широкое распространение. Инициаторы подобных изданий, чуждые рабства мысли и воли, совершенно верно понимают, что свобода слова есть лучшее орудие против плесени и мрака. Бескорыстно работая на общее благо, они настойчиво говорят своим читателям:

Будите мысль, будите жизнь,
На труд разумный направляйте.
Будите мысль, будите жизнь
И лучший век подготавливайте...

Камасинский Я.
Эволюция печати г. Перми
// *Около Камы. Этнографические*
очерки и рассказы. М., 1905. С. 5-16.

ЖУРНАЛИСТСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

А. Г. Кашин

Кашин Александр Григорьевич (1808–1874) — купец, краевед. Занимался добычей полезных ископаемых и торговлей. По завещанию весь свой капитал оставил Пермскому Марьинскому банку и церквям. В 1856-1865 гг. опубликовал в «Пермских губернских ведомостях» и отдельными брошюрами материалы об открытии города Перми и Пермской губернии, пребывании в Перми императора Александра Павловича, пермском пожаре 1842 г.

В 1864 г. «Пермские губернские ведомости» опубликовали собранные купцом и краеведом Александром Григорьевичем Кашиним воспоминания об основании и открытии города Перми. Эта публикация стала едва ли не единственным источником, связанным с рассказом очевидца — отца автора, что сделало ее популярной и цитируемой. В 1881 г. Пермь торжественно праздновала свое столетие. «Пермские губернские ведомости» опубликовали по этому поводу большую статью, которая весьма близко к первоисточнику пересказывает публикацию А.Г. Кашина¹. Выборочно пересказал текст воспоминаний Д.Д. Смышляев в своей статье 1885 г. «Из прошлого. О старых временах и людях». Позднее обстоятельства основания и открытия губернского города Перми тщательнейшим образом были описаны одним из самых известных пермских историков XIX в. — Александром Дмитриевым. Его «Очерки по истории города Перми», вышедшие в 1889 г., до сих пор остаются самым цитируемым источником по изучению двух первых веков пермской хроники. Одной из самых живых страниц дмитриевских очерков стало комментированное воспроизведение публикации А.Г. Кашина об открытии

¹ Столетие города Перми // Пермские губернские ведомости. 1881. 21 окт. С. 2; То же // Пермские епархиальные ведомости. 1881. 18 окт. С. 518–524.

города Перми, опубликованных «Пермскими губернскими ведомостями» в 1864 г.

Подобное внимание вполне закономерно: воспоминания наполнены живыми деталями, которые, как правило, не попадают в летописные хроники. Ни одна из цитируемых А. А. Дмитриевым летописей не говорила о том, что вместе с казанским губернатором князем П. С. Мещерским¹ выбирать место для Перми ездили соликамские депутаты — чиновники и старожилы, с которыми Мещерский «держал совет». Или о том, что эти самые депутаты самолично рубили лес и таскали камни во время первой пермской экспедиции будущего губернатора Кашкина на Егошихинский завод летом 1780-го года, когда посреди векового леса были прорублены первые пермские улицы. Или о том факте, что уезжал Кашкин из Перми с отчетом в Санкт-Петербург по только что проложенному оханскому тракту. Обаяние этих подробностей — в их непосредственной демократичности и органичном патриотизме. Дело в том, что к моменту публикации воспоминаний уже бытовало нелицеприятное для Перми мнение об административной заданности города, его несоответствия высокому статусу столицы губернии. Достаточно вспомнить беспощадные слова П. И. Мельникова-Печерского из «Дорожных записок» 1838 г.: «Отчего же Пермь основана? Оттого, что место, на котором она построена, понравилось казанскому губернатору князю Мещерскому. Нужно было образовать главный город наместничества — и основали Пермь, которая есть не что иное, как колония правительства. Других побудительных причин к основанию Перми не было, да и быть не могло». Подчеркивая заинтересованное участие в деле основании города старожилы, воспоминания Кашкина раз и навсегда отвечают

¹ Платон Степанович Мещерский (1713–1799) — опытный администратор екатерининской эпохи. Принимал непосредственное участие в создании в 1780–1781 гг., кроме Пермской, еще Симбирской, Пензенской, Вятской и Казанской губерний.

всем недоброжелателям, которые назовут Пермь административным измышлением.

Так или иначе, совершенно очевидно, что публикация Кашкина сыграла важнейшую роль в формировании локальной памяти: именно этот текст лег в основу представлений пермяков о том, что происходило накануне и во время открытия губернского города Перми. Поскольку текст этих воспоминаний, хоть и разошелся на цитаты, никогда не воспроизводился полностью, мы посчитали, что такая публикация послужит исторической справедливости, а также убожению ума и воображения пытливого читателя.

Составители

Открытие г. Перми и Пермской губернии.

(Из рассказа очевидца)

В царствование императрицы Екатерины II был возбужден вопрос об основании губернских учреждений. Правда, этот вопрос был не новый: еще Петр Великий, желая ввести более определенные и однообразные формы управления (в чем он следовал системе французской централизации, которую тогда брали за образец немецкие державы), вместо прежнего областного деления, сложившегося в течение нескольких веков и потому довольно запутанного, разделил Россию на 12 губерний, которые, в свою очередь, разделились на провинции. При императрице Екатерине II централизация государства сделала гораздо большие успехи, и этим успехам особенно благоприятствовало «учреждение губерний», которым Екатерина II докончила дело Петра I. При общем учреждении губерний правительственное внимание, в порядке вещей, обращено было и на здешний обширный край, который по справедливости многие писатели называли не иначе как золотым дном. Нужно было в здешнем крае избрать место для резиденции губернаторской и епархиальной власти, место, которое бы возможно полнее соответствовало админи-

стративным (на промышленные и естественные условия, при основании городов, в то время мало обращалось внимания) целям учреждения губернского города.

Для исследования местности, 1778 императрица Екатерина II повелела казанскому губернатору, князю Платону Степановичу Мещерскому отправиться в Соликамск, который, заметим мимоходом, в то время еще не потерял своей громкой славы. Того же года августа 28 дня Мещерский прибыл в Соликамск¹, где воеводой тогда был Николай Григорьевич Арбузов. Местность Соликамска осмотрена и снята на план. Вскоре, для той же надобности, Мещерский отправился по другим городам — в Чердынь, Кунгур, Обвинск и посетил при этом некоторые более или менее населенные места здешнего края. Путешествуя таким образом не торопясь, Мещерский случайно или как бы то ни было обратил особенное внимание на местность Егошихинского медеплавильного завода, принадлежавшего тогда нескольким владельцам и между ними графу Воронцову. Здесь на горе, значительно возвышающейся над берегом Камы, почти одиноко красовалась церковь с приделом во имя Св. апостолов Петра и Павла.

Заметим, что Мещерский путешествовал с большой свитой, в которой находилось несколько чиновных лиц и соликамских старожилов: последние избраны были воеводой, по распоряжению Мещерского, в качестве депутатов. В числе этих депутатов находился и мой дед Яков Афанасьевич Кашин. Для показания истины, депутаты были приводимы к присяге при каждом осмотре той или другой местности. Князь и воевода держали с

¹ Вот как описано то же событие в Соликамской летописи: «1778: Августа на 26 число в Соликамск прибыл Казанский губернатор сиятельный князь Платон Стефанович Мещерский, и в Чердынь ездил чрез трои сутки (в бытность воеводы Николая Григорьевича Арбузова), стоял у Турчанинова в доме; в проезде усмотря положением места, Ягошихинский завод с селением, и по рекомендации ныне определено быть городу губернии Пермской, где и наместничество состоит» (Соликамская летопись) // Пермские губернские ведомости. 1884. 18 февр. С. 4). Прим. сост.

ними совет, и давали им свои исследования и предположения, изложенные на бумаге, для рукоприкладства. По возвращении Мещерского со свитой в Соликамск в том же году были собраны тягельцы и все богатые общественники. Здесь в общем собрании шла продолжительная речь о новом наместничестве или губернии. На чем порешили тогда дело — положительно не известно.

В мае 1780 г. приехал в Соликамск для устройства наместничества генерал-поручик Евгений Петрович Кашкин, определенный в должность пермского генерал-губернатора следующим высочайшим указом: «Предполагая в будущем 1781 г. устроить пермское наместничество по образу, в учреждениях наших 7 ноября 1775 г. предназначенному, повелеваем нашему генерал-поручику Евгению Кашкину, определенному в должность генерал-губернатора пермского, объехать места, назначенные к составлению сего наместничества и по данному от нас примерному росписанию удобность разделения его на две области — Пермскую и Екатеринбургскую и оных на уезды на месте освидетельствовать; как о сем, так равно и какие вновь города для приписания к ним уездов назначить нужно будет — нам самолично представить» (Полн. собр. зак. Рос. имп. Том XX. № 15, 013).

Немедля из Соликамска Кашкин с выбранными из соликамских старожилов отправился в Егошихинский завод. Он остановился в заводском доме на горе у церкви Св. Петра и Павла, где жил управитель и была заводская контора. К деревянным зданиям наскоро сделали пристрой. Несколько домов начали строить вновь. В то время селение заводских мастеровых находилось около Разгуляя, сохранившего и до сих пор свое название, и простиралось до старого кладбища. Место же, где раскинулась Пермь в настоящую пору, включительно с местностью, так называемой Слудкой, было покрыто вековым лесом, представлявшим неистощимый материал для заводского употребления. Сначала в этом лесу сде-

ляли просеки для дорог в Сибирь на Кунгур и в Казань — на Оханск. Таким образом вековой лес начал малопомалу редеть. Там и здесь появлялись дома и домики. Не остались без дела и те самые лица, которые избраны из соликамских старожилов для сопутствования Кашкину: они носили камень, возили лес. В постройках проведено все лето 1780 г. Этим летом по спроектированному плану, между прочим, был выстроен большой двухэтажный дом для губернатора. Дом этот выстроен с флигелями, службами, птичником и зверинцем — в параллель с заводским домом, боковой стороною на площади к церкви. На другой стороне площади, недалеко от церкви, была выстроена гауптвахта. Под горою, на низменном плоском месте, был базар, с деревянными лавками и лавочками, похожими на нынешние будки. Эти лавки или будки окружали существующую до сих пор каменную часовню, построенную неизвестно когда и кем. Заводские здания тянулись в логу по речке, где и теперь находятся остатки плотин, скоплавших некогда воду для завода.

Устроивши все, что было возможно на первый раз, генерал-губернатор Кашкин отправился осенью в С.-Петербург по вновь проложенному тракту на Оханск. Вскоре, 26 ноября 1780 г., последовал высочайший указ о назначении места для учреждения губернского города Пермского наместничества и о наименовании оно́го Пермью. В указе значилось: «...уважая выгодность положения Егосихинского завода и способность места сего для учреждения в нем губернского города, мы повелеваем нашему действительному статскому советнику князю Вяземскому согласиться с владельцами того завода об уступке оно́го в казну, кои весьма не малый на нем долг имеет, ... Как и от некоторых в том заводе участников объявлено уже полное на то согласие; то мы чрез сие предписываем вам город губернский для Пермского наместничества назначить в сем месте, наименовав оный город Пермь; и вследствие того в нем осно-

вать уже все строения на первое время, и особливо при случае открытия управления по учреждениям нашим нужны будут для помещения присутственных мест». В исходе 1780 г. генерал-губернатор Кашкин из С.-Петербурга возвратился уже не в завод Егосихинский, но в губернский город Пермь, состоявший из нескольких десятков домов. С ним приехал гражданский губернатор генерал-майор Иван Варфоломеевич Ламб. Явилась также большая свита чиновников для занятия должностных мест в губернском и уездном управлении. Все новые дома заняты были приезжими чиновниками¹.

27 января 1781 года последовал высочайший указ Правительствующему Сенату об учреждении Пермского наместничества из двух областей Пермской и Екатеринбургской, с разделением оных на уезды, следующего содержания: «Всемиловейше повелеваем нашему генерал-поручику, правящему должность генерал-губернатора Пермского и Тобольского, Кашкину по изданному от нас в день 7 ноября 1775 г. учреждениям для управления губерний империи нашей, в будущем октябре сего года равномерно исполнить и в Пермской губернии, составя сие новое наместничество в рассуждении пространства его из двух областей или провинций, т.е. пермской и екатеринбургской, в числе 16-ти уездов, из коих к первой принадлежать будут: Пермский, Кунгурский, Соликамский, Чердынский, Обвинский, Оханский, Осинский и Красноуфимский; а к екатеринбургской — уезды: Екатеринбургский, Челябинский, Шадринский, Долматовский, Камышловский, Ирбитский, Верхотурский и Алапаевский; вследствие чего в тех мес-

¹ В редакционной статье «Пермских губернских ведомостей», посвященной 100-летию со дня открытия города Перми, читаем: «...так как созидающийся город не имел еще обывателей, то в сентябре 1781 г., по распоряжению Кашкина, губернатор Ламб предписал избрать кандидатов на означенные должности из среды городских обшеств: Кунгура — 16, Соликамска — 12 и Чердыни — 6 человек» (Столетие города Перми // ПГВ. 1881. 21 окт. С. 2). Прим. сост.

тах, по коим названы уезды, учредить города, а в прочем назначение границ сего наместничества с прикосновенными ему предоставляем на соглашение генерал-губернаторов, правящих ту должность, и губернаторов, о котором, как и о числе душ, сколько куда приписано или к другим отчислено будет, имеют они донести нашему сенату».

Между тем новый город более и более обстраивался. Выстроены были помещения для присутственных мест. 18 октября 1781 г. положено торжественно отпраздновать открытие губернского города. Накануне этого дня в роскошно освещенной внутри и снаружи Петропавловской церкви отправлено вечернее богослужение. На случай вызван был из Соликамска хор певчих, в котором находился и мой родитель Григорий Кашин, обучавшийся грамоте в Соликамске и частной школе богатого промышленника Турчанинова. Хор этот пробыл в Перми целый год. 18 числа утром, во время благовеста к обедне, торжественно внесены были в церковь особо назначенными чиновниками зеркала для присутственных мест и освящены окроплением св. воды. Вслед за сим, после провозглашения многолетия государыне императрице и всему царствующему дому, началась литургия, которую совершал местный протоиерей с сельским духовенством, собранным из окрестных сел. По окончании литургии, с крестным ходом вышли на площадь у церкви, где совершено было молебствие с коленопреклонением и особым водосвятием. После того священная процессия обошла вокруг новых жилищ и направилась в наместнический дом. Здесь, по совершении молитвы и окропления жилища св. водой, генерал-губернатор пред портретом государыни императрицы Екатерины II говорил длинную речь, в которой, обращаясь к губернатору и чиновникам, изложил всю важность и необходимость строгого исполнения обязанностей, возлагаемых государыней и законом. Зеркала, стоявшие перед портретом государыни, были подняты каж-

дое тремя чиновниками, и как только были вынесены на улицу, для отправления их в наместническое или губернское правление, в сопровождении наместника, губернатора и всех чиновников, — раздался гром пушек и колокольный звон. Стечение народа при этом было огромное. Множество народа собралось из окрестных селений; многие приглашены из городов как депутаты. Когда зеркала принесены в наместническое правление, то, по совершении молебства, губернатор Ламб говорил речь. Отсюда каждое зеркало, с воинскою командою, при колокольном звоне и пальбе из пушек теми же чиновниками отправлено в свое место. Крестный ход возвратился в церковь. Наместник, приняв поздравление с открытием города Перми, пригласил всех к столу. Стол для чиновников приготовлен был в палатах, а для простолудинов на площади. Вечером Петропавловская церковь, дома наместника и губернатора, присутственные места и частные дома, набережная, часовня — иллюминированы площадками. Среди площади красовалась прозрачная картина императрицы, великолепно освещенная площадками. На горе, близ церковного алтаря, было пущено более тысячи ракет. На берегу реки Камы горели смоляные бочки. Пальба из пушек не прекращалась. В 10 часов в доме наместника открыт бал, на который приглашены все чиновники, бывшие в Перми. На торжественном бале все гости-мужчины явились в мундирах, в огромных напудренных париках или с заплетенными косами, в остроносых сапогах поверх голенищами. Дамы — с длинными позади шлейфами и в башмаках с высокими каблуками. В числе гостей были граф Александр Сергеевич Строганов, барон Александр Никитич Строганов; они жили в своем деревянном доме на берегу Камы. На другой день был такой же обед и бал у губернатора. На третий — у Строгановых. Для народа во все эти дни было выставлено несколько бочек вина.

ПГВ. 17 апр. 1864 г.

Д. Д. Смышляев

Смышляев Дмитрий Дмитриевич (1828–1893) — общественный деятель, краевед, издатель и журналист, этнограф, библиограф. Он автор многих статей и книг по истории Перми, путевых очерков и переводов. Почетный гражданин Перми. С 1850-х гг. активно занимался краеведением, собирал литературу о Пермском крае. В 1859 и 1860 гг. в Москве им были изданы два тома «Пермского сборника», первого частного периодического издания Перми. В 1850-е при участии Смышляева была создана первая в Перми частная библиотека, а в 1867 г. он передал Пермской гимназии свою библиотеку. С 1875 г. благодаря усилиям Смышляева в Перми начала работать земская типография, где печатались «Сборники Пермского земства» (всего вышло 34 книжки), началось систематическое печатание краеведческих материалов в «Пермских губернских ведомостях». В 1885–1889 гг. Смышляев, находясь на посту секретаря Губернского статистического комитета, издал «Систематический каталог библиотеки Пермского Губернского статистического комитета», четыре «Адрес-календаря Пермской губернии», два тома сборника «Пермский край» и подготовил третий том. В 1891 г. в Перми вышла его книга «Сборник статей о Пермской губернии». В 1899 и 1901 гг. в Перми открылось две библиотеки, носившие имя Д. Д. Смышляева, было создано библиотечное общество его имени, просуществовавшее до 1917 г.

Краткий обзор истории Пермского края

Древнейшие времена. — Биармия. — Новгородская колонизация и покорение страны Новгородцами. — Христианская проповедь. — Подчинение страны Московскому государству. — Строгановы. — Ермак. — Возникновение нынешних поселений. — Начало горного дела и основание Екатеринбурга. — Административное деление пространства нынешней Пермской губернии.

Остатки древнейшей жизни. Так называемые чудские городища (остатки древних поселений и укреплений), костищи или могильники (места жертвенных кладбищ)¹, копи (древние рудные добычи), курганы, пещеры, находки каменных и бронзовых орудий, золо-

¹ Желаясь познакомиться с древними костищами Пермской губернии найдут любопытные сведения в ст. А. Е. Теплоухова: «Ueber die prahistorischen opferstätten am Uralgebirge». Archiv für Anthropologie, November, Freiburg, 1879.

тых и серебряных вещей и монет в разных местах, и древние начертания на скалах по берегам рек Ирбита, Тагила, Пышмы, Режа и др., — несомненно свидетельствуют о весьма древнем существовании человека в пределах нынешней Пермской губернии, где жили племена, сохранившиеся в местном предании под именем чуди или чудаков.

Биармия. Скандинавские предания. В воображении скальдов понятия Биарманландии (Biarmaland) и о пермяках (Biarmar) сливались с древнейшими преданиями о выходе самих Скандинавов из земель нынешней России. Князья пермские, по словам слагателей саг, царствуют еще до Р.Х., другие — современны Одину. «Северные люди» (норманны) стремятся в Биармию искать богатств; конунги норвежские и датские женятся на пермских царевнах, а из-за отказа руки их происходят битвы и единоборства. Войны, грабежи, мирные и радостные отношения связывают Биармию со Скандинавией. Главный пермский храм, посвященный Иомале (финское название Высшего Существа), в особенности привлекал корыстолюбие скандинавов, которые не раз пытались его ограбить. Сама наружность храма была обложена золотом и алмазами, которые лучами своими освещали всю окрестность. На истукане внутри храма блистало золотое ожерелье в несколько фунтов; венец на голове был осыпан драгоценными камнями, а на коленях стояла золотая чаша такой величины, что четыре богатыря могли утолить из нее жажду; наконец, облачение истукана превышало своей ценностью груз трех кораблей, плававших по Греческому морю.

Все это лишь предания в поэтической форме, но из них мы можем извлечь для истории тот верный факт, что задолго до IX столетия Биармия, или Пермь, была известна уже как страна торговая и богатая¹. Это подтверждают и находки древних вещей. В 1846 г. в имении

¹ Савельев П. Пермская губерния в археологическом отношении // Журнал Министерства внутренних дел. 1852. Ч. XXXIX. Кн. 7. С. 114.

графа Строганова в Соликамском уезде был найден клад, состоявший из серебряных сасанидских монет V и VI в. по Р.Х. Древность этого клада 2S столетиями отдаленнее древнейших мухамеданских монет, найденных в России¹. В 1851 г. в Красноуфимском уезде, близ деревни Шестаковой вырыт был новый столь же значительный клад, представленный начальником губернии в министерство внутренних дел, состоявший из золотых, серебряных и каменных вещей и 20 сасанидских, византийских и индо-бактрианских монет V, VI и нач. VII в. от Р.Х.². В разных имениях графа Строганова были находимы англо-саксонские и немецкие монеты X и XI в. В Императорском Эрмитаже в С.-Петербурге хранится серебряная чара в 2S ф. весом времен византийского императора Анастасия, царствовавшего с 491 по 518 г., найденная в окрестностях Чердыни³.

Означенные находки вполне подтверждают предания скандинавов о давнем населении Биармии, которую они могли близко знать, будучи в сношениях с нею и совершая через земли, занимаемые ныне Русским государством, путешествия в Асгар, который они считали месторождением законодателя своего богослужения⁴. С VIII в. саги наполнены известиями о набегах скандинавов на Austerveg и на Биармию, т.е. на нынешнюю Россию. Сам Шлёцер, называвший саги «глупыми бреднями сказочников», согласен с ними относительно древности и процветания Биармии: «Пермь, — говорит он, —

¹ Савельев П. Восточные древности, найденные в Пермской губернии // Сибирские ведомости. 1847. № 122.

² Савельев П. Археологические находки в Пермской и Вологодской губерниях // Журнал Министерства народного просвещения. 1852. Ч. 55. Отд. 7. С. 24.

³ Известия Императорского археологического общества. 1861. Т. 2. С. 360–362. Эта чара принадлежала мне и мною уступлена Эрмитажу.

⁴ Сенковский. Скандинавские саги // Библиотека для чтения. 1834. Т. 1. Отд. 3. С. 1–77. Асгар — нынешний Азов — ас-город, город Асов — духов могучих.

некогда самобытный, великий и не совсем непросвещенный народ»¹.

В конце IX в. поэтические сказания о древней Перми облекаются в более положительную форму. Вместо скальдов повествует мореплаватель, лично бывший на месте, а слова его записывает любознательный конунг Альфред Великий. Из слов Отера, записанных англо-саксонским королем, узнаем положительно, что уже по Двине начинались жилища пермяков (Beogmas), что земли их были хорошо обработаны, и что они и финны говорили, по-видимому, одним языком. Со времен Отера, от исхода IX, даже до начала XIII в., есть уже положительные известия о торговле скандинавов с Биармией. Слава Перми достигла впоследствии Константинополя: византийский историк Халхакандила упоминает о Пермяках (Permii) как о весьма древнем народе².

Русские летописи. Сказания русских современников нисколько не противоречат сказаниям саг, если отни-

¹ Шлёцер Нестор, перевод Д. Языкова. Т. 1. С. 74.

² По исследованиям копенгагенского профессора Расмуссена, основанным на сказаниях арабских историков, из стран прикаспийских, с которыми арабы входили в торговые сделки, первое место занимала Хазария. Она лежала по обоим берегам Волги и граничила с Болгарией, Каспийским морем и землями, сопредельными Дербенту. Ее обитатели исповедовали различные веры; царь и главные сановники были жиды. Столицей Хазарии считался город Самандер, отстоявший на 24 мили от Дербента и на 7 миль от нынешней Астрахани. Вслед за Хазарами, как ближайшими соседями арабов и персов, упоминаются биармы (?), занимавшие до 1372 г. западный берег Урала, но потом перешедшие на север, к реке Оби. Они вместе с сиринианцами (зырянами?) финского племени возили к Ледовитому морю произведения полуденной Азии, а взамен того получали отсюда меха. На восток от Хазаров арабские географы полагали место пребывания уздов, которые заселяли всю страну от Волги и Камы до океана; они происходили от гуннов и удержали свою самостоятельность до конца XIII в., когда подпали под иго монголов. Одна из рек их страны заключала в себе большое количество золотого песка; со дна ее доставался лапис-лазурь, в лесах же водилось много бобров, лисиц и других ценных зверей (в кн: Русский зритель. 1828. Ч. 2. № VII, VIII. С. 136).

мом от последних поэтические приукрасы. Первая наша летопись уже знает Пермь на тех же местах, где ее знают Скандинавы: «...во Афетове же части (т.е. в Европе) сидят ... заволочьская чудь, пермь, печора...» (т.е. между Заволочьем и Печорой, Лаврентьевская летопись, стр. 2). При покорении Перми московскими великими князьями называли эту страну великой — Великая Пермь. Существование богатых капищ и идолов, о которых говорили скандинавы, подтверждают и известия об обращении пермяков св. Стефаном, который нашел у них богатые кумиры и множество идолов, обвиваемых в тонкие полотняные пелены. Русские летописи называют пермское божество мужского пола Войпелем, а женское — Золотой Бабой. Последняя, может быть, сродни тем каменным бабам, которые еще до сих пор рассеяны на юге России и в Сибири: у них так же, как и у Иомалы, одна из принадлежностей — чаша на коленях.

Биармийцы. Название биармийцев (Biarmar, Beoramas, Permiä, Великая Пермь) не следует, однако ж, по словам г. Савельева, приурочивать к нынешним пермякам, небольшому, еще мало исследованному народцу, сохранившемуся в числе 59000 душ в Пермской и Вятской губерниях. Название «Пермь» есть нарицательное: «Рддгтд» значит по-фински «Украина», то же что «Sugid», следовательно, «Пермяки» и «Зыряне» — слова синонимичные и значат просто: жители Украины, украинцы финского мира. Ф. Волегов название Перми производит от слова «парма» гора, покрытая лесом; парма-ек (пермяк) значит человек или житель лесной и гористой страны, какой и представляется нам местность, где ныне живут пермяки¹. Пермяки называют сами себя коми, точно так же, как и зыряне².

Чердынъ. Главный город Великой Перми назывался также Великой Пермью, а потом Чердынью. В 1472 г.

¹ Ф.В. Пермяки // Пермские губернские ведомости. 1854. № 44.

² Рогов Н. Материалы для описания быта пермяков // Журнал Министерства внутренних дел. 1858. Ч. XXIX. Кн. 4. С. 3.

упоминается о Чердыни в числе замечательнейших торговых городов, покоренных посланным от великого князя Иоанна III князем Василием Пестрым. По преданиям жителей нынешней Чердыни, главное население города составляли новгородцы, к которым с 1591 г. присоединились еще угличане, рассеянные по разным городам после убийства царевича. В 1792 г. большой пожар истребил все письменные памятники Чердыни. В числе старинных чердынских документов упоминается о списке великопермских князей и княгинь, всего четырнадцати, с христианскими именами, неизвестно где и когда живших. Найдены означенные свидетельства при разборе архивов в 1786 и 1787 гг. В уставной грамоте, данной в Москве 7062 (1553) г. 26 декабря, при ограничении суда о землях, реках, озерах и прочих угодьях трехлетним сроком воспрещается руководствоваться судом и грамотами прежних великопермских князей¹.

Происхождение биармийцев и других народов, населявших северо-восток России. Проследив в общих чертах предания Перми с самых отдаленных времен до покорения ее русскими великими князьями и до последних известий о владетелях ее, мы невольно должны задаться вопросом: откуда же взялся народ, населявший с древнейших времен северо-восток нынешней России? Само собой разумеется, что сведения об этом предмете представляются еще скуднее, чем предания о Биармландии. Не подлежит сомнению, однако же, что биармийцы были народ финского или чудского племени, вышедший в незапамятные времена с юго-востока нынешней Сибири. В этом многие утверждают нас: и предания, и следы древней жизни, сохранившиеся в Сибири и на северо-востоке России. Первоначально от чуди алтайской отделилась чудь уральская, а от нее позже — балтийская, которая сейчас обитает по Балтийскому мо-

¹ Чердынские юридические памятники с 1606 по 1718 г. С предисловием Спасского // Временник Императорского Общества истории и древностей российских. Т. XXV. С. 115—154.

рю, в Эстландии, Финляндии и Лапландии. Чудь, пермь, печора, ямь и угра¹, составляющие некогда один народ, жили во времена Нестора в нынешних Пермской и Вологодской губерниях, в обширной северной стороне, которую долго не могли завоевать новгородцы; но, наконец, часть их перешла волок и поселилась в странах по нижнему течению Сев. Двины. Чудь и заволочская чудь были, без сомнения, самым примечательным племенем, от которого произошли все другие. Чудь, может быть, уже в это время жила на берегах Онежского озера, а заволочская чудь еще далее к северу, за волоком, в окрестностях Вологды, где она теперь совершенно обрусела. В нагорных странах Северной России, на северо-западном склоне Уральского хребта обитала угра, от которой вся страна называлась Угорскою и сам хребет Угорским. Название Угорской или Югорской земли сохранилось до сих пор в полном титуле Русских Императоров. Венгры² суть древние угры, оставившие северо-восток нынешней России и по берегам Камы, Волги, Азовского и Черного морей добравшиеся до местности, занимаемой нынешней Венгрией, где они окончательно осели. Остатки угров до сих пор существуют в Пермской губернии под именем вогулов. В «Словаре» Чупина говорится: «Вогулы или вогуличи, народ угрско-финского племени, находящийся по языку своему в ближайшем родстве с обскими остяками и с мадьярами или венгерцами, обитающий теперь главным образом в юго-западной части Березовского уезда Тобольской губернии, в северной Туринского, в северо-

¹ «К югре принадлежали весь, меря и мурома, также и иотуны исландских саг». У лопарей иотуны известны под названием чутте — чудь». В кн: Д. И. Европеус. Карта древних мест жительства финско-венгерских народов.

² «В 1237 г. венгерский монах Иулиан около нынешнего города Казани, на расстоянии двух дней пути от Болгарии, встретил народ, говоривший чистым венгерским языком. Названия местностей югорского происхождения с запада, действительно, простираются до Казани» — Д. И. Европеус.

западной Тобольского и в северной части Верхотурского уезда; но в старину жилища их простирались в Пермской губернии весьма далеко на запад и на юг»¹. В определении происхождения вогулов г. Чупин основывается на исследованиях гельсингфорского профессора Альквиста².

Заселение и завоевание страны новгородцами. Северо-западная часть Пермской губернии, по всей вероятности, уже с XII в. стала заселяться выходцами новгородскими, за которыми позже последовали жители и других местностей России. Карамзин говорит, что жители Биармии были покорены новгородцами еще при Владимире Святом или при Ярославе I. По крайней мере, в других грамотах, данных новгородцами великому князю Ярославу Ярославовичу, преемнику Невского, мы находим первые упоминания о стране Пермской, как подвластной новгородцам; в грамотах этих она названа Перемь.

Св. Стефан. В XIV столетии св. Стефан внес в Пермский край христианство. Великий князь Иоанн III, раздраженный новгородцами и желавший увеличить свои владения, под предлогом отомщения за обиды, нанесенные московским купцам в этой стране, вознамерился отнять у новгородцев богатую Пермь и послал в 1472 г. воеводу, князя Федора Пестрого, «для наказания пермяков за их неисправление». Пестрый разбил пермяков, пленил их воевод и взял город Искор с другими городками; на следующий год отряженный им воевода

¹ Чупин Н. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Т. I. С. 334.

² Чупин Н. О местах жительства и образе жизни вогул по Альквисту // Сборник Пермского земства. 1874. Январь—апрель. С. 119—137. См. также о вогулах: Орлов. Сведения о вогулах, обитающих в Пермской губернии. *ibid.* 1873. Май—июнь; Малиев Н. Отчет о Вогульской экспедиции. Казань, 1873 г.; Сорокин Н. Путешествие к вогулам. Казань, 1873; Чупин Н. О результатах экспедиции для исследования вогулов // Записки Уральского общества любителей естествознания. Кн. 3.

Гаврило Нелидов овладел «Нижней землей» с городами Уросом и Чердынью и взял в плен пермского христианского князя Михаила. Вся земля Пермская покорилась тогда Иоанну, а войско его основало по р. Покче или Кемзелке, впадающей в Колву, городок в пяти верстах от Чердыни. Почти во все продолжение правления Иоанна страна Пермская управлялась туземными князьями в качестве вотчиней. В 1505 г., однако же, последнего из них, Матвея Михайловича (вероятно, сына вышеупомянутого Михаила), Иоанн «свел с Великой Перми» и послал туда своего наместника. Городок на Покче был вскоре оставлен, и еще в 1483 г. великокняжеские воеводы (вероятно, находившиеся в Перми при ее природных князьях для наблюдения за их действиями) переселились в Чердынь, где впоследствии жили и наместники. Имя Великой Перми с этих пор сделалось областным названием края и в грамотах стало употребляться нераздельно с именем Чердыни. Чердынь много древнее Соликамска; одни предания местных жителей прямо приписывают основание ее новгородским выходцам, другие говорят, что город стоит уже на пятом месте. Сейчас показывают в 25 верстах от Чердыни, на берегу Камы, место, где был старый город. Уже воевода Пестрый, как сказано выше, нашел Чердынь значительным городом, так что основание его должно отнести, по крайней мере, к началу XIV в., если не еще ранее. Точно так же неизвестно в точности и время основания возникшего позже Соликамска.

Калинниковы. Есть известие, что в начале XV века посадские Калинниковы (вероятно, выходцы из Вологодского края) завели соляные промыслы при речке Боровой, выше села Верх-Боровского, в нынешнем Соликамском уезде. Эти промыслы, однако же, по скудности рассола вскоре были остановлены и около 1430 г. Калинниковы перенесли свою деятельность на речку Усолку, где теперь стоит Соликамск.

Соликамск. Таким образом, начало Соликамска как города должно отнести уже ко второй половине XV в.

Строгановы. За сим являются в Пермском крае новые деятели — купцы Строгановы. Около времени покорения Казани сольвычегодский житель Аника (Иоанникий Федоров) Строганов торговал с зауральскими народами. Проведав о богатстве рассолов близ реки Камы, сын его Григорий стал просить Иоанна Грозного о дозволении заводить здесь поселения, варить соль и возделывать пустые земли. Иоанн, вероятно, знавший предприимчивость и богатство Строгановых, дал Григорию в 1558 г. первую грамоту на владение родом его землями по обе стороны Камы, от Лысьвы и Пысгора до Чусовой, приказав ему заниматься соляными промыслами, и дозволил заселять дарованные земли по произволу, людьми «не тяглыми и не письменными» (т.е. не записанными ни в какой оклад), а для защиты от набегов инородцев строить «на усторожливых местах» укрепленные городки. Предоставив многие льготы поселенцам на 20 лет, царь вместе с тем освободил их от власти суда царского наместника, «а ведает и судит Григорий своих слобожан сам во всем».

Камкор. Строгановы, Аника с сыновьями Григорием и Яковом, переселились на пожалованные земли, приведя с собой своих людей, также зырян, пермяков и других вольных людей из разных мест и срубили на мысу Пыскорском, где впоследствии был известный Пыскорский монастырь, на горе, с правой стороны Камы, город Камгорт, или Камкор.

Орел-городок. Через 6 лет Аника нашел ниже по Каме другое, лучшее место с рассолами и решил построить тут другой город. Вскоре новой грамотой 1564 г. на имя того же Григория Строганова дозволено было выстроить этот город «на Орле, на наволоке», на правом же берегу Камы в 20 верстах ниже Камкора, который назван был первоначально Кергеданом (ныне Орел-городок).

Чусовские городки. Впоследствии, когда Строгановы (грамотой 1568 г. на имя Якова Аникиева) получили земли во владение по Чусовой¹, они основали еще два городка на этой реке и несколько острогов; остатки этих городков и теперь еще сохранились под именем Чусовских городков.

Очерский острог. На этом месте был основан Строгановыми Чусовской соляной промысел, давно уже оставленный. Грамотой 1597 г. Строгановым отданы были земли, лежащие по правую сторону Камы, на 250 верст от Лысьвы до р. Ошапа; здесь они основали Очерский острог.

Таким образом, большая часть северо-западного пространства нынешней Пермской губернии перешла во владение фамилии Строгановых и была заселена их стараниями. Льготы, им данные, привлекли на новое место множество гулящих людей из разных мест России, даже немцев, литовцев, татар.

Набеги сибирских князей. В грамоте 1561 г., данной Строгановым, упоминается, что сибирский Салтан и Ишбаны грозили войной Перми. В 1573 г. сибирский царевич Маметкул, сын Салтана Кучума, приходил войной на р. Чусовую, вторгнулся в Пермь Великую, побил много народа и убил государева посланника, шедшего в Киргиз-кайсацкую орду. В 1581 г. в июле месяце мурза Бегбелий с вогуличами и остяками напал на Чусовские городки и на Сылвенский острожек, но был разбит людьми Строгановых и взят в плен. Наконец, важнейший набег пелымского князя Кихека с сибирскими, сылвенскими и иренскими татарами, с остяками, вогуличами, вотяками и башкирцами в сентябре того же года отличался своей опустошительностью и распростра-

¹ «... от Лысьвы речки ниже по р. Каме до Чусовой реки, а от устья реки Чусовой по реке по Чусовой вверх и по другую сторону Чусовой реки, с устья и до вершины, и от Чусовой реки по обе стороны Камы реки... на двадцать верст до Лысьвенского бору» (до того места, где ныне стоит Пермь).

нился даже до Кай-города (в нынешнем Глазовском уезде Вятской губернии).

Все эти враждебные попытки крайне озабочивали Московское правительство и Строгановых. Последние ясно понимали, что им следует подвинуться на восток, за Каменный Пояс. Поэтому они еще в 1574 г. просили Государя дозволить им между Тахчеями, по р. Тоболу и по рекам, которые в Тобол впадают, до вершины их, «на усторожливом месте крепости делать, сторожей на-нимать и огненный наряд держать», на свой счет «железо вырабатывать, пашни пахать и угодьями владеть». Иоанн Грозный, имея в виду охрану своих восточных владений, охотно предоставил Строгановым заводить военные и промышленные поселения по ту сторону Уральских гор на тех же условиях, как они заводились на Каме и Чусовой, и с теми же льготами. Но Строгановым нужно было приготовить необходимые средства.

Призвание Ермака. Поэтому они призвали в 1579 г. волжских казаков Ермака¹ со товарищи, разбойничавших по Волге, собрали рать из русских, татар и немцев и, снабдив ее оружием и припасами, отправили под предводительством Ермака воевать Сибирь.

Завоевание Сибири. Отряд состоял всего из 540 казаков и 300 человек строгановских поселенцев, тем не менее, он совершил известное дело покорения Сибири. Когда царские воеводы по следам Ермака упрочили завоевание, Московское правительство старалось всеми мерами ввести в зауральских землях гражданское устройство. В 1589 г. был основан там первый русский город Лозьва (в нынешнем Верхотурском уезде); но теперь

¹ По словам Черепановской летописи, Ермак был сын бедного посадского человека в Суздале; подлинное имя его было Василий Тимофеевич Аленин. Ермаком же прозвали его в шутку разбойники, в шайке которых он на Волге был первоначально кашеваром. «Ермак» значит таган — треножник, на который ставится котелок для варева или также ручной жерновой камень (в кн.: Известие о новейшей летописи Сибирской, сочиненной Ильей Черепановым // Сибирские вести. 1821. Ч. XIV).

неизвестно даже место, где он находился. Борис Годунов принял гораздо важнейшие меры открытием пути через Уральские горы и основанием Верхотурского воеводства. Еще по указу царя Федора Иоанновича в 1595 г. велено было прокладывать прямую дорогу из Соликамска в Сибирь.

Бабиновская дорога. Крестьянин Верхнего Усолья Артемий Бабинов нашел этот прямой путь, сокративший расстояние в восемь раз. Эта дорога от Соликамска до Верхотурья составляет только 250 верст. Названная Бабиновской, она считалась единственным торговым и правительственным путем до времени основания и распространения горных промыслов на Урале и даже почти до открытия Пермского наместничества. Остатки его существуют и сейчас, и он еще недавно служил в зимнее время для проезда купцов вологодских, соликамских и чердынских на Ирбитскую ярмарку.

Верхотурье. Для обеспечения власти правительства в новопокорённом крае основан был в 1598 г. на р. Туре город Верхотурье, в котором образовано особое Верхотурское воеводство. В 1600 г. там учреждена таможня для взывания пошлин с товаров, идущих в Сибирь и обратно.

Монастыри, села и города. Распространившееся христианство содействовало правительству в цивилизации края. В 1569 г. основан Аником Строгановым Пыскорский Преображенский монастырь; около того же времени в Соликамске возник Вознесенский монастырь и некоторые из приходских церквей; преподобный Трифон Вятский основал на реке Чусовой, около Чусовских городков Успенскую обитель; в Верхотурье построена соборная Троицкая церковь и Никольский монастырь. С основанием Очерского острога появились вокруг него села: Соновское, Карагайское, Степановское и др., в которых тоже возникли христианские храмы.

Около 1606 г. построена церковь в Новоникольской дворцовой слободе (что ныне город Оса). В 1621 г.

учреждена тобольская митрополия. Во время управления ею первого митрополита Киприана возникли монастыри: Невьянский, Богоявленский, женский Покровский в Верхотурье, другой Покровский близ села того же имени, в нынешнем Невьянском заводском округе Рождественский на реке Тагиле и Введенский при реке Нейве. В 1624 г. уже существовала Никольская деревянная церковь в селе Верхних Муллах или Никольском близ нынешнего города Перми. В первой половине XVII в. за Уралом возникли многие русские поселения, под именем слобод, из выходцев Вологды, Тотьмы, Устюга, Вятки, Кай-города, Чердыни, Соликамска; некоторые из них впоследствии обратились в города: Шадринск (Шадринская, с 1712 г.), Ирбит (Ирбитская, с 1775 г.), Камышлов (Камышловская, с 1781 г.). В 1644 г. возник в Шадринском округе Далматовский Успенский монастырь, названный по имени своего основателя, старца Далмата.

По сую сторону хребта основался в 1649 г. город Кунгур, первоначально на реке Кунгурке, впадающей в Ирень, но, разоренный в 1664 году до основания башкирцами, был переведен на нынешнее место. Вскоре он приобрел значение как опорный пункт для наблюдения за башкирами, беспокоившими край своими набегами, для защиты от которых был выстроен целый ряд маленьких крепостей: Осинская, Красноуфимская (Красноуфимск), Ачитская, Бисертская, Грбовская. Ввиду центральности Кунгура в 1737 г. в него было переведено из Соликамска провинциальное управление, и он стал иметь особых воевод. Оживлению его много способствовала проложенная через него в половине XVI в. новая дорога в Сибирь, которая, впрочем, сначала была преследуема правительством, так как давала возможность провозить товары минуя Верхотурье, без оплаты пошлинами.

Горное дело. Дальнейшее участие в цивилизации края принадлежит развитию горнозаводской промыш-

ленности. Впервые встречаются в летописях указания на это в 1491 г., когда «князь великий Иван Васильевич послал на Печору руды искать». В 1557 г. английское правительство по его желанию с возвращавшимся из Англии русским посланником Иосифом Непеею отпустило «мастеров многих, дохтуров и злату и серебру искателей и делателей и иных». В 1569 г. Иоанн предоставил английским купцам право искать железные руды и плавить их с условием выучить этому искусству русских. В первых грамотах, данных Строгановым, предписывалось им доносить немедленно, ежели найдут руды серебряные, медные или оловянные, а самим, без ведома царского, не плавить; в грамоте же 1574 г. предоставлено было им выделять железо в свою пользу, а медные, оловянные, свинцовые руды и серу проплавлять только для испытания, во сколько обойдется добытый металл с производством; право это было предоставлено и другим промышленникам, кто пожелает. Однако только в царствование Михаила Федоровича можно полагать начало горных заводов в России. В 1628 г. в Ницинской слободе (ныне Ирбитского уезда) открыты были одним татаринном первые железные руды, вследствие чего там образовались рудники, слобода и построен Ницинский железный завод. Потом найдены были руды в дачах Строгановых, на р. Яйве, в горе Кужгорт, которые плавились в Пыскорском монастыре; с открытием же Григорьевского рудника в 28 верстах от монастыря в 1610 г. был основан Пыскорский медеплавильный завод. Но истинное начало горного дела относится уже к царствованию Петра Великого. Еще в 1699 г. основан за Уралом на р. Нейве казенный Невьянский завод, в 1700 г. Каменский на р. Каменке, в 1703 г. Алапаевский. Тульский уроженец Никита Антуфьев, прозванный по отчеству Демидовым, был послан в здешний край Петром Великим, где открыл множество рудных приисков, вследствие чего возникли многие частные заводы. В 1722 г. артиллерии генерал-майор де-Генин открыл, по

указу Государеву, город Екатеринбург, где учреждена главная канцелярия для управления заводами, существовавшая до открытия Пермского наместничества. Де-Генин открыл также несколько новых заводов, в том числе в 1723 г. Ягошихинский медеплавильный завод¹.

Административные деления России. В 1708 г. Петр Великий разделил Россию на 8 губерний. Занимаемое сейчас Пермской губернией пространство вошло при этом разделе в состав Сибирской губернии, за исключением Осы с областью, принадлежавшей к Казанской губернии. В числе 26 городов Сибирской губернии значатся: Верхотурье, Кунгур, Пермь Великая, Чердынь и Соликамск. В 1719 г., указом от 29 мая, Россия разделена была снова на 11 губерний; губернии эти делились на провинции, провинции с городами, пригородками и селениями — на уезды. Губернии находились под властью губернаторов и генерал-губернаторов, провинции заведовались провинциальными воеводами, подчиненными губернаторам, города с уездами подчинялись городским воеводам. Сибирская губерния была разделена в то время на три провинции: Вятскую, Соль-Камскую и Тобольскую. К Вятской губернии причислен был Кунгур с 3,202 дворами. Соль-Камская провинция заключала в себе города: Соль-Камскую с 12,005 дворами, Пермь Великую² и Чердынь с 1421 двором, Верхотурье с 3,483 дворами вошло в состав Тобольской провинции. Осы не значилось в это время (город был упразднен), но пространство края с Осою, принадлежавшее к Казанской провинции, отошло к Оренбургской. Горнозаводская часть в правление Петра Великого находилась в ведении сперва Рудного приказа, а потом — Берг-

¹ Крупенин А. Краткий исторический очерк заселения и цивилизации Пермского края // Пермский сборник. Книжка I. Пермь, 1959. Отд. I. С. 1–49.

² Усть-Вымь, по мнению Г. И. Балбашевского. См. его статью: Краткий исторический очерк гражданского устройства Пермского края. Пермские губернские ведомости. 1855. № 21–26.

коллегии. В Екатеринбурге, как выше сказано, учреждена была главная канцелярия для управления заводами. В 1728 г. Соль-Камская провинция вместе с Вяткой (следовательно, и с городом Кунгуром) из ведомства Сибирской губернии перешла в состав Казанской. По атласу, изданному академией наук в 1745 г., видно, что большая половина Пермского края, по сю сторону Урала, присоединена к Казанской губернии как уже нечто целое, под названием Кунгурской провинции, заключающей города: Кунгур, Соликамск, Чердынь, Новое Усолье, Орел-городок и Чусовские городки. Другая же половина, по ту сторону Урала, с городками Верхотурьем, слободами Тагильской, Ирбитской, Ницинской принадлежала к Сибирской губернии и находилась в ведении Тобольской провинции. Екатеринбург не входил в состав губернии и подчинялся, со всеми казенными и частными заводами, правлению Сибирских и Казанских заводов. Екатеринбургу подчинены были три дистрикта: Екатеринбургский, Алапаевский и Катаевский. Кроме того, здесь уже упоминается крепость Красноуфимская, принадлежавшая с пригородком Осой к Уфимской провинции, следовательно, составлявшая часть Оренбургской губернии. В 1781 г. вся Россия разделена на 19 генерал-губернаторских округов, в ведении которых находилось 40 наместничеств. В этом году, по указу Сената от 27 января, открыто было и Пермское наместничество, находившееся, вместе с Тобольским, под управлением тринадцатого генерал-губернаторского округа. Пермское наместничество (по неизданному атласу, составленному в Перми при губернской чертежной в 1793 г.) граничило к северу с Вологодским, к западу с Вятским, к югу с Уфимским, к востоку с Тобольским. Уральским хребтом оно разделялось на две области: Пермскую и Екатеринбургскую. Первая делилась на уезды: Пермский, Соликамский, Чердынский, Кунгурский, Красноуфимский, Осинский, Оханский и Обвинский; вторая заключала в себе: Екатеринбургский, Вер-

хотурский, Алапаевский, Ирбитский, Камышловский, Далматовский, Шадринский и Челябинский¹. В 1787 г. последовало новое административное деление, по которому Россия была разделена на губернии. В состав Пермской вошли нынешние ее 12 уездов, причем города Алапаевск, Далматов и Обвинск обращены в заштатные.

ПГВ. I, 5 и 12 янв. 1883 г.

М. А. Осоргин

Осоргин (Ильин) Михаил Андреевич (1878–1942) — писатель и журналист русского зарубежья, младший брат пермского поэта и журналиста С. А. Ильина. Будучи студентом Московского университета, в 1897–1903 гг. сотрудничал с «Пермскими губернскими ведомостями»: вел рубрику «Московские письма», публиковал на страницах газеты обзоры столичной культурной жизни.

Московские письма: Пасха

Весна окончательно водворилась в Москве. Впрочем, в столице весны, настоящей весны, почти не бывает заметно. Переход от зимы к лету совершается здесь гораздо быстрее, чем в прочих местах. Едва лучи солнца начинают греть землю сильнее, как уже появляются на сцену подводы, кирки, ломы и с еще не оттаявшей земли скалывается и свозится ее ледяной покров. В какие-нибудь два-три дня санный путь сменяется колесным, и только изредка видишь, как измученная кляча замешкавшегося в городе крестьянина тащит по обнаженной мостовой его немудрые розвальни. Еще неделя и пыль, типичная летняя пыль, бич городских жителей, полетит вам в глаза. Как кому, а мне жалко тех весенних дней святой провинции, которых право же не портит грязь немощеных улиц и кучи тающего снега, не свезенного невозмутимыми домохозяевами. Впрочем, и дым отечества нам сладок и приятен.

Пасха совпала с солнечными теплыми днями. Замечательно, что в Москве, дольше, чем где-нибудь,

¹ В 1783 г. Челябинский уезд был причислен к Оренбургской губернии.

удерживаются народные обычаи. К часу пасхальной заутрени и крестного хода народ толпами стал собираться в Кремль и занял все пространство от Никольских ворот до Василия Блаженного и всю площадь перед Чудовым монастырем. Большинство было с зажженными свечами в руках. Самый кремль, весь залитый огнями, с его святынями, представлял красивую картину. Вот на Иване Великом глухо ударил громадный колокол и, в ответ ему, загудели колоколами все сорок сороков в разных концах Москвы. Из собора двинулся крестный ход, с митрополитом во главе, и вслед за ним заколыхалась толпа. После крестного хода начинается гулянье. Ходят к Москве-реке смотреть на Замоскворечье, к Василию Блаженному, где происходит обычная стрельба из пушек, остальные гуляют со свечами в руках по кремлевской площади. Гулянье продолжается часов до 4-х утра.

Только Москва сохраняет такие старые, давно отжившие обычаи, как вербное и пасхальное гулянье, встреча всем городом 1-го мая и некоторых летних праздников. Чему это приписать? Тому ли, что народ ревниво оберегает традиции старой русской столицы, или тому, что главная часть ее населения составляет купечество, уже по своему существу консервативное? Как бы то ни было, но еще долго будут свято исполняться в Москве старинные русские обычаи, пока в ее кремле стоят его святыни и пока чтутся они русским народом.

Быстро минула пасхальная неделя, и жизнь вошла в свою ежедневную колею, только праздничная суэта сменилась суетою весеннею. Апрель самый хлопотливый месяц для городской думы и полиции. Везде чинится мостовая, варится асфальт для тротуар, ремонтируются дома; полиция ежедневно делает обходы дворов, которые, к слову сказать, содержатся в Москве безобразно, устраивает смотр извозчим пролеткам, словом, повторяется ежегодная весенняя сумятица.

Скучно в столице летом. Пыль, духота, жар от раскаленной мостовой убивают всякое проявление жизни. Кто может, едет на дачу, кто не может ... поневоле вкушает всю сладость столичного лета. День за днем, мучительно долго тянутся летние месяцы, пока, наконец, снова наступит зимняя пора, и снова закипит ключом живая, горячая столичная жизнь, так затягивающая всякого, кто попадет в ее стремительное, кружащее голову течение.

ПГВ. 23 апр. 1898 г.

По Перми ходят белые медведи...

В моих бытописаниях жизни первопрестольной произошел трехмесячный перерыв по весьма, впрочем, понятной причине: побывав в Перми, я невольно должен был погрузиться в сферу интересов родины и позабыть обязанности московского корреспондента. Общественная жизнь в Перми быстро развивается и растет. Это сразу бросается в глаза приезжему, хорошо знакомому с жизнью города за многие предшествующие года. Чувство общности проникает постепенно от центра к периферии, из более интеллигентных слоев в менее культурные уголки, если только, говоря о Перми, можно делать подобные разграничения ее населения по «кварталам» культурности. За последние года в «далекой восточной окраине», где, по смутному представлению европейцев, по единственной улице города ходят белые (?) медведи, да еще с книгой на спине, завелись такие новшества, о каких и не мечтали лет 10 тому назад. Учреждаются общества с серьезными целями, читаются публичные лекции, справляются литературные поминки в дни годовщины отошедших в лучший мир русских писателей, смеют мечтать («Мечты, мечты! Где ваша сладость?!») о «народном дворце», стали следить за жизнью своего края, у газет явился новый круг читателей, дважды родился новый частный печатный орган и пр., и пр. В большинстве этих «новшеств» много недоконченности, наивности, подчас курьезов, но, тем не

менее, они являются знаменем времени и свидетельствуют о прогрессе.

В настоящее время можно быть заранее уверенным, что любой вопрос известной общественной важности, затронутый самою жизнью и отмеченный печатью, не пройдет незамеченным перед толпою пассивных провинциалов, но найдет себе сторонников и противников, общие усилия которых внесут свою лепту в его разъяснение. Достаточно будет указать для примера вопрос о связи семьи и школы, имеющий самое злободневное значение для всей интеллигентной России и вызвавший, между прочим, не лишенную интереса полемику на страницах «Пермских ведомостей». Автор изданной на днях в Киеве брошюры по вопросу о реформе средней школы видит в этом разрешении свободы обсуждения возможность русским людям не только излить свои печали и рассказать вслух о том физическом, нравственном и умственном недомогании, которым страдали их дети под влиянием благотворного действия средней школы, но и изложить свой взгляд на те воспитательно-образовательные цели, которые должна преследовать русская средняя школа для того, чтобы дать стране здоровых и полезных граждан. И чем многочисленнее и разнообразнее будут мысли, высказанные по этому жгучему, наболевшему и всем одинаково близкому и важному вопросу, тем с большим правом могут сказать руководители этого дела, что ими было принято все во внимание, дабы по возможности приблизиться к тому «идеалу средней школы, которого требует от них сама жизнь».

И, конечно, упомянутый мною вопрос — не единственный, который заставляет пермяков говорить о себе и даже выступать на арену печатной полемики. Я мог бы указать на целый ряд статей, посвященных усиленному выяснению различных общественных вопросов и принадлежащих перу лиц, для которых газетная работа

не составляет профессии, а последнее обстоятельство очень важно.

Характерно то, что за пределами губернии пермяков знают, главным образом, как театралов *de pur sange*. Развозят ли подобное мнение о мирных пермских гражданах временные гости — артисты, или оно сложилось вследствие исключительного факта городской антрепризы, но только оно не может, конечно, считаться особенно лестным. Впрочем, в данном случае приходится отметить, что увлечение, и даже чрезмерное увлечение театром обнаруживается везде в России, особенно же сильно в старой столице, где оно обуславливается, впрочем, серьезными мотивами и носит в большинстве случаев характер, совершенно сходный с театральным опьянением пермяков. В Москве нашла себе приют новая школа драматического искусства, порвавшая с прежними театральными традициями и воплотившая в «художественно-общедоступный театр», который является единственным и образцовым для всей России. И залог успеха этой школы таится не столько в ее неизменности требованиям сценической реальности, сколько в «настроении» ее пьес, близко подходящем к современному настроению большей части русской интеллигенции. Вот почему на новой сцене могут иметь успех пьесы с незамысловатой фабулой, иногда даже лишенные романтически любовной подкладки, которая еще и поныне является необходимой принадлежностью пьесы, желающей иметь успех у зрителей. Сторонника той же школы нового искусства мы находим и в опере, это Шаляпин, артист, недаром пользующийся славой и популярностью, несмотря на молодые годы и недавнее, сравнительно, служение на сцене. Совсем другой природы театральный спорт пермской публики. Здесь страсть к театру, преимущественно к опере, обуславливается скукою провинциальной жизни и есть, главным образом, развлечение, так сказать, дешевого сорта игра на нервах посредством услаждения слуха красивыми мо-

тивами и ансамблями: поэтому и драма не пользуется особым успехом у «настоящей» театральной публики, ядро которой составляют опероманы. Короче говоря, в то время как в Москве увлечение театром основано на чисто идейной почве, в Перми оно базируется прежде всего на внешнем выражении идеи: в первом случае играет главную роль ум, во втором чувство. Что же касается до увлечения личностями артистов, то оно везде одинаково, и хотя давно уже запечатлено названием психопатии, все же имеет свое оправдание, а, в общем, не стоит особого упоминания. Вообще, повторю, увлечение театром есть в настоящее время общее явление, по поводу которого психолог может написать громадный и в высшей степени интересный трактат.

ПГВ. 23 марта 1901 г.

Р. Д. К-ъ

Екатеринбургские письма

Стоит «сиротская» зима — трескучих морозов, пронизывающих тело почти не было, и беднота, не прикрывающая себя теплыми шубами, благословляет судьбу за ее милости. Но когда «на улице» холодно, когда дует несносный северо-западный ветер и температура понижается до точки замерзания ртути, тогда бедноте живется не весело, хотя мороз и заставляет танцевать и прыгать, чтобы согреть коченеющее тело. Особенно достается в такой мороз несчастным детям, выходящим на улицу не для прогулки, а для выпрашивания копеечки «Христа ради». О! таких ребятишек мороз не щадит и пробирается под лохмотья предательской холодной струйкой. «Барин, а барин, дайте копеечку», — дребезжит под ухом какая-нибудь девочка с посинелыми ручонками, сморщенным лицом и слезящимися глазами. «Барин» торопится домой, ему досадливо слушать несносное дребезжание и чтобы отделаться от девочки, он

сует ей «мелочь». Девочка на лету схватывает монетку и стремглав летит на встречу к «барыне», надеясь и ее разжалобить своим причитанием. Случается и очень часто случается, что детворе не удастся вымолить подаяние и тогда они спешат в «углы», где ... ну где им не придется испытать радости и встретить участливое слово. Картина не новая, но назидательная. Вопрос о призрении бедных детей затрагивается и разрабатывается печатью очень давно, хотя нужно признаться, что обществом сделано в этом отношении не особенно много и на долю общественной благотворительности остается еще немало детей, требующих и вызывающих о помощи. Читая по этому вопросу сочинения и руководствуясь статистическими данными, я должен признаться, что у нас сделано весьма не много для облегчения участи «малых сих» и что необходимо работать в этом направлении настойчиво и усиленно, что называется, не покладая рук, иначе мы рискуем оставить на долю холода и голода массу беспомощных существ, виноватых лишь в том, что они родились. Но не одни бесприютные и беспризорные дети нуждаются в помощи, ведь дети состоятельных людей, живущих в силу тех или других обстоятельств в городах, должны пользоваться вниманием и имеют право на тщательные об их здоровье заботы. У нас, например, в Екатеринбурге, общество ровно ничего или очень мало делает для своих детей, оно не заботится даже о чистом воздухе, о месте, где бы наши «потомки» могли, не задыхаясь от пыли, играть, бегать и резвиться. Лишь только «выставится первая рама», в Екатеринбурге жить становится весьма трудно, особенно тем, у кого легкие не особенно в порядке. Тучи пыли, точно в Сахаре во время самума, переносятся с места на место и обдают человека с головы до ног сырым, тончайшим налетом; слепит глаза эта пыль, заберется в горло и вызывает мучительный, катаральный кашель. А сколько в этой пыли носится болезнетворных бацилл, кокков, микрококков, спирилл и т. п. мельчайших вра-

гов человечества! Таким отравленным воздухом должны дышать наши дети, наша гордость, надежда; им решительно негде укрыться от удушливого, знойного воздуха, негде набраться кислорода, ибо в Екатеринбурге нет общественного сада, если не считать двух чахлах сквериков, из миниатюрных и бестенистых деревьев. Имеется, правда, чудный «Харитоновский» сад, но он не общественный, а частный и сдается в аренду увеселительных дел мастеру, культивирующему в саду шансонетку и «хор певец», т. е. именно то, что для детей менее всего пригодно.

Но не только о здоровых детях не думает общество, не заботится оно и о больных — у нас в Екатеринбурге нет детской больницы. Распространяться не нужно по этому вопросу — и без надлежащих комментариев ясно, что вопрос о детской больнице следует считать весьма важным, давно назревшим, требующим немедленного решения, разумеется, в положительном смысле. Вопрос этот, насколько мне известно, поднят нашим медицинским обществом, но в какой стадии развития он находится — я не знаю, хотя вряд ли ошибусь, если выскажу предположение, что вопрос о детской больнице мирно покоится до ... радостного утра.

От «малых», перейду к большим и начну с курьеза, рисующего, до некоторой степени, рельефно отсутствие у многих, призванных быть «ценителями и судьями», художественного развития. Дело происходит на одном литературно-музыкальном вечере. В числе участвующих была молодая пианистка, выбравшая сонату Бетховена (*sonata quasi una fantasia*). По окончании сонаты, сыгранной, нужно заметить, очень хорошо, посыпались жиденькие аплодисменты, и пианистка сошла с эстрады. К ней подходят две распорядительницы, имеющие претензию считаться «музыкантшами» и говорят во всеуслышание: «Ах, Боже мой, откуда вы выкопали такую чепуху — это невероятная пьеса, в ней нет ни смысла, ни творчества, что это за пьеса, скажите, пожалуйста?»

— Это соната Бетховена, *sonata quasi una fantasia*, — робко отвечает пианистка.

— Ах, та сйге, конечно ваш (*sic*) Бетховен хорошо писал, но, говоря *entre nous*, ужасно скучно. Напрасно вы играли такую скучнейшую вещь, сыграйте в следующем отделении бравурный вальс, изгладьте не-сносное впечатление. Пианистка отказалась, а распорядительницы, пожав плечами, величественно отошли.

Право эта жанровая картина поразительна и даже, если хотите, поучительна. В самом деле, «что наш Бетховен», когда мы не можем справиться с более простейшими требованиями культуры. Без ропота мы глотаем пыль, без ропота обходимся без водопровода, не ропщем на ужасающие тротуары, на искаленную мостовую и довольствуемся хладнокровно удобствами жизни примитивнейшего характера. Кто-то назвал, — должно быть в шутку — наш город «европейским» и мы приняли такое прозвище за чистую монету. Но, боже мой, как мало, в сущности говоря, у нас «европеизма» и как мы полны «азиатчиной», все что у нас имеется «европейского» — только внешнего свойства и отнюдь не свидетельствует, что мы сумели перенять у запада его культуру. Поезжайте, например, в грязь по улицам и попробуйте своротить с «каменного моря», т.е. с мостовой, и вы сейчас же расклетесь, завязнув в невылазной грязи. И не думайте, что такая грязь имеется где-нибудь на окраине города, отнюдь нет — трясину вы встретите в центре, например, по всей Колобовской (главная артерия для передвижения товаров), по Разгуляевской, начинающейся у Покровского проспекта. Какой городок, даже какое село в западной Европе имеет такие прелести? Там давным-давно пришли к убеждению, что удобные пути сообщения служат лучшими пособниками развитию промышленности, там разные муниципалитеты входят по уши в долги, чтобы лишь иметь мощные улицы, а мы... мы ездим, завязаем, вытаскиваем и руга-

емся... вот и все активное участие общества в «европеизме» нашего города. Но особенно много...

Но оставляю эту тему и поспешу перейти на мажорный лад, чтобы более спокойно говорить «о предметах наиболее важных и сугубое значение имеющих». Конечно, приходится говорить опять о театре, и на этот раз не об икс-театре, а уже о настоящем, т.е. видимом. Нужно вам сказать, что сперва у нас была дирекция, но не как у вас, не городская, а наезжая и директором подписывался на афишах г. Девиклер. Не стану перечислять всех промахов дирекции — их было очень много, а скажу, что благодаря неумелости администраторов труппы, дела пошли все хуже и хуже и в конце концов пришлось, чтобы выручить артистов из весьма стесненного положения, взять П.П. Медведеву антрепризу на себя. Теперь вполне можно надеяться, что сезон благополучно докатится до конца и будет по пословице «всяк человек бражкой и едой удовлетворен до сытости», т. е. публика станет усердно посещать театр, благодаря умелому ведению дела, а артисты получать сполна свои трудовые денежки — словом, *finis opus coronat*. <...>

Скоро начнется Ирбитская ярмарка, и туда уже идут обоз за обозом, транспорт за транспортом. Здесь мне говорили, что ожидается «средняя» ярмарка, что «больших» дел ожидать трудно. Но что готовятся кутнуть во всю российскую ширь — это правда, «без этого ярмарка — не ярмарка, нынче только куда тише стало — сибиряк притих, разгулу у него супротив прежнего нет. Прежде бывало, сами в шампанском купались и многих девиц купали, а теперь шабаш, теперь чуть чего — сейчас неприятность. «Очень теперь трудно стало, — проговорил ехавший вместе человек, прислушивавшийся к разговору, (разговаривали в вагоне ж.д.), — теперь, можно сказать, не ярмарка, а похороны». Я рассмеялся, а мои собеседники удивительно взглянули на меня. «Чему же вы смеетесь, верно вам говорим, вы хоть кого спросите». «Верно, верно, — поспешил я согласиться и могу лишь прибавить, что пе-

чальтесь о бывшем безобразии не буду. — Вот вы что, а мы думали вы тоже в ярмарку едете, вы значит, городской житель, так нам все и понятно. Жестокие, сударь у нас нравы, жестокие».

ПГВ. 24 янв. 1897 г.

С. А. Ильин

Ильин Сергей Андреевич (1867–1914) — пермский журналист, поэт, музыкант, сыгравший видную роль в культурной жизни Перми конца XIX — начала XX в. Самое яркое его амплуа — поэт-фельетонист, писавший под псевдонимом Little man. Его стихотворные фельетоны были настоящим украшением местных Ведомостей более полутора десятков лет — с 1897 по 1914 гг. Активно сотрудничал и со многими другими уральскими изданиями, тем не менее, большая часть литературных и публицистических материалов Сергея Ильина была опубликована именно в «Пермских губернских ведомостях».

Владимир Галактионович Короленко (15 июня 1853 — 15 июня 1903 гг.)

Владимир Галактионович Короленко, знаменитый русский писатель, родился ровно пятьдесят лет назад, а именно 15 июня 1853 г. в Житомире¹. По линии отца он старого казацкого рода, по линии матери — польский дворянин. Детство и отрочество В. Г. протекли в Волынской губернии, стране русняков, поляков и евреев. Окончивши в 1870 г. курс в Ревельском реальном училище уже после смерти отца, Короленко поступил в петербургский технологический институт и целых два года находился в самых тяжелых материальных условиях в зависимости от случайного заработка вроде переписки или корректуры. В 1872 г. ему удалось перебраться в Москву и поступить стипендиатом в петровско-

¹ В «Новост. дня» в фельетонной заметке «Вскользь» указывается, что В. Короленко сам объясняет, что ему действительно нынче исполнится 50 лет, но только 15 июля, почему его и зовут Владимиром. К сожалению, не указана та газета, где напечатано письмо В. Короленко. Надеюсь, что читатель не посетует, если окажется, действительно, что о нашем писателе я заговорил месяцем раньше.

разумовскую академию. В 1874 г. он из академии был исключен и мы снова видим его в Петербурге, где он добывает хлеб корректурной работой. К этому же периоду относится и его первый беллетристический рассказ, напечатанный в «Слове» 1879 г. («Эпизоды из жизни искателя»). В 1879 или 1878 г. он находился в Перми. Коротенькая его биография (например, С. Венгерова в словаре Брокгауза или А. в «Журнале для всех») даже не упоминает о том, что В. Г. жил в Перми; между тем мне достоверно известно, что Короленко не только был в Перми, но и жил в нашем городе около года и служил на уральской горнозаводской железной дороге. Так как тогда дорога была частная, то теперешнему управлению пермской дороги в наследие от нее не осталось никакого правильно организованного архива, из дел которого можно было бы извлечь данные о службе Короленко на железной дороге. К сожалению, и сослуживцы В. Г. — отчасти разъехались из Перми, другие же умерли. Начальником службы статистики, где служил В. Г., был В. Криль, ныне начальник материальной службы в управлении восточно-китайской дороги (г. Хорбин). Своевременно я не догадался попросить его сообщить то, что он знает или помнит о Короленко, как его подчиненном, другой же сослуживец В. Г. — Н. И. Фирсов на мое письмо не отправил ни строчки. Наконец от третьего сослуживца А. П. Катаева мне удалось узнать немного: по его словам, В. Г. был человеком не особенно общительным, да и сослуживцы его тогда еще не думали, что их скромный товарищ — будущая европейская известность. Однако несомненно, что в это время в бумагах Короленко были уже оригиналы таких шедевров, как «Река играет», а может быть, и «В ночь под светлый праздник».

Короленко возвращается в Россию, поселяется в Нижнем Новгороде и дает читателям ряд очерков, которые в 1886 г. уже выходят отдельным изданием. С начала 90-х гг. из-под его пера рядом с художественными

произведениями выходят и публицистические работы. В «Голодном годе» он описывает свое пребывание среди голодающих, затем мы видим его в зале суда в качестве защитника главного подсудимого по знаменитому малмыжскому делу (обвинение в ритуальном убийстве), о котором он написал несколько публицистических статей и топографических очерков. В это время уже вся читающая публика была знакома с такими рассказами, как «Слепой музыкант», «Река играет», «В дурном обществе», «Лес шумит», «Старый звонарь», «На затмения», «Ночью», «За иконой», «Тени», «Судный день «Иомкипур»». В текущем году появились отдельным изданием такие превосходные вещи, как «Огоньки», «Парадокс», «Мороз», «Последний луч», «Мгновенье», «В облачный день» и в особенности — «Государевы ямщики». Наконец, в самое последнее время Короленко снова нарушил свое довольно продолжительное молчание и одал нас прекрасным этюдом под названием «Нестрашное». В настоящее время В. Г. состоит редактором одного из самых симпатичных и содержательных наших журналов — «Русского богатства». Из других произведений В. Г. назовем «Проход и студенты», «С двух сторон» и напечатанные в Лондоне «Чудная» и «Воспоминания о Н. Г. Чернышевском». Рассказы В. Г. переведены на английский, французский, немецкий, итальянский языки и на многие славянские. Из отдельных рассказов, изданных для народа с.-петербургским комитетом грамотности, «Невольный убийца» заслужил автору большую золотую медаль имени Погосского.

Применять к произведениям В. Г. какой-нибудь критический метод я не стану. Короленко — слишком большой и глубокий художник, чтобы о его произведениях можно было говорить с такой авторитетной скоропелостью, какая заключается, например, в этюде Виноградова. Однако отличительные черты его творчества не подлежат спору и двух мнений о них быть не может. Это — поэзия языка, такая колоритная и сильная, то

привлекающая вас рельефною выпуклостью рисунка, то чарующая веянием чего-то таинственного и неизведанного. Чувства и мысли писателя всегда глубоко привлекательны и чужды какой-либо тенденциозности и говорят нам о любви к народу, о вере в него и его светлое будущее и о стремлении писателя доискаться в каждом человеке именно «человека», будь то «подлец-мужичок» Тюлин или жид Янкель, или вор Тыбурций, или жуликоватый чалган якут Макар, или униат Островский, или фанатик арестант Яшка. Эта вера в людей и бодрая вера в победу добра над злом красною нитью проходят через все произведения Короленко и в них залог его успеха и того неотразимого обаяния, которое производит почти каждый его рассказ на читателей самых противоположных взглядов. О Короленко как о великом беллетристе одинаково восторженно отзываются и представители либерализма и завзятые консерваторы.

ПГВ. 15 июня 1903 г.

Mein liebchen Пермь

Mein liebchen Пермь, чего желать?
Столица к нам все ближе, ближе, —
Накладно побывать в Париже,
Но в Петербург — рукой подать.
Was wilt du mehr?¹ У ног Урала
Великопермская страна
Веками целыми дремала,
Преодолеть не в силах сна.
Но мы теперь переживаем
Момент великий: в ряд годин,
Проснувшись, стал неузнаваем
Наш край — уральский исполин.
Обилье сил его громадно,
Его могучи рамена,
Сейчас знакомится с ним жадно

¹ Чего еще? (нем.)

И спешно русская страна.
На горном камском побережье
Раскинул лапы он медвежий,
Но благодушный этот зверь
К прогрессу приобщен теперь.
Забыты прежние ухватки:
Широколицые из Вятки
Зыряне, чудь и пермяки
Уже надели «спинжаки».
Как не надеть! Еще недавно
В театр ходили мы исправно
И провели ряд вечеров,
Игрою дивной наслаждаясь,
Игрой столичных мастеров.
Теперь, тревожно улыбаясь,
Мы нетерпением горим:
Сам Горький едет к нам Максим,
Сам Чехов едет вместе с ним!¹
Пермяк их ждет, смеясь и плача,
Он от избытка чувств размяк,
Ему действительно удача:
Отец у Горького пермяк!
Что показать гостям столичным?
Чем их внимание занять?
Боюсь, что город поэтичным
Весьма рискованно назвать!
Вагоны ль, барки ль, пароходы
И нашу Каму показать?
Пейзажи ль северной природы:
Ручьи, болота и леса,
И серенькие небеса?
Урал и горные заводы —

¹ Летом 1902 г. Чехов останавливался в Перми на несколько дней по пути из Всеволодо-Вильвы, где он гостил у Саввы Морозова. Горький в это время в Пермь не приезжал, слухи о совместном приезде Горького и Чехова долгое время ходили по городу, но так и не оправдались.

Вот наша гордость и краса;
Их, не конфузясь, и покажем,
Пока же, поклонившись, скажем:
Вы не ошиблись в пермяке, —
Он ждет вас к своему жилищу,
К своей кормилице-реке;
Найдет себе ваш гений пищу
И здесь, в «медвежьем уголке».

ПГВ. 23 июня 1902 г.

В. Я. Кричевский

Кричевский Владимир Яковлевич (1863–1915) — журналист и фельетонист. Приехал в Пермь в 1895 г. и сразу стал секретарем редакции главной пермской газеты «Пермские губернские ведомости». Газета при нём оживилась, стала более современной и живой. Появились живые и бойкие рубрики «Маленький фельетон», «Воскресные наброски», «Темы дня» и др. Кричевский привез в Пермь моду на ежедневный фельетон и стал его ведущим автором. О нем вспоминал позднее М. Осоргин в своем очерке «Известные по качеству»: «... был у нас свой фельетонист, по фамилии Кричевский, по псевдониму Кри-Кри. Как он писал! Сколько яду он вкладывал в свои короткие строчки в неофициальном отделе “Губернских ведомостей”! Начальства, правда, не трогал, но отцы города только зубами бессильно скрипели». В 1903 г. Кричевский уехал в Петербург, где сперва редактировал собственную газету, а потом стал постоянным сотрудником «Нового Времени».

Екатеринбуржец — что пермяк

Выбор места для высшего учебного заведения на Урале — кто решит его наконец настоящим образом?

Ничего интересного в том, что пермяки стоят горю за Пермь, а екатеринбуржцы за Екатеринбург. Было бы оригинально, если бы те и другие обменялись пунктами тяготения. Хотя это «семейный спор между собою», но положить конец ему суждено не нам. Спор, однако, все разгорается. Вон, екатеринбуржцы палят в газетах уже без прибегания к каким бы то ни было доказательствам: «Дескать, просто даже наивно со стороны Перми претендовать». Уже с иронической улыбкой, но, кажется, деланною. Пермя-

ки же не бросают серьезного тона. Наблюдать таких спорящих любопытно. В сущности, спорщики — родные братья, екатеринбуржец — вылитый пермяк. Какая между ними разница — и в лупу не умотришь. Любопытно то, что горячо заспорившие родные прикидываются обыкновенно «чужими» друг другу: в глазах этакой бесчувственный холод, и ничего-де ты для меня не представляешь, и жалеть не стану — хоть век не видаться и тому подобное.

А сунься-ка между спорщиками настоящий чужой, например, Уфа, Оренбург. Последний станет, примерно, тянуть к себе: у меня, скажет, округ — вот где быть высшему заведению. Вот тут-то и заговорят свои, общепермские интересы. Кровь — не вода. Все ведь наше. Эка, подумаешь, даль: Пермь — Екатеринбург! И что за разница такая — где именно заводы: под самым боком Екатеринбурга или в Тагиле. Да ведь они и на всем пути между обоими родственными городами. Сколько угодно. Немного ближе, немного дальше, что за такие аптекарские счета!

Вот так-то ежели встряхнуть спорщиков — и спора как не бывало.

ПГВ. 26 сент. 1898 г.

С. С. Геммельман

Геммельман Сергей Сергеевич — ученый-энтомолог, поэт, писатель. Во время службы межевым инженером в Пермском губернском правлении (1903–1909 гг.) много путешествовал по Прикамью, представляя свои путевые впечатления на страницах газеты «Пермские губернские ведомости» (особенно активно — в 1906–1907 гг.). Кроме того, был незаурядным фельетонистом. Излюбленным жанром Геммельмана, писавшего под псевдонимом Гамма, были фельетонные письма в стихах. Наибольший интерес представляет его цикл «Писем в Москву» — это 19 стихотворных фельетонов, написанных онегинской строфой, которая была чрезвычайно популярна среди фельетонистов начала XX в.

Письмо в Москву

От милой родины далеко
 Меня занес суровый рок,
 И вот я с северо-востока
 Пишу домой немного строк.
 Сюда тащился с страхом тайным,
 Что в городе провинциальном
 Умру от скуки я, и вот
 Неверен был такой расчет.
 Первопрестольной не мешает
 С Перми во многом взять пример
 И поучиться: например,
 Почти полгорода сияет
 Здесь электричеством. У вас —
 Коптящий, устарелый газ.

С давнишних пор Москва мечтает
 О таксе для своих возниц,
 Бесплодно головы ломает
 Над таксомером масса лиц,
 Но безуспешны их старанья...
 В Перми московские мечтанья
 В действительность обращены:
 Давно таблицы введены.
 Положим, кажется, возницы
 (Грешок за ними этот есть)
 Не очень уважают здесь
 Для них введенные таблицы,
 Но шкур с прохожих не дерут
 И брань вдогонку не орут.
 Почти такие ж разговоры
 Волнуют пермские умы,
 О том же речи, те же споры,
 Какими волновались мы;
 Как и в Москве, ручаюсь смело,
 Здесь для злобистов много дела,

Как и в Москве, водопровод
 Богатство разных тем дает.
 Положим, здесь о нем мечтают,
 У вас он есть, да в том беда,
 Что очень мутная вода;
 А пермяки не унывают:
 Они желают как-нибудь
 Водицей «светлой»¹ щегольнуть.

Ну что ж, дай, Боже, им успеха,
 От разных фильтров их избавь
 И всем газетам на потеху
 Водопровод их не поставь.
 Когда ж он будет — неизвестно,
 Хоть воду ищут повсеместно,
 Но безуспешно много лет,
 Нигде воды все нет и нет.
 Пришлите Зимина². Без дела
 В отставке он не первый год,
 Он живо даст водопровод
 И воду он найдет умело...
 А впрочем, кажется, опять
 У вас он хочет воевать.
 На первый раз пока довольно:
 Ретиво расписался я, —
 Все темы вышли, и невольно
 Мысль истощается моя.
 Еще раз шлю привет сердечный
 Родной Москве. Ее, конечно,
 Забыть не в силах я. Опять
 У вас надеюсь побывать.
 Да, позабыл я о погоде

¹ Автор иронически обыгрывает название речки Светлой (Светлушка, левый приток Данилихи), воду которой первоначально планировали использовать для пермского водопровода.

² Зимин — инженер, прославившийся строительством московского водопровода.

Вам сообщить в письме моем:
 Сентябрь смотрел здесь декабрем,
 И что-то странное в природе
 Творилось. Будет. Мой Пегас
 Устал и хочет на Парнас.

ПГВ. 5 окт. 1903 г.

А. Н. Скугарев

Скугарев Александр Николаевич (около 1870—1912) — журналист, театральный критик, один из фельетонистов «Пермских губернских ведомостей». Писал под псевдонимами Вера Гукс, В.Г., Мельковский. Он перебрался в Пермь из Екатеринбурга уже опытным газетчиком: писал театральные рецензии в столичной прессе, поработал редактором и фельетонистом в екатеринбургском «Деловом корреспонденте». В «Пермских губернских ведомостях» он сменил уехавшего в Москву В. Я. Кричевского на посту секретаря редакции. Вскоре Скугарев стал ведущим журналистом ПГВ и вообще популярнейшим в городе человеком: был командором пермского велосипедного общества и секретарем дамского попечительства о бедных, играл на любительской сцене в драматических ролях. Слава его была столь громкой, что летописец Перми В. С. Верхованцев счёл его приезд в Пермь одним из самых примечательных событий 1897 г. Больше десятилетия острое перо Гукса украшало страницы главной губернской газеты. Он писал музыкальные и театральные рецензии, хронику, статьи и фельетоны.

Мотовилихинская статистика

Чуть-чуть статистики.

Из отчетов госпиталя и амбулатории пермских пушечных заводов (Мотовилиха тож) за 1902 г. видно, что всего обращалось за медицинской помощью рабочих, получивших разные увечья вне заводских работ (сиречь, во время драк, побоищ и тому подобное), 1284 человека. 1284 человека изувечены в Мотовилихе в драках в течение одного года! В среднем, значит, 107 человек в месяц, 3,5 человека в день!

Один мой знакомый — досужий статистик (статистики всегда «досужие люди») — занялся вычислением времени, которое потребуется, чтобы изувечить в драках всех до единого рабочих Мотовилихи.

И вот что вышло.

Всех рабочих на заводе обращается 5617 человек, следовательно, если ежегодно в драках получают увечья 1284 человека, что все рабочие будут изувечены в четыре года, четыре месяца и пятнадцать дней.

Вся деревянная Россия выгорает в пятьдесят (так, кажется?) лет, а мотовилихинцы увечатся в драках менее чем через пять лет!

Таким образом, каждый рабочий, проработавший в Мотовилихе 9 лет, будет изувечен в драках дважды...

Хорошая штука статистика!..

Предлагаю досужим статистикам вычислить: какое количество венских стульев можно покрыть потребляемой в Мотовилихе политуры ежегодно?

Сколько лет потребуется, чтобы этими стульями опоясать в один ряд весь земной шар по экватору?

Сколько зубных врачей нашли бы себе верный и обеспеченный заработок, если бы мотовилихинцы все вышибленные в драках зубы заменяли вставными?

Какое количество мускульной силы расходуется мотовилихинцами в драках и что могла бы сделать эта сила, если бы можно было обратить ее на полезное действие?

ПГВ. 24 июня 1903 г.

Ф. Мейер

Мейер Федор [Андреевич] — автор рассказов и очерков, которые публиковались преимущественно в «Пермских губернских ведомостях» в 1890-х гг. Предположительно, мировой судья Осинского округа.

По Вишере (Из путевых набросков)

21 августа 189... я выехал из Чердыни. Под горою вилась р. Колва, вдали верст за 30 темнел красный Полюдов камень, напоминающий постамент памятника Петру I в Петербурге; верстах в пяти виднелось село

Покча. Стояло чудное теплое утро... Минут через 25 мы уже ехали через Покчу, и мимо мелькали среди лачужек каменные и деревянные хоромы покченских магнатов — этих царьков печорского края, у которых по торговле или скорее по обмену жизненных продуктов: хлеба, соли, чаю, сахару, вина, табаку и других на семгу, сиги, рябчики и пушной товар население Печоры чуть не в крепостном праве. У них разделена Печора, у каждого свои селения, куда уже другой покчинец, а также и чердынец не смеет проникнуть, где торгует и ведет мену только облюбовавший эту местность.... От Чердыни идет прелестно содержимый тракт, по обеим сторонам которого от Покчи вплоть до с. Вильгорта, на расстоянии верст десяти, тянется хвойный лес. В 2 верстах от Вильгорта в селе Камгорте перевоз через р. Колву, и опять вплоть до с. Искора, верст 14, хвойный лес с тою же чудною дорогою. На половине пути переправа через небольшую нарядную речку Низьву, с чистою, прозрачною водою, с окаймленными лесом и кустарниками берегами. От Искора до дер. Бахарей идет на протяжении верст 35 прескверная проселочная дорога. Около Бахарей, верстах в шести от дороги, стоит могучим великаном Полюд; здесь он менее красив: покрытый весь лесом, он напоминает мохнатую шапку Машука, у подножия которого раскинулся Пятигорск. В Бахари я приехал, когда уже стало темно. Я вышел на берег полюбоваться Вишерою. На противоположном берегу ее через густившуюся темноту еще виднелись покрытые лесом очертания холмистых возвышенностей, и в расположенных на них деревушках светились огоньки. В местах четырех по реке лучили рыбу; горящие в лодке смолистые коренья далеко по воде отбрасывали яркие снопы света, которые то удалялись, то приближались, смотря по движению лодки... Теплая, темная ночь. Кругом полная тишина, изредка прерываемая плеском остроги у лодки... Что-то чарующее было в этой картине, я долго любовался ею.... По возвращении меня ждала уха из ви-

шерских рыб — харюза и линия, очень вкусных и нежных.

Часов в шесть утра мне подали пару лошадей в тележке, и я с одним из ближнего селения крестьянином отправился на вершину Полюда. Дорога все идет в гору, версты через две делается невозможною для передвижения: всюду пни, корни, в низменных, болотистых местах выбоины, наполненные грязью и водою, в которых тонут лошади и колеса по ступицу. Лес становится гуще, началась «парма», по местному выражению. Наконец, останавливаемся; ямщик выпрягает лошадей и, разведя костер, оставляем их под охраною сестры ямщика, девочки лет 15. Сами втроем отправляемся на вершину. Подъем не особенно крут; только пройдя версты две, у самой вершины Полюда, он делается значительно круче. Лес к вершине редет и делается низкорослым. Вот и вершина Полюда, небольшая площадка с нагроможденными на ней камнями, с одной стороны она совершенно отвесна. Но что за дивный вид! Далеко, далеко вьется узкою лентою Вишера; отчетливо видны камни Ветлан и Говорлинский, село Говорлинское и другие селения, ютящиеся по берегам Вишеры; внизу синеют на далекое пространство вековые леса; Чердынь с ее семью церквями вся на виду; затем Покча, Вильгорт, Искор, Ныроб, а там еще дальше, верст за десяти, высятся вершины других великанов Урала... Спутники мои рассказывали, что в Полюде есть пещера, в которой находится окаменелый богатырь и каждому, дошедшему до него, дает полную горсть золота, но только возвращаясь обратно, нужно не оглядываться, иначе также обратишься в окаменелость! Входа же в пещеру не могли указать.... Между Чердынью и Полюдом набежала небольшая тучка, пошел мелкий дождик, и Чердынь занавесилась от нас, как кисею...

Часов в двенадцать дня я отправился дальше. От Бахарей Вишера принимает характер горной реки, и вследствие быстроты движения поднимаются уже не на

веслах, а на шестах; один с шестом становится в корме, а другой, для легкости обыкновенно женщина, в носовой части лодки, нужно в ней сидеть или лежать спокойно, особенно не двигаясь. Случается, что вишерцы целые дни, за небольшим отдыхом простаивают в лодке, подымаясь по течению. И с какою ловкостью они управляют ею: вот кажется лодка так и заденет, наткнется на торчащие из воды камни, разобьется; но один верный взмах шеста и послушная лодка проходит там, где ей следует, лавируя между камнями, в нескольких вершках от них.... В двух верстах от Бахарей на значительном протяжении зубчатыми стенами тянется камень Ветлан. Чем дальше, тем берега, покрытые хвойным и лиственным лесом, гористые и крутые, переходя часто в совершенно отвесные скалы, уступы, делаются все живописнее и живописнее изредка, где берега более пологие открываются холмистые дали, с раскинутыми в них селениями. На дне реки через светлую, совершенно прозрачную воду виден каждый камешек... Местами часть реки, для ловли рыбы, запружена камнями, лесом, хворостом; посредине таких запрудов оставлен проход для воды, где она шумно и быстро мчит. Такие запруды способствуют к засорению фарватера и мешают передвижению лодок... Полюд, как грозный страж, сопровождает нас; на одном из поворотов реки он виден чуть не весь, от подошвы до вершины. Вот он, могучий седовласый старец, мимо которого пролетели тысячелетия, хмуро смотрит на нас и как будто шепчет: — «что вы, пигмеи! сравнительно с теми народами, которые прошли мимо меня... более богатыми и промышленными чем вы. Плыли мимо меня лодочки и суденышки Чуди, бесследно исчезнувшей в пучине времени.... Здесь, кругом меня было целое царство Биармия... Чердынъ вашу, теперь небольшой глухой городишко, я знал когда-то богатой, ведущей торговое сношение с Грецией, Персией, Индией и другими странами... Я видел дивные, горевшие золотом и драгоценными камнями,

ями, храмы, воздвигнутые в честь бога Юмалы.... Теперь же от былого величия остались только одни безмолвные курганы да городища!»! Впереди на смену Полюду уж выступают другие стражи Урала, а Полюд, окончивши свою сторожевую службу, скрывается от взоров...

Вдали, на горе, показалась небольшая деревянная церковь села Говорливского и невзрачные лачужки обитателей села. Село расположено на Говорливском камне, который тянется над самою рекою отвесными, гладкими, слоистыми стенами. Я нигде не слышал такого замечательного эхо, как здесь. Как бы слово не было сказано, тихо ли, громко ли, эхо передает внятно каждый слог слова, сохраняя до мельчайшей точности самый тембр голоса, слышишь положительно повторение своего собственного голоса. В стороне от Говорливского камня выступает вдаль новый страж Урала Помяненный камень со своими многочисленными вершинами-уступами. Очертания берегов принимают разные причудливые формы: то из скал и уступов созидаются развалины замков и башен, то из них группируются разные фантастические фигуры каких-то громадных зверей, птиц, чудовищных голов с разинутыми пастьми, черными впадинами вместо глаз. Чаше попадаются перекаты, «переборы», как их здесь называют, где Вишера бурлит, шумит, волнуется, пенится. Вот у самого берега выдается в воду громадный камень, вода около него шумит, кружится; ход лодки от быстроты течения замедляется; лодочники уже не медленно забрасывают шесты, а вертят их колесом, чтобы чаще концами шеста упираться о дно реки и тем скорее миновать быстрое течение.... Стемнело... Вдали показались два огонька красный и синий и целый фейерверк искр, в скором времени мимо проплыл небольшой пароходик «Велс». Взошла луна. Красавица Вишера сделалась еще величавее. Гул воды на переборах и рыбных запорах далеко разносится в ночном воздухе по реке. Вода серебрится. Утесы и кам-

ни, облитые лунным светом, отдают матовым блеском в местах, не покрытых растительностью. Где-то там, в лесу, гогочет филин своим резким неприятным звуком... Августовская ночь обдает летним теплом, пронизывая только изредка влажною, холодною струею... На горе мелькнули огоньки. Мы подъехали к дер. Велгур. Звонко слышится в деревне лай собак, перекатываясь эхом в соседних горах, как будто во всех уголках окружающих Велгур гор разбросаны целые стаи собак...

Рано утром мы поплыли дальше. Недалеко от Велгур Дыроватый камень, отвесно стоящий над водой и весь испещренный узкими отверстиями, входами; под ними Вишера очень быстра. Затем, дальше, верстах в пяти от камня, у самой реки, расположено несколько каменных глыб, колонн (столбов, как их здесь называют), у дер. Сыпучи открывается чудный горизонт, справа возвышаются горы Гремячева и Сыпучинская, а там впереди далеко горделивый страж Урала Золотой камень, окутанный дымкою тумана. За дер. Сыпучи около дер. Писанной тянется такими же отвесными стенами, как Говорливский и Ветланский, Писанный камень, который получил свое название от надписей, находящихся на одной из его стен. Эти надписи в настоящее время представляют какие-то очертания, что-то вроде человеческих фигур, голов, оленей, нарисованных каким-то темно-красным веществом. Я слышал предположение, что эти надписи сделаны кочующими здесь ранее вогулами и означают извещение одного вогула другому о том, что он с товарищами на оленях отправился на охоту. Вишерцы дают более поэтическое толкование, что эти надписи — письма древних вишерских царей. В деревне Акчим и заночевал...

Раннее утро. Река окутана туманом. Белые известковые скалы напротив Акчима, на противоположном берегу Вишеры, как покрытые саваном приведения, выглядывают из-за тумана... Лодка давно уже оставила позади себя Акчим... Фон реки несколько меняется. Укло-

ны на переборах круче, вода на них, набегая на находящиеся в реке камни, волнуется, бурлит, бьет каскадами. Лодка с трудом поднимается. Берега делаются менее крутыми, горизонты расширяются; и недалеко покрытые лесом горы, при освещении их солнцем, принимают разные оттенки окрасок, только что ярко зеленая полоса леса, уже от набежавшего на солнце облачка, кажется темною, черною; а там опять новые тона окрасок... Давно уже миновали Ябурский камень. Вишера по-прежнему гудит и воет среди камней на переборах. Вдали опять показался покрытый дымчатою пеленою Золотой камень. Ветерок делается свежее, даль туманится, заволакивается тучами. С левой стороны надвигается камень Боец. Здесь большой перекат. Вода бурлит, пенится. Весною это место очень опасно для сплава судов с чугуном, течение наносит суда прямо на камень, и вода, ударяясь об него, громадными волами разбегается по реке, дробясь на более мелкие валы среди русла реки. Напротив Бойца впадает речка Золотиха, она бешено рвется, воды почти не видно, одна только пена несется в Вишеру. Тут же недалеко от устья Золотихи стоит разбитая барка, а на берегу сложен вынутый из воды чугун. Солнце скрылось, даль потемнела, грозные тучи все больше и больше хмурятся, ветер крепчает и препятствует движению лодки, гул леса сливается с шумом реки... Часу в первом дня мы были как раз на половине пути до Усть-Улса, проплыли 22 версты, и лодочники изъявили желание отдохнуть. У берега стоят две большие закрытые лодки; на берегу устроена из кольев и бересты небольшая палатка, в которой помещается сколоченный из досок стол, с трех сторон, лавки, над палаткою на шесте развивается казенный флаг. Оказалось, что мы остановились на месте расчистки фарватера реки. Около палатки я встретил заведовавшего работами по расчистке молодым человеком — одним из служащих. Я проголодался, и мы мигом устроили в палатке завтрак: у меня нашлись жареные цыплята, курица, а у

них рябчики... Часа через два, когда лодочник с дочерью отдохнули, я тронулся в дальнейший путь. Потянулись мимо меня один за другим Гостиный, Ваинский, Ереминский, Ветренный и другие камни. Под вечер показались новенькие домики пристани Кутимского завода с целым караваном вновь выстроенных судов для сплава чугуна. Самый же завод находится в верстах в 35 от реки. Слышится свисток, и небольшой, как игрушка, локомотивчик ходко бежит по берегу Вишеры по направлению к лесу. На противоположном берегу против заводской пристани раскинулась на горе невзрачная деревушка Усть-Улс. Из деревни, сверху горы, открывается красивая панорама: кругом ютятся горы, вдали хорошо видны на одной из вершин Кваркуша два столба, «уши», как их здесь называют. Чутко прислушивается ими седовласый Урал, как новая промышленная жизнь начинает бить могучим ключом в этих дебрях, рассекая кайлою и динамитом недра его... Деревня Усть-Улс населена русскими и вогулами, совершенно уже обрусевшими и оседлыми. Кочующие вогулы появляются у Чувала; в это время, как мне передавали, в верстах 30 от Чувала находилось кочевье вогула Степана... Небольшие пароходы доходят до Усть-Улса только весной и то после спада большой воды, во время которой они не могут совладать с течением по быстроте его; летом же движению пароходов препятствует мелководье и камни на перекатах. Впрочем, теперь фарватер реки исправляется, и река делается более судоходною.

На следующий день я отправился в Кутимский завод по конно-железной дороге. Мне подали маленький вагончик, запряженный одною лошадию. По середине вагончика устроен диван на четыре места, два спереди и два сзади, последние занял я и ехавший так же в Кутимский завод, на одном из передних поместился кучер, на другом наш багаж. С боков и сверху вагончик был обтянут рогожами. При встречах с рабочими поездами — с дровами и лесом, наш вагончик, опрокидывая на бок,

мигом сбрасывали с рельсов, и, по проходе поезда, мигом опять ставили на путь. День был пасмурный, дул холодный ветер, пронизывая насквозь в плохо защищенном вагончике. Дорога шла вблизи реки Улс, среди леса, гор и скал. Вот вагончик делает крутой поворот, и мы едем по расчищенному динамитом горному уступу; над нами стоит отвесная скала, внизу обрыв, а там, на дне его бешено ревет и скачет с камня на камень весь покрытый белую пеною Улс. У самого завода протекает речка Кутим, от которой завод и получает свое название. Кругом завода горы, из них по своей величине и высоте выдается Кваркуш, вершина которого белела от выпавшего там в то время снега... Кутимский завод основан лет восемь тому назад, но уже представляет довольно порядочное селение, состоящее из небольших, новеньких, деревянных домиков, преимущественно казарм для рабочих и квартир для служащих. Местного населения здесь нет, все это пришлое, в большинстве из других губерний, постоянно меняющееся. Для выплавки чугуна устроены две доменные печи. Руда очень богатая по своему содержанию.

С постройкою Кутимского завода жизнь населения вишерского края совершенно изменилась. Ранее единственным промыслом населения этого края было звероловство и охота, но промысел этот не давал хорошего заработка населению, так как находился в руках нескольких крупных чердынских капиталистов, которые, снабжая охотников под продукты охоты весьма необходимым: хлебом, свинцом, порохом, дробью — ставили все это по весьма высокой цене, а при получении от охотников убитых зверей и птиц, напротив, давали за них крайне низкие цены. Теперь уже не многие из вишерцев занимаются охотой. Большинство из них заняты работами при заводе, доставкой грузов водою на завод и сплавом по Вишере чугуна. Хлебопашеством же, как ранее, так и теперь, особенно жители сыпучинской во-

лости, по неплодородию почвы и суровости климата, почти вовсе не занимаются.

В тот же день вечером я выехал из завода обратно с тем же пассажиром, с которым ехал вперед. Ночь была темная, осенняя. Добравшись до полустанка, на половине пути, мы узнаем, что на встречу нам с пристани только что вышел локомотивчик. Ехать навстречу ему с тем, чтобы заблаговременно очистить путь для прохода его, сбросив вагончик с рельсов, мы опасались, т.к. за темнотою и шумом от движения вагончика, боялись не усмотреть где-нибудь на повороте своевременно приближение локомотива, который тогда может нас и смять и опрокинуть куда-нибудь в обрыв или же испугать лошадей, которая, бросившись в сторону, сама может опрокинуть вагончик. Ожидать прибытия локомотивчика на полустанке пришлось бы долго, так как они, делая еще только маневры, (в это время заводоуправление только что намеревалось заменить конное движение паровым) ходили очень медленно; да, наконец, он мог и не дойти до полустанка, вернуться обратно и нам пришлось бы пробыть всю ночь. Мы сообщили о своем затруднении по телефону заводской администрации. Последовал ответ, что сделано распоряжение о возвращении локомотивчика обратно. Но пока эта процедура продолжалась, нам пришлось просидеть на полустанке часа два и уже поздно ночью возвратиться в Усть-Улс. Деревня еще не спала, галдение пьяных ватаг далеко разносилось в ночной тишине. С повышением, в последствие хороших заработков, материального благосостояния населения, в последнее время развилось и сильное пьянство по деревням, особенно в дер. Усть-Улс, где всегда скопляется и живет много пришлого люда.

<...>

В полдень я выехал обратно; осень давала себя чувствовать, опять моросил мелкий дождик, который и мочил меня весь обратный путь. Стражей Урала — Золотого, Помяненного и других камней из-за тумана и

мглы не было видно. Только Писанный, Говорливский, Ветлан неприветливо смотрели своими мокрыми отвесными стенами в воды Вишеры. По высоким берегам ее слался туман. В воздухе было холодно и сыро. Я, закрытый брезентом, в непромокаемом плаще, неподвижно сидел в лодке, шибко мчавшейся по быстрому течению реки и управляемой теперь уже веслами.

ПГВ. 8, 9, 10 янв. 1898 г.

С. А. Н.

Предположительно, это псевдоним Николая Анфиловича Синицына — учителя Пермской Мариинской женской гимназии, постоянного сотрудника «Пермских губернских ведомостей» конца 1890-х гг., известного своими обстоятельными литературно-критическими обзорами.

По Чердынскому уезду

(Наброски по личным впечатлениям)

1. Не помню сейчас, за который год, в одном из солидных наших ежемесячных журналов, выдающийся писатель заметил, что мы, русские, склонны больше изучать чужие земли, чужие народы, а на свое родное почему-то мало обращаем внимания. Истина этого замечания справедлива: Азия, Африка, а про Америку и говорить нечего, действительно, каждому почти русскому интеллигентному человеку больше известны, чем не только одна из отдаленных от него губерний, но даже один из отдаленных от него уездов. Встречается житель одной из северных губерний с южанином, вступает в разговор о своем житие-бытие и непременно через полчаса начинают смотреть друг на друга с изумлением: «Вот, дескать, оба мы русские, а точно иностранцы — поражаем друг друга своими рассказами о жизни, нравах, обычаях, картинах природы своих родных мест!» И верно, житель севера и южанин — иностранцы в этом отношении один другому. Да и то сказать, откуда много знать о различных местностях нашего отечества, если в

журналах больше пишут о «Современной Тунисии, о Панамском канале», а о русской земле, если и заговорят, то как-то случайно, торопясь поскорее перейти к описанию Востока, чтобы удивить читателя, ну хоть такими пышными заглавиями, как: «Первые шаги по почве Египта, Земляк-чичероне, Sic transit gloria mundi!.. Приключение с кустом ромашки», и т.д., и т.д. Слов нет, и это хорошая вещь: полезно и приятно прочитать и об Египте, и о китайской кухне, и о курильщиках опиума, но право полезно, приятно и в то же время необходимо изучать и то, что находится под носом: природу своего края, быт населения своей местности, ее природные богатства и т.п. Разумеется, есть капитальные труды о России, но ведь в капитальных трудах, в большинстве случаев иностранных ученых, чаще предлагается общий обзор, а на каждый отдельный уголок уделяется строк десять, пятнадцать и только. Раскрываем, например, одну из ученых книг и читаем: «В холодных, снежных пространствах бассейна Камы, из-за которых, однако, не раз велась борьба и проливалась кровь человеческая, города и большие села, образовавшиеся из прежних крепостей, торговые пункты и горнозаводские центры раскиданы на расстоянии сотен верст один от другого. Чердынь первая, по времени основания, из этих колоний, известная у летописцев под именем «Великой Перми», занимает необходимое (?) положение на одном из верхних притоков Камы, в том месте, где оканчивается судоходство по этой реке и начинаются волоки к Печоре, через которые еще не так давно существовал канал, впрочем, слишком мелкий для того, чтобы приносить какую-нибудь практическую пользу. Этим каналом можно было пользоваться только во время половодья; но казна продала его шлюзы, а местные жители уничтожали остальное, чтобы присвоить себе монополию перевозки кладей сухим путем». Согласитесь сами, что такого описания слишком недостаточно, чтобы составить себе более или менее полное и жи-

вое представление «о холодных и снежных пространствах бассейна Камы», где, между прочим, лежит и Чердынский край, о котором мы хотим вести речь. Позвольте, скажут нам, вы цитировали небольшое место о крае, извольте заглянуть на другие страницы этой книги, вы найдете рассуждение о населении, о пермяках. С удовольствием раскрываю эту новую страницу и с наслаждением выписываю еще одну тираду, которая, вперед скажу, блестяще подтверждает все мои предыдущие замечания. «Название “пермяки” означает, как говорят, “горцы” и происходит от слова “парма”, применяемого на всей северной покатости к лесистым горам и плоскогорьям. Определения их численности представляют большое разногласие, зависящее, главным образом, от того, что племя это почти совершенно обрусело, так что очень трудно провести точную разграничительную линию между пермяком и русским; впрочем, можно составить себе понятие о неведении, в котором еще пребывает сама администрация относительно тех и других, по тому курьезному факту, что соликамское земство недавно открыло в крае целую местность, жители которой оставались до сих пор совершенно неизвестными правительству и никогда не были ничьими подданными». Полагаю, всякие комментарии излишни! Итак, из научного труда мы вычитали, что есть благодатные уголки, которые не только не исследованы, но о самом существовании которых одно время никто не подозревал!

<...>

2. Когда я направлялся в г. Чердынь, шутники-товарищи подтрунивали: «Счастливцев, — говорили они, — едешь ты в благодатный край — семга, рябчики, езда на оленях...». Не в обиду будет сказано, если я теперь отвечу, как некогда Афанасий Никитин: «Мне залгали бессермены, а сказывали всего много нашего товару, оно нет ничего на нашу землю». Семги, правда, с Печоры, или, как говорят в Чердыни, с Якши, привозят много; рябчиков крестьяне, и это правда, бьют в чердынских

лесах тоже много, но все это в Чердынь только привозят, чтобы тотчас же провезти подальше, в настоящие российские города. Иначе и быть не может: давно уже известно, что сапожник ходит без сапогов, а, значит и город, который ведет торговлю семгой, рябчиками, мехами, должен в силу той же логической последовательности, оставаться без всей этой роскоши. Что говорить, и в Чердыни остаются части этих природных богатств, но цена на них стоит не только ниже, чем в Перми например, но, пожалуй, даже и выше. Хотя справедливость требует добавить, что некоторые «счастливыцы» удостаиваются покупать рябчиков в виде «брака», когда эти последние немного попортились, коп. по 5 по 6 за пару; бракованный рябчик не то, что гнилой, нет — он от неосторожного обращения потерял только свой надлежащий привлекательный вид, в каком обязан явиться в Питер или в Москву, к настоящим господам; головка помята, крылышко поломано — «брак», не годится. Впрочем, и рябчики, и семга вовсе, по крайней мере, с моей личной точки зрения, не представляют предмета первостепенной важности, чтобы на них долго останавливаться; упомянул я об этом опять-таки с той целью, чтобы показать ошибочные представления губернских некоторых жителей о Чердынском уезде, хотя он лежит отнюдь не за горами. Кроме того, и семга, и рябчики, нет сомнения, составляют важные предметы оптовой торговли, наравне с лесом, из которого строятся баржи, дающие при перепродаже иногда по несколько тысяч барыша хозяину каждая. Остаются олени, но о них я совсем уж говорить не буду, во-первых, потому, что этих красивых животных даже «в браковке» в Чердыни не имеется, а, во-вторых, и потому, что мне лично и в целом уезде не только не приводилось ездить на оленях, но даже ни разу не случалось и видеть их. В Чердыни вы можете только видеть, и то, конечно, зимой, и мужиков и господ в оленьих шкурах... Костюм этот называется «совиком»; шьется они в виде широкого мешка,

с башлыком круглой, но не конусообразной формы, так, чтобы мех сравнительно плотно облегал всю голову. Кроме башлыка, у совика имеются еще рукава — и только: никаких застежек, ни пуговиц не полагается. «Залезать» в совик приходится снизу, надевая его на себя через голову подолом. Так как совики шьются из оленьих шкур мехом кверху, то более для приятности, чем по необходимости, под совик вы надеваете еще — ну, хотя худенькое весеннее пальто; в таком одеянии вы застрахованы от холода 30, 40 верст, даже в трескучий — 30, 35° мороз. Совик одежда замечательно удобная, легкая и недорогая — от 12 и до 30 рублей. Заговорили о зимнем костюме, кстати коснемся здесь же и зимних поездок. В зимних разъездах по Чердынскому уезду, по всей вероятности, приходится встречаться с тем же, что и в других губерниях северного края России. Прежде всего — узкие дороги, с громадными, местами по обе стороны, сугробами, или, как их крестьяне называют, «надымами». Лошади, разумеется, запрягаются гусем. Если едет кто-либо на тройке, то достойна замечания выносливость мальчуганов. Дело в том, что тройкой одному ямщику управлять крайне трудно; особенно неловко на узких дорогах разъезжаться при встречах — потому-то на переднюю лошадь ямщик и сажает или своего сынишку, или нарочно нанимает постороннего мальчугана. И боязно и жалко смотреть на бедного мальчика: одежонка худая, большие отцовские валенки то и дело у него сваливаются с ног, так что обнажаются икры — того и гляди обморозит несчастный себе ноги, но привычка берет свое; по крайней мере мне не приходилось ни разу слышать о несчастных случаях; Бог милует.

<...>

3. Говоря без всякого красного словца, в Тулпане — как только слышат крестьяне, что едет кто-либо из начальства — следователь или становой, баста — мужики на лыжи и марш!

- Где мужики, — спрашивает приезжий?
- А в лес ушли, — отвечают бабы.
- А когда вернутся?
- А кто их знает, не знаем!»

Правда, и здесь можно встретить мужиков и следователя, и становому. Дело в том, что в тулпанской волости идет глухая борьба между туземным мирным населением, крестьянским людом, и отчаянными дезертирами. Придет беглый солдат, поселится в глухих дебрях и мысленно отмежевывает себе свое царство, так верст на 20 кругом своей хаты; занимается он здесь охотой и живет в свое удовольствие. Обходя свои владения, встречается дезертир с местным крестьянином и грозно спрашивает его: «Ты кто такой, зачем на моей земле?» «Как на твоей? — отвечает удивленный мужик. — Вишь вот тут моя тропа идет, я лесовать (охотиться) хожу!» «Ну, нечего лесовать, — перебивает его беглец — вперед чтоб не было, а то вот?» — показывает владетельный северный князь мужику на ружье. «И что ж ты с ним будешь делать, — жалуется крестьянин, — он один, ему что? терять нечего! Пальнет в тебя и вся недолга, а у меня жена, семейство. Просто житья от них от проклятых нет!»

Правда, нужно сказать, теперь Тулпанская волость все чаще и чаще начинает посещаться начальством, и храбрые беглецы все дальше и дальше начинают отодвигаться на север, уходя даже за Урал. Наезды начальства, конечно, не скоро еще окультивируют население — для этого нужны и другие средства. Средства эти известны — церковь и школа. В деревне Петрецовой, не доезжая до Тулпана 16 верст, имеется и то, и другое. Церковь пока устроена походная, небольшая. Помещается она в одной половине обыкновенной крестьянской избы. Иконостас складной, так что все можно уложить в ящики и переехать без особых затруднений на другое место. В недалеком будущем предполагается построить настоящий храм уже в самом Тулпане. Однако в петрецов-

скую церковь крестьяне пока ходят лениво. Кругом все раскольники. «Да и раскольники, Бог их знает какие, — говорил мне местный священник — ты с ними хочешь побеседовать, куда тебе, сторонятся, боятся, что ли, опоганиться. Это не настоящие какие-то раскольники; те — только заговори, с жаром вступят в спор, готовы рассуждать несколько часов сряду, а наши не такие. Поверите ли, в месяц фунта свеч в церкви не продается». Не знаю, кто прав, кто виноват — священник ли не способен производить благотворного влияния на народ, или, действительно, уж население слишком дикое и грубое, знаю только, что не так далеко от Тулпана, в Корепине священник о. Алексей Чечулин производит положительно чудеса: крестьяне его обожают, крестятся из раскольников не только дети, но и их отцы и деды, матери и бабушки...

<...>

4. Пока мы все путешествовали по северному участку Чердынского уезда, теперь любопытно заглянуть и в закамский край, пермьский центр наших глухих палестин. В закамье, положим, не все живут пермяки, но все же, отъехавши верст 160 от Чердыни, начиная, примерно, с деревни Селищ, вы попадаете в среду пермяков. Такие села, как Кочево, Юкseeво — чисто пермьские села, но есть, разумеется, деревни и села со смешанным населением — русско-пермьским, как например, большое сравнительно село Косинское. Все упомянутые села лежат на прекрасной трактовой дороге, которая тянется от Чердыни до большого закамского Юрлинского села на протяжении почти 300 верст. В сторону от этой большой дороги, к настоящим пермякам, как, например, в Чураки, Пятигоры, Пуксип и др., приходится с грехом пополам пробираться по плохим проселочным дорогам.

Как узнать, что мы попали в пермьский край? Очень легко! Как только вы услышите слово: «абу» — значит, «пошел пермяк»; или, если вы вслушаетесь в

разговор ямщиков и заметите в выговоре слов вместо звука «г» звук «к» — это тоже верная примета пермяка, говорящего на русском языке. Но первая примета, это знаменитое «абу» — божественная примета! Если заговорили пермяки, то держит речь в большинстве случаев один, а слушатели или мычат, что значит «хорошо», «согласен», или так и сыплют «абу», «абу» — без конца, т.е. нет, нет и нет! И уверяю вас — они не врут. Вы приехали на станцию, вам надо лошадей — их «абу»; надо смазать телегу, надо деготь — его «абу»; надо сбрую — ее «абу» — что хочешь делай! Беззаботность, беспечность, неряшливость, обжорство, скрытая хитрость, мстительность — таковы, по моему мнению, отличительные черты закамского пермяка. Многие, характеризуя быт пермяков вообще, упускают из виду эти последние черты характера, обращая главное внимание на их религию и язык. Религия пермяков, как утверждает один географ, официально та же самая, как и у русских — об этом мы поговорим немного ниже: что касается языка, то совершенно справедливо замечено, что словарь пермяков очень беден, и для близких между собой понятий они принуждены употреблять одно и то же выражение. По этой причине они заимствовали много слов из русского языка.

Кроме языка, есть еще две верные приметы, что мы попали к пермякам — это непролазная грязь на улице и в избе, а, во-вторых, достославная пермяцкая брага! Грязь... Господи ты Боже мой! Что делается, особенно зимой, в избе у пермяка, когда все ребята в сборе — умопомраченье! Пол, хотя сделан и из теса, но об этом только можно догадываться; грязь на нем, навоз, лужи от телячьего поила, словом, всякая мерзость. Окна — с одними рамами — все затянуло; вместо стекол во многих местах торчат в них грязные тряпки, доски. Мрак в избе, а главное — холод страшный... но все же есть настолько тепла, чтобы выпускать сюда по временам телят, поросят, даже коров, чтобы подоить этих послед-

них. Итак, на «земле избы» — животные неразумные. Если взглянем немного выше в воздушное пространство, то встретит взор наш какой-то ящик; что-то в нем завернуто в грязные лохмотья. Это что-то начинает издавать сначала какие-то неопределенные звуки, затем сопит и, наконец, кричит человеческим голосом — это младший член пермяцкой семьи, ребенок. «Вопить» ему приходится часто, потому что холод не свой брат, а к тому же и дым от лучины ест несчастному глаза. Поднимемся в третий ярус, ближе к потолку, посмотрим на печку и полати — здесь своя жизнь, свой мир, разумные существа, у которых на лице выражается и изумление, и испуг... наконец, здесь слышатся и членораздельные звуки. Хороша картина? «Ах, бедные, ах бедные! — восклицает незнакомый с пермяцким житьем-бытьем человек — Какая нужда, какая нужда!» Как бы не так! Я, конечно, не хочу утверждать, что все пермяки зажиточны и состоятельны, но смело могу заявить и засвидетельствовать, что картины, подобные только что нарисованной, вы встретите и в домах таких пермяков, которые обладают, не шутя говорю, тысячами. Спросите вы в любой такой пермяцкой избе — а что, брага есть?.. Пермячка, которая по-русски не говорит, а понимает из пятого в десятое, только улыбнется на ваш вопрос. Браги нет — забавно... изволь!» Отправляется баба в клеть и, немного погодя, приносит в деревянной чашке, на которой по красному фону разведены различные фигурки черного и золотистого цвета, пермяцкий нектар — брагу. Брага бывает двух родов — т.е. теплая и холодная. Теплой мне пить не приводилось, а холодная, несмотря на то, что походит с виду на телячье поило, в иных местах варится довольно вкусная. Идет на эту брагу пареный овес, солод и мел, т.е. дрожжи. Брага принесена, но она вам вручается не тотчас же: хозяйка сначала при вас же «отведает» сама, а потом уже преподнесет и вам — «на, дескать, пей, отравы нет никакой!» Чашка расписная... Святители, как сказал бы Гоголь, да это настоящее сви-

ное корыто: чего, чего только нет на стенках этой посуды! «Да ты моешь ли когда-нибудь чашку-то?» — спрашивает бабу, но при этом непременно должны ткнуть пальцем на чашку, тогда пермячка поймет, о чем идет речь. «Мью, мью», — лепечет она, что означает — «как же, мою, мою!» Вы переламинаете себя, отпиваете несколько глотков, а в чашке, надо заметить, добрый будет ковш, а то и два. Пермяки смотрят с удивлением, как это вы так мало изволили отпить столь утешительного и целительного напитка; из-за этого не стоило и мараться. Пермяк, если уж приложится, то осушит все до дна. И пьют же этой браги пермяки несметное количество! Без браги пермяк не понимает смысла жизни. В избе хлеба нет — это не беда, но если браги нет — это последнее дело. Бог его знает, не смею утверждать, но мне кажется — у низкорослого, подслеповатого пермяка потому такой несоразмерно большой живот, что он надсаживает его злосчастной брагой. По внешности пермяк вообще неказист: большой живот и подслеповатые глаза портят все дело. С животом можно покончить, но о глазах не мешает поговорить. Именно в силу того, что пермяки живут в грязи, у них развита болезнь глаз, как ее врачи называют, «трахома». Болезнь эта упорная, и что особенно худо — прилипчивая, заразительная. Большую борьбу приходится вести учителям и учительницам из-за этой скверной болезни с ребятами в школе. «Ведь у тебя глаза болят, — допрашивает педагог своего мальчика, — что же ты к доктору не сходишь? Ведь ты ослепнешь, да и других больными сделаешь; непременно сходи к доктору!» Мальчик отмалчивается, приходит затем домой и жалуется своим родителям — вот, дескать, меня к доктору лечиться посылают. «А, коли посылают, так ты в училище и не ходи!» Вот вам и логика! Вообще малоразвитность и дикость нравов, к сожалению, проглядывают среди пермяков, а также и среди русских закамского края часто в обыденной жизни. Взять бы хотя отношение этого населения к той же медицине. Сколь-

ко тут смешного, сколько тут печального, сколько гнездится еще самых нелепых суеверий. «Ведь простого человеческого языка не понимают, — говорил мне один врач, — толкуешь, толкуешь: вот ты ступай туда-то, тебе дадут то-то, сделай то-то, понял? Понял! А извольте посмотреть, какие сюрпризики выходят, я мог бы десятки рассказать, ограничусь, какие под руку попадут. Приходит один раз в больницу здоровый, молодой парень. Что тебе? Да вот что-то палец на ноге пухнуть начал. Покажи! Показывает. Прописал я ему мазь, отдаю рецепт и говорю: иди в аптеку, тебе там мазь дадут, ее и будешь прикладывать к пальцу, а через недельку опять придешь. Понял? Понял. Уходит. Не прошло и трех дней — является. Ты что? Да што, господин дохтур, прикладывал, мазь-то уж износилась, а палец все не легчает. Как мазь износилась? Покажи!! И что же? На больном пальце оказался привязанным мой рецепт!

А вот и другой случай. Положил я в больницу молодого парня; стал он скоро поправляться, пища хорошая — физия с каждым днем все больше округляется и округляется. Приходят родные проведать. Ты что ж, говорят, лежишь, ведь оправился! Идут ко мне: пусть, господин дохтур! Нет, говорю, рано, пусть совсем выздоровеет. Ушли. Скоро являются опять и взбаламутили парня, до чертиков довели. Что же, оказывается, напели они ему? Знаешь, говорят, зачем это тебя дохтур не опускает? А вишь ты, он держит тебя, чтобы ты разжирел, а потом из твоего-то жиру и начнут «живучего пластыря» делать. Как вам это покажется?

<...>

Столь же дико пермяк исповедует и православную веру. Я не думаю осуждать всех пермяков без исключения, но скажу только, что религиозные верования пермяка никоим образом не могут быть поставлены на одну доску с религиозными убеждениями русского крестьянина. Пермяк может удрать такую штуку, о которой русский мужик и не подумает. Многие пермяки, хотя и

православные, бывают в церкви во всю свою жизнь только три раза: два раза невольно и один раз добровольно. Первый раз — когда пермяка приносят в церковь крестить; второй раз он приезжает в церковь венчаться и, наконец, в третий раз его приносят отпевать. Для иллюстрации, полагаем, не лишним будет привести из многих один фактец, который нам был сообщен самим священником одного большого села. «Приезжают однажды на нескольких подводах пермяки: «Батька! Иди пожалуста церква — свадьба венчать». Хорошо, сейчас буду. Проверил документы, опросил, все верно. Иду из алтаря, смотрю, а жених стоит уж в церкви — на голове шапка и кнут за опояской! Что ты это, кричу ему, разве можно в церкви в шапке! Снял парень шапку, удивляется. «Да вишь ты, батька, он впервой церква-то, ишо не бывал». Немного погода — смотрю — мой парень опять в шапке. Тут уж я не вытерпел, поставил его на колени, да так и венчал, позволял вставать только тогда, когда нужно было кругом аналая идти». Как хотите, а среди русских подобных казусов быть не может, по крайней мере мне не приводилось слышать ни от кого.

Однако, на основании всех переданных фактов мы выведем ложное заключение, если предположим, что тупоумие и отсутствие всякой сообразительности являются главными признаками, характеризующими умственное развитие закамского населения. Ничуть не бывало! Как закамский пермяк, так и обок с ним живущий русак в сфере своей родной деревенской жизни, в своих повседневных житейских делах подчас проявляет замечательную сметливость, жаль только, что сметливость эта чаще направляется в дурную сторону. Упрям пермяк, злопамятен и мстителен иной раз до безобразия: не сможет он своим умом доконать врага, будь это родной отец, брат, или кто другой — все равно, пермяк начнет искать ходатаев, ложных свидетелей, пустит в ход все средства, лишь бы только упечь противника, запятать

его куда-нибудь подальше, словом, сжить с глаз долой и затем приятно похвалиться перед своими деревенцами. В материальном отношении он часто выигрывает ничего, а, напротив, еще тратит много денег на сутяжничество, но это не мешает. Денег на прошения следовательно или кому другому не жалеют; в иных местах так даже прямо такса завелась: написать прошение мировому — рубль, следовательно — три. Вот, например, разбирается дело у следователя. Истец — молодой парень, женатый. Подал он на бывшего своего товарища просьбу — будто тот хотел его убить. «Дело было вишь так; меняли мы телушками: я ему отдал свою, а он мне свою; я получил придачи 10 коп. Вот он, значит, и привел меня к себе в гости, водкой угощать. Сидим это пьем, а баба-то его на полатах лежит; лежит да и говорит мне: мотри он тебя чачас ругать зачнет, а опосля и бить. И вправду — давай он меня ругать; я шапку взял, да и домой, а он меня на дороге на верховой настиг, да как шабаркнет по голове поленом, я пал и больше ничего не помню!» Бесхитростная вещь: пили два мясника, напились, хотели подрались в избе, «не приспело», подрались на улице; один оказался сильнее и другому «всыпал». Потерпевший озлился — и уголовщина!

А вот и другой пример. Мужик лет под пятьдесят. На правой руке, на среднем пальце, на первом суставе сияет отвратительная, гнойная рана. Дело опять вышло просто. «Ссорились мы с братом, — рассказывает увечный, — вот хорошо. Пришел этта-ка праздник; брат и говорит: иди, Степан, ко мне — выпьем, забудем все. Обрадовался я, пошел, и отец пришел; очевидно, старец уж почтенный, если сыну — рассказчику лет пятьдесят. Выпили, вдруг брат-то как хватит у меня палец, да прямо в рот. Я кричать, а он не пускает; я вырывать, побег было от него, а он все кусает, все кусает, так и откусил. Что ж ты не лечил? Лечить! А как опосля увечье-то доказать? Да, ведь, может случится антонов огонь, палец сгниет и рука

сгниет — умрешь! Ну, умрешь, а теперь вот и пусть смотрят». Это ли еще не мрак и невежество? Разбирать такие дела крайне трудно; пошное сутяжничество, страшно развито лжесвидетельство: хоть не видал, да видал; бутылка водки или там рублевка, трешница, смотря по делу, производят магическое действие. Правда, прекрасно — стали раскрываться случаи лжесвидетельства, и не особенно давно, как привелось мне слышать, троих притянули за ложную присягу и сослали в Сибирь; теперь некоторые стали поосмотрительнее. Выступать в качестве свидетеля на суде у иных превратилось прямо в особого рода профессию, выгодно: работы никакой, не работай, а прогонные деньги получай.

ПГВ. 17, 31 дек. 1894 г.; 15 янв. 1895 г.

Чубин

Чубин — псевдоним литературного критика, активно сотрудничавшего с газетой «Пермские губернские ведомости» в 1913–1914 гг. Каких-либо сведений об этом авторе найти не удалось. Предположительно, ему же принадлежат публикации за подписью Черномор.

Два слова о современном человеке

Л. Андреев в одной из своих публицистических статей, появившихся недавно, указывает, что личная жизнь современного человека сделалась более бедной поступками, внешними своими проявлениями, но зато она обогатилась глубиной душевных переживаний.

В тиши кабинетов, в молчании, происходят работы сердца и ума. Чувства, мысль потеряли в своём размахе, но приобрели большую утонченность; больше в них отенков, мелких штрихов. И другие масштабы потребны для того, чтобы распознать современного человека. Судить о нем можно не по действиям, а необходимо заглянуть во все почти незаметные извивы его молчащих настроений. Изучать приходится, если так можно выразиться, психологическую сосредоточенность. Отсюда литера-

тура XIX в. породила Достоевского, Чехова, Метерлинка, которые разбирались в лабиринте, в зигзагах, неровностях человеческой души, но не останавливались на рисовании поступков с их внешней показной стороны.

Словом, по мнению Л. Андреева, пёстрая, яркая, разнообразная по своим случайностям, эффектам личная жизнь перестала быть типичной для нашей современности.

Такое утверждение, пожалуй, верно, если, как это Андреев и делает, сравнить художника эпохи возрождения Бенвенуто Челлини с современным европейцем. Действительно, для настоящего времени не характерно существования, полное сильных ощущений, существование, сотканное из донкихотских авантюр. Но можно ли рассматривать в такой исторической плоскости вопрос о психологическом типе личности?

И вот здесь-то приходится дать категорический отрицательный ответ. Для богатства житейского фона отдельного человека вовсе не нужно подвергаться риску, подобно золотоискателям Джека Лондона в Клондайке, и вовсе не нужны красивые жесты старого рыцарства. Между признанием отсутствия героизма в духе аргонавтов и отрицанием действительности у современных людей не только лежит просто дистанция огромного размера, но целая пропасть.

Наоборот, современный человек насыщен действиями, ему некогда уходить в созерцательность, некогда погружаться лупой и разглядывать подробности своих настроений. Его интересы тысячами нитей сплетены с интересами своих ближних. Романтическая ширь поступков людей средневековья, эпохи возрождения была, в значительной степени, результатом личного одиночества. Всякий новый шаг уже должен был казаться грандиозным, потому что он был шагом новаторским, не встречавшем поддержки, для него не было путей, для него не было вех, культурой поставленных.

Л. Андреев смешал понятие «обычное» с понятием «действенность» и вследствие этого пришёл к выводу, что жизнь современной личности более углублённо душевная, чем внешне действенная. В нашей жизни мало необычного, случайного, потому что работа наша предопределена устойчивым культурным бытом. Но ведь это не значит, что эта работа не интенсивна и что мы созерцатели.

Теория о какой-то психологической пассивности современного человека особенно далека от нашей действительности.

Наша народнохозяйственная жизнь процветает. Торгово-промышленные, сельскохозяйственные и все другие слои населения направляют свое внимание на дальнейшее улучшение и развитие всех сторон экономики страны. В связи с этим вырастает потребность в создании типа людей энергичных, умеющих вглядываться во все реальные вопросы, всплывающие в кругу экономических интересов каждого в отдельности человека. Красота поз, как и рассматривание под увеличительным стеклом полутонов души, — занятие положительно неподходящее.

Современный человек, а в особенности человек русский, все резче переходит к полезной культурной деятельности, оставляя кабинетную сосредоточенность на переживаниях людям, оторванным от корней дерева жизни. Поле для приложения сил культурным элементам у нас значительно расширяется. Отходит в область преданий архаический взгляд на деятельность промышленника и торговца. Она поднята до большой культурной высоты создавшимися у нас в последнее время высшими коммерческими школами.

Усложняющаяся жизнь все больше и больше отрывает современника от тиши переживаний, от разгадывания психологических загадок, вводя его в круг дела.

Русская литература должна уловить действенность русского человека, а не застрять на душевных туманностях. Рудинство и утверждение вот этого туманного

психологизма — две стороны одного явления, называемого ничемностью. Нельзя, конечно, отрицать литературы с психологическим уклоном, но нельзя считать единственно отражающей нашу жизнь и единственно характерной для неё.

ПГВ. 11 марта 1914 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Учебники и учебные пособия

1. Есин Б. И. История русской журналистики XIX века: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению 520600 и специальности 021400 «Журналистика». М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008.
2. Махонина С. Я. История русской журналистики начала XX века: учебно-методический комплект: учебное пособие: хрестоматия для вузов по специальности 021400 «Журналистика». М.: Флинта, Наука, 2009.
3. История русской журналистики XVIII – XIX веков: учебник для вузов / под ред. Л. П. Громовой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.

Монографии, сборники статей
и отдельные статьи

1. 250 лет Перми: Материалы научной конференции «Прошлое, настоящее и будущее Перми». Пермь, 1973.
2. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь, 2000; 2008.
3. Белавин А. М. Губернская Пермь. Пермь: Изд-во ПГПУ, 1996.
4. Богословский П. С. Из материалов по истории литературы и печати в Пермском крае // Пермский краеведческий сборник. Вып. 2. Пермь, 1926. С.16–29.
5. Богословский П. С. Пермский край в историко-литературном отношении // Экономика. 1925. № 3. С. 54–59.
6. Вестник Смышляевских чтений. Вып.1–5. Пермь, 1994–2008.
7. Дмитрий Дмитриевич Смышляев (1828–1893): Библиогр. указатель. Пермь, 2009. (Смышляевский сборник. Вып. 1).

8. Есин Б. И. Русская дореволюционная газета М., 1971.
9. История Урала в период капитализма. М., 1990.
10. История Урала: в 2 т. Т. 1. Пермь, 1976.
11. Курасов А. И. Становление и развитие революционной печати на Урале в начале XX в.: Уч. пособие. Свердловск, 1981.
12. Литературное краеведение Прикамья : материалы науч.-практ. конф. 25 апр. 2006 г. Пермь, 2006.
13. Макашина Л. П. Легальная печать и публицистика Урала в 1907–1917 гг. Свердловск, 1988.
14. Мандрика Ю. Л. Провинциальная частная печать. Тюмень, 2007.
15. Осоргин М. Известные по качеству // Осоргин М. Мемуарная проза. Пермь, 1992. С. 232–344.
16. Павлов В. А. Очерки истории журналистики Урала. Т. 1., Свердловск, 1992; Т. 2., кн. 1. Свердловск, 1995.
17. Периодика Урала: Библиографический указатель. Вып.1 (Дореволюционные издания). Свердловск, 1976.
18. Периодическая печать Пермской области: история и современность: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию рос. печати, Пермь, 26 марта 2003 г. Пермь, 2003.
19. Пермь от основания до наших дней: исторические очерки. Пермь: Книжный мир, 2000.
20. Пермский дом в истории и культуре края: материалы научно-практической конф. Вып. 1–5. Пермь, 2008–2012.
21. Русская периодическая печать (1702 – октябрь 1917 годов). Сб. под ред. А.Г. Дмитриева [и др.]. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1957.
22. Смышляевский сборник. Пермь, 2010, 2011, 2012.

Материалы

1. Какорин А. Священная седмица святых просветителей Пермской страны (XVI–XVII вв.). Пермь, 1996.
2. Осоргин М. Московские письма (1897–1903). Пермь, 2003.
3. Пермьяки: антология пермской фельетонистики конца XIX – начала XX в. Пермь, 1996.
4. Прогулки по старой Перми: по страницам городского фельетона конца XIX – начала XX вв. Пермь, 1998.
5. Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков // Смышляевский сборник. Вып. 1. Пермь, 2009. С. 231–237 (Публикация подготовлена П. Бабинцевой).

Электронные ресурсы

1. Электронная библиотека «Пермский архив» // Дом Пастернака. URL: <http://www.dompasternaka.ru/library/> (дата обращения 10.12.2012).
2. Пермский архив // Культура. Пермский край. URL: http://www.kulturaperm.ru/projects?show_id=163 (дата обращения: 10.12.2012).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абашев Владимир Васильевич – доктор филологических наук, зав. кафедрой журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного университета.

Антипина Зоя Сергеевна – кандидат филологических наук, зав. лабораторией политики культурного наследия кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного университета.

Власова Елена Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного университета.

Ганина Маргарита Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Пермского государственного университета (1946–1995), один из первых исследователей региональной журналистики на филологическом факультете Пермского университета.

Корчагин Павел Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Пермского филиала Института истории и археологии Уральского отделения РАН

Кустов Владимир Алексеевич – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русской литературы Пермского государственного университета, один из организаторов исследовательской и учебной работы в области региональной журналистики на филологическом факультете Пермского университета.

Печищев Иван Михайлович – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций Пермского государственного университета.

Чурилов Эдуард Викторович – историк, археолог, зав. отделом археологии Пермского краеведческого музея.

Учебное издание

**История отечественной журналистики:
проблемы региональной идентичности
и периодическая печать XIX – начала XX века**

Учебное пособие

Материалы Лаборатории политики культурного наследия. Вып. 8.

Составители:

Власова Елена Георгиевна

Антипина Зоя Сергеевна

Редактор *М. А. Шемякина*

Корректор *Н. А. Антонова*

Дизайн *Н.Макарихиной*

Подписано к использованию 19.11.2013.

Объем данных 2 Мб. Тираж 100 экз.

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного национального
исследовательского университета
614990, Пермь, ул. Букирева, 15